

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**СБОРНИК СТАТЕЙ
КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ»**

МОСКВА
25 НОЯБРЯ 2025 Г.

УДК 355.48
ББК 68.35
А57

А57 Актуальные вопросы военной истории. Сборник статей участников Конференции молодых ученых / Отв. ред. С.А. Орешин. – Москва: Издательский дом «Граница», 2026. – 240 с.: ил.

Сборник включает в себя статьи молодых историков-исследователей (студентов, магистрантов, аспирантов, научных сотрудников), участвовавших в научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные вопросы военной истории», которая проходила 25 ноября 2025 г. в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации. Статьи данного сборника посвящены проблемам военной истории Древнего мира и Средних веков, анализу актуальных вопросов Первой мировой и Гражданской войн, развитию советских вооруженных сил в межвоенный период, различным аспектам Второй мировой войны, вооруженным конфликтам современности. Представленное издание предназначено как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами современных исследований в сфере военной истории.

ISBN ISBN 978-5-9933-0645-2

Содержание

Никонов А.К.	
Приветственное слово	5
СЕКЦИЯ I.	
Военная история Древнего мира, Средних веков и Нового времени	
Новиков М.П.	
Римская экспансия в Восточном Средиземноморье и завоевание Крита	7
Ширко Д.Г.	
Начальный этап арабского завоевания Испании	15
Тепин Д.Н.	
Эволюция вооружения скандинавов эпохи викингов (VIII–XI вв.) в контексте социально-экономической и культурной трансформации	27
Политов В.В.	
Историческая миссия и военные походы князя Олега Ивановича Рязанского.	37
Крухмаль А.И.	
Археологическое изучение мест полевых сражений Средних веков .	49
Крисанов М.Н.	
Новые подходы в историографии к изучению Отечественной войны 1812 г.	67
СЕКЦИЯ II.	
Вторая мировая война 1939 – 1945 гг. в истории человечества	
Деев Д.А.	
Подвиг подольских курсантов: анализ причин прорыва у Большой Шубинки в октябре 1941 г.	77
Солдаткин Е.А.	
История 8-я Краснопресненской дивизии народного ополчения города Москвы	90
Зеленков Д.А.	
Современная историография Ржевской битвы	101
Пашукова Е.А.	
Великолукская наступательная операция 1942-1943 гг. Причины, ход, итоги	108

Инюшев К.С. Опыт применения специальных штурмовых подразделения в ходе Ворошиловградской и Ростовской наступательных операций зимой 1943 г.	122
Галенко В.И. Деятельность «СМЕРША» в установлении фактов преступлений немецко-фашистских захватчиков на территории УССР	132
Карпов А.В. Военно-политическое значение Яско-Кишинёвской операции	141
Секция III.	
Военная история XX – XXI вв.	
Литвин В.В. Окопная война в период Галицийской битвы: Ужасы фронта глазами солдат и анализ историков	154
Тихомиров А.А. Взгляд не первого после Бога: воспоминания Георга фон Хазе как источник о Ютландском сражении 1916 г.	161
Галимов Н.А. Локальные сражения Гражданской войны на территории Удмуртского Прикамья	170
Семченков Л.А. Производство винтовки Мосина на Ижевском оружейном заводе в межвоенный период.	182
Федотов Р.Р. Военно-историческое наследие Б.М. Шапошникова	192
Харина В.М. Музейная выставка как катализатор исследования: реконструкция истории семьи Палкиных по вновь открывшимся источникам	202
Лельевр М.К. Альтернативный взгляд на причины происхождения вооруженного конфликта на Корейском полуострове 1950 - 1953 гг.	217
Симанов Е.С. Внутренний вооруженный конфликт и колумбийское государство: смена стратегий в XXI в.	227
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	239

Приветственное слово участникам Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные вопросы военной истории»

Уважаемые участники конференции! Разрешите от имени руководства Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации и от себя лично поприветствовать вас в стенах нашего музея. Проведение научных мероприятий по военной истории приобретает особую значимость в условиях современных вызовов, стоящих перед нашей страной и научным сообществом. В этом году мы решили впервые провести конференцию молодых ученых, посвященную актуальным вопросам российской и зарубежной военной истории. Надеемся, что она станет ежегодной.

Сегодня здесь собрались молодые исследователи из разных регионов России. Это свидетельствует о том, что молодежь интересуется наукой, а разнообразие тематических секций и докладов позволяет понять, что у молодых ученых присутствует самый широкий спектр научных интересов. Подобные мероприятия также важны и в деле воспитания научных кадров, подготовки будущих высококвалифицированных исследователей. Подавляющая часть участников сегодняшней конференции – студенты, магистранты и аспиранты разных высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Вы стоите в начале научного пути. Перед вами открываются перспективы проведения масштабных научных исследований, изучения интересных тем, повышения компетенций, защиты квалификационных работ.

Конференция молодых ученых задумывалась нами как площадка для приобретения научного опыта студентами и аспирантами. Кроме того, конференция важна тем, что позволяет молодым исследователям обмениваться опытом со старшими коллегами, планировать совместные проекты.

Хочется отметить важность работы с первоисточниками. Это, прежде всего, материалы архивных фондов, изучение неопубликованных документов. Думаю, важным является привлечение музейных фондов, что позволит ввести в научный оборот многие интересные материалы. Нельзя не отметить значимость военно-исторических музеев, которые являются не только местом хранения множества уникальных экспонатов, но и имеют возможность проводить прикладные и научно-практические исследования по актуальным проблемам военной истории.

2025 год – юбилейный. 80 лет назад наша страна одержала великую победу в Великой Отечественной войне – самой тяжелой и кровопролитной в истории нашего государства. Неимоверным напряжением сил Красной Армии и всего нашего многонационального народа были сокрушены нацистская Германия и милитаристская Япония, освобождены из фашистского рабства многие государства Европы и Азии. В текущем году прошло немало научных мероприятий, посвященных юбилею Победы. Примечательно, что в ходе нашей сегодняшней конференции секция по Великой Отечественной войне собрала наибольшее количество докладчиков. Это говорит о том, что молодежь проявляет интерес к этому периоду. В истории Великой Отечественной войны до сих пор остается немало «белых пятен» и хочется верить в то, что молодое поколение военных историков сможет внимательно проанализировать и решить эти сюжеты.

Уверен, что в результате сегодняшнего мероприятия молодые ученые смогут получить хороший опыт выступления с докладами, участия в научных дискуссиях, написания научных текстов, что поможет им в дальнейшем при подготовке магистерских и кандидатских диссертаций.

*Директор Центрального музея
Вооруженных Сил Российской Федерации
Заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
к.и.н. Александр Константинович Никонов*

СЕКЦИЯ I. Военная история Древнего мира, Средних веков и Нового времени

Новиков Михаил Павлович

Римская экспансия в Восточном Средиземноморье и завоевание Крита

Аннотация. Статья посвящена эпизоду, предворяющему завоевание Крита римской державой, – миссии претора Марка Антония Критского, который в 72 г. до н.э. развернул военную кампанию против критян, обвинявшихся в пиратстве и помощи Митридату VI. Кампания Марка Антония – существенный элемент экспансии Рима в этой части Средиземноморья. На основе немногочисленных и противоречащих друг другу в некоторых деталях источников реконструируются закулисная деятельность отдельных сенаторов, использовавших обвинение Крита в пиратстве как предлог для обеспечения римских геополитических интересов.

Ключевые слова: Рим, сенат, Восточное Средиземноморье, Киренаика, Крит, Марк Антоний Критский, Квинт Цецилий Метелл Критский, римские провинции, империализм, античное пиратство.

Roman Expansion in the Eastern Mediterranean and the Conquest of Crete

Abstract. This paper examines an episode preceding the conquest of Crete by the Roman Empire – the mission of Praetor Mark Antony of Crete, who in 72 BC launched a military campaign against the Cretans, who were accused of piracy and aiding Mithridates VI. Mark Antony's campaign was a

significant element of Rome's expansion in this part of the Mediterranean. Based on a sparse and sometimes contradictory source material, the author reconstructs the behind-the-scenes activities of individual senators who used the accusation of piracy against Crete as a pretext to advance Roman geopolitical interests.

Keywords: Rome, Senate, Eastern Mediterranean, Cyrenaica, Crete, Mark Antony of Crete, Quintus Caecilius Metellus of Crete, Roman provinces, imperialism, ancient piracy.

Критские события 70-60-х гг. до н.э. (далее все даты – до н.э.) вписываются в общую картину экспансии Рима в этой части Средиземноморья. После победы на Коринфом в 146 г. и получения Римом Киренаики (на территории современной Ливии) по завещанию царя Птолемея Апиона в 96 г., в регионе осталось не так много независимых политий (государств). Если поначалу Риму не требовалось присоединить расположенный на «маргиналиях» географической карты Эллады Крит (как и Киренаику), то обострявшаяся в 80-70-х гг. нужда в новых ресурсах и стратегических средствах противодействия египетской державе Лагидов, равно как и другим предполагавшимся противникам, вызвала к жизни действия по завоеванию острова. Первым «пробным камнем» в этом деле стала кампания Марка Антония, которому во второй половине 70-х гг. поручили борьбу с «пиратством» во всём Средиземноморье, включая Крит. Критяне в 72-71 гг. якобы успешно отбили атаку, в связи с чем М. Антоний заключил будто бы «позорный» мир и получил прозвище «Критский» (Creticus), как бы содержащее известную долю насмешки над его неудачей. В данной работе предпринята попытка дать новую трактовку критским событиям 72-71 гг. и их итогу.

Ранее в историографии результат действий Марка Антония Критского признавался неудовлетворительным: в отношении как заключённого с критянами мира, так и его прозвища военачальника – «Критский» [10]. К настоящему моменту не произведено комплексного рассмотрения проблемы, хотя отдельные исследования по-новому оценивают как мир Марка Антония с Критом [2], так и смысл его прозвища [11; 12].

С II в. до н.э. действия римлян в отношении Крита были направлены на усиление Римским государством своих позиций на острове. Это достига-

лось как многочисленными медиациями, проводимыми римскими послами или посольствами, так и деятельностью римских negotiatores (купцов), поскольку многие римские медиаторы и арбитры, посещавшие остров в 189-85 гг., были связаны с итальянскими семьями или принадлежали к ним, экономически активным на «греческом Востоке» [4, с. 37]. Довольно часто этими итальянцами были «полугреки» из Южной Италии, надолго уезжавшие на Восток и зарабатывавшие там состояния [1, с. 33-34]. Это стимулировало интерес римских элит к далёкому и богатому Криту, и, соответственно, потенциально делало остров объектом римской экспансии.

Событиям 70-60-х гг. предшествовал визит на Крит в 85 г. до н.э. Луция Лукулла, «зондировавшего» островные полисы на предмет возможного союза против Митридата VI, что, несомненно, включало в себя и оценку общей ситуации на острове (Plut. Luc., с. 2). Но окончательного решения римский правящий класс к тому моменту, по-видимому, не принял. Итоговое изменение его позиции могло быть связано, в первую очередь, с геополитической ситуацией в Средиземноморье и финансовыми и продовольственными проблемами в самом Риме, который столкнулся с провалами в работе системы снабжения города хлебом (Cura Annonae) [2, с. 113; 3, с. 95]. В Риме ситуация с аннопа (продовольственным снабжением) примерно к 75 г. до н.э. накалилась до такой степени, что консулы Октавий и Котта, идя по дороге Via Sacra с Квинтом Цецилием Метеллом, были прямо на улице атакованы толпой, приведённой в ярость голодом; эти трое впоследствии спаслись и, очевидно, содействовали изменению политики Рима в отношении остававшихся независимыми средиземноморских государств [13, с. 21]. История с завоеванием Крита не только подробнее многих других аспектов истории острова данного периода описана в нарративных источниках, но ещё и проливает свет на перипетии политики внутри римской политической элиты, поэтому её следует проанализировать подробнее.

В 74 г. до н.э. – немного времени спустя после обращения в провинцию Киренаики – Марк Антоний, отец будущего триумвира Марка Антония, в свою претуру получил от сената командование над военными силами для борьбы со средиземноморскими пиратами – т.н. «бесконечный империй» (imperium infinitum) (Vell. Pat. II.31.1) [5, с. 13; 11, с. 938-939]. В этот самый момент Рим решил использовать проверенное временем пропагандист-

ское средство – «пиратскую карту», обращённую против критян, которые обвинялись не только в благосклонном отношении к врагу римлян – царю Понта Митридату VI и отправке к нему наёмников во время войны с Римом, но и в том, что они содействовали, как пишет Аппиан, «морским разбойникам, наводнявшим тогда моря, и явно помогали им, когда их преследовал Марк Антоний» (App. Hist. Rom. V.VI.1; Flor. I.XLII.III.7). После «надменного ответа» критян посетившим их римским послом, Марк Антоний с флотом из собранных в Греции союзников в 72-71 гг. отправился к острову и, как передаёт Флор, «...был так уверен в победе, что вёз на кораблях больше оков для пленных, чем оружия. И поплатился за свою опрометчивость, ибо враг перехватил много кораблей. Критяне привязали тела пленников к парусам и якорным канатам и на манер триумфаторов полным ходом вернулись в свои гавани» (Flor. I.XLII.2-3, Пер. А.И. Немировского). М. Антоний был то ли разбит, то ли остановлен, то ли даже победил, но в любом случае полностью подчинить остров ему не удалось, а с критскими полисами около 71 г. был подписан мир (Εἰρήνη), и в том же году проконсул, скорее всего, на самом Крите, и умер, успев лишь получить прозвище «Критский» (Creticus) (Liv. Per. 97.3; App. V.VI.1; Diod. Sic. XL.1; Flor. I.XLII.3).

Дальнейшее развитие событий проливает свет на изменения настроений и целей римских и критских элит. Как передаёт Диодор Сицилийский, после подписания мира критяне собрали совет, на котором по предложению «старших» и «наиболее благоразумных», было выбрано посольство из тридцати именитых критян (без указания их полисной принадлежности), которые отправились в Рим. Там они выступили в Сенате с собственной защитой и просьбой восстановить прежние отношения, перед этим проведя серию частных встреч с самыми влиятельными сенаторами. Это обеспечило им поддержку и, в конечном итоге, *senatus consultum* (декрет Сената), полностью оправдывавший критян и объявлявший их «друзьями и союзниками римского народа» (*amici et socii*), что явно демонстрирует преемственность с прежней практикой дипломатических контактов римлян и критян (Diod. Sic. XL.1). Однако вскоре после этого плебейский трибун Публий Корнелий Лентул наложил на сенатский указ *veto*, используя старые аргументы про пиратство критян, и поспособствовал формулировке очень строгих условий для капитуляции островитян. Им предписывалось передать

все суда и захваченных пленных Риму, выдать 300 заложников из именитых семей, выслать лидеров критских войск – Ластена и Панареса, а также выплатить огромную сумму контрибуции – 4000 талантов серебра (App. Hist. Rom. V.VI.1; Diod. Sic. XL.1) [9, с. 113].

Возвращаясь к Марку Антонию, следует подробнее остановиться на его прозвище, как исходной точке попытки новой трактовки событий 72-71 гг. Прозвище «Критский» (Creticus), полученное проконсулом, в историографии долгое время трактовалось как «издевательское», подчёркивающее понесённое от критян поражение, «одно из самых унижительных среди тех, что испытали римляне» [10]. Однако более подробное знакомство с контекстом всей деятельности проконсула позволяет иначе оценивать и прозвище, и заключённый мир. Нужно иметь в виду, что основной задачей М. Антония было обуздание «пиратства» во всём Средиземноморье, с чем он успешно справился как в западной его части, так и в восточной, при ограниченности собственных ресурсов. Очевидно, прозвище носило неофициальный характер: ведь Антоний не отпраздновал триумф и не был удостоен соответствующего постановления сената. Прозвище могло появиться или в похвале (*laudatio*) во время похорон военачальника, или благодаря солдатам, назвавшим его так при жизни (*appellatio*), что признаётся более вероятным в свете возможного спасения Антонием пленённых критянами солдат [2, с. 116-118; 11, с. 948-949; 12].

Но и основание для прозвища родилось не просто так: главной целью деятельности М. Антония изначально ставилось не покорение острова, а обуздание «пиратства» и обеспечение безопасности «критского фланга» в Митридатовых войнах, с чем тот, видимо, справился. Итогом военных действий Антония стал почетный мир (Diod. Sic. XL.1). Само слово (εἰρήνη), использовавшееся для обозначения мира – как применяет его Диодор, подчёркивает его значимость, что осознавалось и критским посольством, впоследствии отправленным в Рим для утверждения «дружеских» отношений, и рядом не названных Диодором влиятельных сенаторов, обеспечивших прокритский *senatus consultum* [11, с. 948-949].

Однако, обращаясь к отмеченному поводу римской агрессии в отношении Крита – обвинению критян в пиратстве, следует остановиться на самом характере обвинения. Существенно проясняет намерения Рима в

этом вопросе сложившаяся к моменту завоевания Крита эллинистическая традиция делегитимизации противника путём обвинения того в пиратстве, особенно развитая «пиратской полицией Средиземноморья» – Родосом [6, с. 39; 8, с. 112-116; 9, с. 73; 14]. Риму оставалось лишь воспользоваться разработанной «методикой», которая и дала повод для завоевания. Подчёркивает, однако, риторичность римской «борьбы с пиратами» сам характер завоевания острова Квинтом Метеллом впоследствии: описывавшийся в источниках как крайне жестокий и опустошительный (Flor. I.XLII.III.7), в действительности он не привёл к уничтожению прибрежных поселений и портов, где должны были бы располагаться пиратские базы [7]. Вероятно, определённая часть римской элиты использовала обвинение в пиратстве для укрепления геополитических позиций Рима, с одной стороны, и восполнения финансовых ресурсов, – с другой. Но закреплённый ими вариант решения встретил сопротивление, выразившееся в наложении на прокритский *senatus consultum veto* плебейским трибуном Публием Корнелием Лентулом, должно быть, выразившим интересы настроенной на более прямую эксплуатацию зависимых территорий части римской элиты.

Определённую роль в позиции плебейского трибуна П. Корнелия Лентула могло сыграть родство с другим Лентулом – Гнеем Корнелием Лентулом Марцеллином, который несколько позже действовал как легат квестора *pro praetore* Гнея Помпея в Киренаике, будучи назначенным для борьбы с пиратством, и который приложил руку к организации дел в провинции в 75-67 гг. до н.э. (AE1929.11; IGRR 1.1040; SEG 20.715). Тот же Квинт Метелл также не случайно оказался во главе нового завоевательного похода: как передаёт Дион Кассий, кампанию на Крите ему уступил вытянувший жребий Гортензий (Cass. Dio XXXVI.1a).

Таким образом, можно предположить, что одна крупная группировка сенаторов рассчитывала на решение критского вопроса заключением союзнического договора, однако другой – скорее всего, поддерживавшейся римскими коммерсантами и в Италии, и на Крите – перспектива полного завоевания острова виделась более выгодной, откуда и огромная сумма выплаты контрибуции, наложенной на критян, примерно равнявшейся половине всех доходов Рима с восточных провинций. Это свидетельствует о

том, что, хотя завоевание Крита и его присоединение к Римской империи и были неизбежными вследствие тенденций расширения территории Римского государства, время и формат присоединения могли выглядеть иначе, чем это описывалось в традиционной историографии.

Список использованных источников и литературы

Публикации сочинений античных авторов на языках оригиналов

- А). *Appiani*. Historia Romana. Vol. 1. Prooemium, Iberica, Annibaica, Libyca, Illyrica, Mithridatica, Fragmenta / Ed. P. Viereck, A.G. Roos, E. Gabba. – Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri. – 1962. – 545 p.

Переводы сочинений античных авторов

- А). *Анней Флор Луций*. Эпитомы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1977. 167 с.
 Б). *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. М.: Алетейя. 2005. 384 с.
 В). *Кассий Дион*. История. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История. 2011. 456 с.
 Г). *Ливий Тит*. История Рима от основания города. Т. 3. М.: Ладомир. 2002. 702 с.
 Д). *Плутарх*. Застольные беседы. Л.: Наука. 1990. – 592 с.
 Е). Его же. Сравнительные жизнеописания. В двух томах. Т. 1. М.: Наука. 1994. 702 с.
 Ж). *Патеркул Веллий*. Римская История. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1985. 211 с.
 З). *Тацит Корнелий*. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М.: Ладомир. 1993. 512 с.

Исследования:

1. *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2 томах. Т. 1. СПб: Наука, 2000. 400 с.
2. *Смыков Е.В.* Марк Антоний Критский – Ординарный человек с неординарными способностями. // Studio Historica. 2012. Vol. XII. С. 105-118.
3. *Badian E.* Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Ithaca, New York: Cornell University Press. 1972. 170 p.
4. *Bowsky W.B.M.* When the Flag Follows Trade: Metellus, Pompey, and Crete. // Electrum. 2001. Vol. 5. P. 31-72.
5. *Chevrollier F.* From Cyrene to Gortyn. Notes on the relationship between Crete and Cyrenaica under Roman domination (1st century BC–4th century AD) // Roman Crete: New Perspectives. 2016. P. 11-27.

6. *Cummings E.* Crete in the Hellenistic Aegen: seeing through the Cretan Mirage. University of Colorado at Boulder: Department of Classics, 2014. 83 p.
7. *Curtis M.J.* Beside the Sea: Unravelling the Maritime Landscape of Hellenistic and Roman Crete // Change and Transition on Crete. Interpreting the Evidence from the Hellenistic through to the Early Byzantine Period. 2023. P. 102-122.
8. *De Souza P.* Late Hellenistic Crete and the Roman conquest // Post-minoan Crete: Proceedings of the First Colloquium on Post-Minoan Crete held by the British School at Athens and the Institute of Archaeology. 1998. Vol. 2. P. 112-116.
9. *De Souza P.C.* Rome's Contribution to the Development of Piracy // Memoirs of the American Academy in Rome. Supplementary Volumes. 2008. Vol. 6. The Maritime World of Ancient Rome. P. 71-96.
10. *Foucart P.* Les campagnes de M. Antonius Creticus contre les pirates, 74–71. // Journal des Savants n.s. 4. 1906. P. 569–581.
11. *Kudryavtseva T.V.* Reconsidering the imperium infinitum of Marcus Antonius Creticus // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. №3. P. 937-950.
12. *Linderski J.S.* The Surname of M. Antonius Creticus and the Cognomina ex victis gentibus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1990. Bd. 80. P. 157-164.
13. *Oost I.S.* Cyrene, 96-74 B.C. // Classical Philology. 1963. Vol. 58. № 1 P. 11-25.
14. *Perlman P.* Kretes aei leistai? The Marginalization of Crete in Greek Thought and the Role of Piracy in the Outbreak of the First Cretan War // Hellenistic Rhodes, ed. by Vincent Gabrielsen. 1999. P. 132-161.

Ширко Дмитрий Геннадьевич

Начальный этап арабского завоевания Испании

Аннотация. Статья посвящена начальному этапу арабского завоевания Пиренейского полуострова в 711–714 годах. Автор подробно рассматривает причины и предпосылки успешного вторжения мусульман под командованием Тарика ибн Зияда, акцентируя внимание на внутренней слабости Вестготского королевства. В работе проводится сравнительный анализ военной организации вестготского и арабского войск. На основе критического разбора средневековых хроник (арабских и латинских) реконструируется ход битвы при Гвадалете. Особое внимание уделяется спорным вопросам: легенде о приглашении арабов графом Юлианом, численности противостоящих армий, датировке высадки и роли предательства в ходе решающего сражения.

Делается вывод, что стремительное завоевание Испании стало возможным благодаря сочетанию внутреннего кризиса Вестготского государства и военного потенциала Арабского халифата, находившегося на пике своего могущества.

Ключевые слова: арабское завоевание, Испания, вестготы, Тарик ибн Зияд, битва при Гвадалете, Родерик, военное искусство, мусульмане, Арабский халифат.

The initial stage of the Arab conquest of Spain

Abstract. The article analyzes the initial stage of the Arab conquest of the Iberian Peninsula in 711-714. The author examines in detail the reasons and prerequisites for the successful Muslim invasion under the command of Tariq ibn Ziyad, focusing on the internal weakness of the Visigothic Kingdom. The paper provides a comparative analysis of the military organization of the Visigothic and Arab troops. Based on a critical analysis of medieval chronicles (Arabic and Latin), the course of the Battle of

Guadalete is reconstructed. Special attention is paid to controversial issues: the legend of Count Julian's invitation to the Arabs, the number of opposing armies, the date of the landing, and the role of treachery in the decisive battle.

It is concluded that the rapid conquest of Spain was made possible by a combination of the internal crisis of the Visigothic state and the military potential of the Arab Caliphate, which was at the peak of its power.

Keywords: Arab conquest, Spain, Visigoths, Tariq ibn Ziyad, Battle of Guadalete, Roderick, military art, Muslims, Arab Caliphate.

Арабское завоевание Испании стало одним из важнейших событий Средневековья. За короткое время Пиренейский полуостров был почти полностью захвачен и надолго стал частью мусульманского мира. Это один из немногих случаев в Средние века, когда в результате одной военной кампании была завоевана целая страна, причем завоевание было прочным и привело к долгосрочному контролю. В этой связи история арабского завоевания Испании представляет серьезный интерес для военных историков.

Источниковую базу исследования составляют как арабские, так и латинские хроники. Среди арабских источников можно назвать работу Абд ар-Рахмана ибн Абд аль-Хакама «Завоевание Египта, аль-Магриба и аль-Андалуса», труд Ибн Кутийи «История завоевания Андалуса», а также «История мусульманских династий в Испании» Ахмеда ибн Мохаммеда аль-Макари. Из латинских хроник стоит выделить «Хронику Альфонса III», «Хронику Себастьяна», «Мосарабскую хронику» и «Арабо-византийскую хронику». Во время исследования использовались следующие научные работы: монография «Великие арабские завоевания» Х. Кеннеди, одна из глав которой посвящена завоеванию Пиренейского полуострова. Второй том труда Ганса Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории», в котором есть разделы по состоянию войска вестготов, а также второй том работы «История военного искусства» Е.А. Разина. Труд А.К. Нефедкина «Готы: первая полная энциклопедия» также затрагивает различные аспекты военного дела готов. Кроме того, история арабского завоевания Испании затронута в четвертом томе фундаментального труда О.Г. Большакова «История Халифата».

Объектом исследования данной статьи являются великие арабские завоевания. Предметом исследования является начальный этап арабского завоевания Испании.

Методология исследования представлена как общенаучными методами, такими как анализ и синтез, так и специальными историческими, такими как историко-сравнительный метод.

В течении VII в. почти весь Ближний Восток был покорен Арабским Халифатом. Арабы, объединенные под знаменами новой религии – ислама, полностью завоевали Сасанидскую империю, а также отняли у Византии довольно большую часть ее владений: Палестину, Сирию, Египет, совершили несколько крупных вторжений в Малую Азию. Также шло медленное, но неуклонное продвижение в африканских провинциях, которые Византия на тот момент уже почти не контролировала.

К началу VIII в. арабские армии почти полностью покорили Магриб. Все предыдущие десятилетия мусульманам сопутствовал успех, если не считать отдельных поражений, после которых мусульмане быстро восстанавливались и продолжали экспансию. Наступательный порыв был еще велик, когда они вышли к морю, за которым, как считалось, кончается мир. Правда, были средиземноморские острова, на которые мусульмане сразу же стали совершать набеги, а еще была Европа. В хорошую погоду арабы могли видеть берега Испании, которая была отделена от Африки узким проливом. Неудивительно, что желание вторгнуться туда возникло почти сразу. Первым, кто задумал провести своих людей в Испанию, был командующий пограничной крепостью Танжер Тарик ибн Зияд. Он был бербером, также, как и его подчиненные. Большая их часть была новообращенными мусульманами, и для многих из них ислам был интересен исключительно из-за возможности завоеваний и захвата добычи.

Вторжение мусульман в Испанию началось в 711 г. Данные о численности войска колеблются от 7 до 17 тысяч, однако первая цифра более вероятна. Подробности подготовки похода также мало известны, из-за того, что планировался лишь небольшой рейд, никто не ожидал, что завоевание Пиренейского полуострова окажется таким легким. Поэтому подготовка к вторжению прошла почти незамеченной. Лишь после грандиозных успехов завоеватели стали пересказывать подробности, многие из которых, скорее

всего, были выдуманы или сильно приукрашены. Согласно некоторым авторам, арабов в Испанию пригласил Юлиан, который был правителем Сеуты – портового города на северо-западе Африки. Абд аль-Хакам пишет, что, когда в Испании воцарился Родерик, Юлиан отправил к нему свою дочь на воспитание. В то время это было распространенной практикой и считалось знаком уважения. Родерик же сделал ее беременной. Узнав об этом, Юлиан, не имея возможности отомстить, предложил арабам помощь в нападении на вестготское королевство. Он помог перевезти арабское войско через пролив и укрыл его до прибытия подкреплений [1, с. 223 – 224].

Насколько эта история реальна, неизвестно, современные исследователи не пришли к единому мнению по этому вопросу. О.Г. Большаков считает, что эта история имеет под собой основание, так как этот сюжет не является типичным для рассказов о мусульманских завоеваниях. Кроме того, византийские источники под 682 г. упоминают некоего Юлиана, который в то время управлял Танжером. Учитывая, что Танжер находится недалеко от Сеуты, вполне возможно, что некий Юлиан управлял Танжером до его завоевания арабами, после чего был правителем Сеуты, также, как и вполне возможно, что он находился во враждебных отношениях с вестготами и, для борьбы с ними, воспользовался помощью арабов [8, с. 95]. Август Мюллер наоборот доказывал, что эта история полностью выдумана, так как Родерик стал королем лишь за несколько месяцев до вторжения арабов. Маловероятно, что эта драматичная история могла произойти за такой короткий срок. В любом случае, этот рассказ иллюстрирует, что недовольство новым королем было довольно высоким, причем настолько, что некоторые феодалы даже были готовы присоединиться к захватчикам-иноверцам.

Согласно аль-Маккари, первая высадка мусульман в Испании произошла в июле 710 г. В ней участвовало лишь 100 всадников и 400 пехотинцев. Это был обыкновенный грабительский набег и одновременно разведка боем. Отряд возглавлял некий Тариф. Мусульмане вернулись с большой добычей и пленными. Когда сведения об этом распространились, многие захотели отправиться в Андалусию [3].

К моменту вторжения арабов на Пиренейский полуостров вестготское войско представляло собой переходный вариант между варварским войском и феодальным. Все большую роль на поле боя играла конница, одна-

ко пехота также активно участвовала в сражениях. Основным построением пехоты была плотная фаланга, прикрытая щитами. Германцы называли такое построение «стена щитов». Бойцы строились по семейному и родовому принципу, однако в канун завоевания все большую роль начинали играть дружины знатных готов, набираемые из числа зависимых людей. Конницу составляли представители знати. Она использовалась для нанесения решающего удара, после чего пехота добивала рассеянные силы противника, либо, пока пехота сдерживала натиск врага, конница производила охват и ударяла во фланг или в тыл. Вооружение готского воина состояло из копья «фрамеи» длиной от 1,5 до 2 метров, метательных дротиков с металлическим наконечником или полностью деревянных, обожженных на конце. Также использовались секиры, луки, богатые воины могли иметь меч сакс длиной 80 – 100 сантиметров с прямым лезвием, предназначенным как для рубящих, так и для колющих ударов. Еще одним оружием ближнего боя был кинжал скрамасакс, представлявший укороченную версию сакса. Защитное вооружение состояло из щита и шлема, богатые воины имели доспехи. Конница вооружалась копьями (контосами) и круглыми, либо овальными щитами. Лишь самые богатые могли позволить себе кольчуги.

К началу VIII в. вестготское войско переживало кризис. Это видно по тем законам, которые издавали вестготские короли для повышения боеспособности. В 672 г. был издан закон, который начинался с жалобы на то, что многие воины не являются на службу или стараются как можно быстрее вернуться домой. Закон предписывал, что каждый, кто не явится для отражения врага в пределах 100 миль, должен быть подвергнут палочным ударам, обриванию налысо и принужден уплатить фунт золота. Тех, у кого не было таких средств, должны были отдать в рабство. В 681 г. закон был повторен, что говорит о его неисполнении. Суровые наказания, прописанные в законе, также косвенно свидетельствуют о его плохом исполнении [9, с. 302 – 306]. Немецкий военный историк Ганс Дельбрюк полагал, что разложение вестготского войска было связано с расселением вестготов по обширным территориям, из-за чего они не могли быстро собраться для войны. Кроме того, получив во владение крупные земельные наделы и другие богатства, вестготы больше думали о ведении хозяйства, чем о военной подготовке и о походах [9, с. 299 – 302]. Также падение боеспособности вестготского

войска связано с отсутствием крупных войн. Последний крупный конфликт произошел в 673 г.

После расселения вестготов в Испании, их войско продолжало строиться по родоплеменному принципу. Все свободные мужчины были военнообязанными. Они подразделялись на сотни, пятисотни и тысячи. В соответствии с этим делением они расселялись. В случае войны сотни, пятисотники и тысячники должны были собрать свои отряды и выступить с ними в поход. Однако к середине VII в. ополчение почти перестало собираться. Костяк войска теперь составляла королевская дружина, а также дружины приближенных короля. Причем состоять эти дружины могли не только из готов, но и из местного населения, возможно, даже из бывших рабов. Во многом это связано с тем, что после изгнания византийцев из Пиренейского полуострова, Вестготское королевство не вело крупных войн. Вся его военная активность ограничивалась подавлениями восстаний васконов и кантабров в северных горных районах.

Также, как и вестготское, арабское войско подразделялось по родоплеменному признаку. Его основу составляла легкая конница, но боевой конь стоил довольно дорого, и те арабы, у кого не было средств для его приобретения, служили в пехоте. Иногда для ускорения марша пехоту сажали на верблюдов. Полное вооружение арабского всадника состояло из двух луков и колчана с 30 стрелами, копья, метательного диска, меча, палицы или топора, 30 камней в двух сумках. Защитное вооружение состояло из шлема, панциря, поножей, наручей и набедренников. Однако далеко не каждый араб мог позволить себе полное вооружение. Большая часть воинов имела лишь часть из перечисленного. Поэтому арабы ставили в первую линию наиболее вооруженных воинов, во вторую вооруженных похуже и т.д.

Арабское войско делилось на три основные части – авангард, основные силы и арьергард. Авангард состоял из легкой конницы, которая проводила разведку, вступала в мелкие стычки с целью прощупать оборону противника. Завязав бой, авангард медленно отступал к основным силам, которые начинали решительное сражение [12, с. 109]. После великих завоеваний арабское военное дело обогатилось множеством византийских, персидских, тюркских, а, возможно, и китайских элементов. Один арабский писатель отмечал: «Как только разбит лагерь, эмир прежде всего повелевает в тот же день без отлагательства и задержки прорыть ров». То есть в арабской

армии уровень дисциплины был достаточен, чтобы после изнурительного похода, командир мог требовать у подчиненных построить укрепленный лагерь, что говорит о ее высоком уровне. Однако написано это было через несколько столетий после завоевания Испании, и насколько его описание применимо к VIII в. неизвестно. Можно предположить, что к началу VIII в. арабское войско приобрело свои основные черты и в дальнейшем менялось лишь в зависимости от условий театра военных действий.

В армии Тарика ибн Зияда арабы составляли меньше половины личного состава, остальную же часть составляли берберы. Естественно, они принесли с собой и свои методы ведения боя. Однако они вряд ли сильно отличались от арабских, так как берберы жили в очень похожем климате и занимались тем же полукочевым скотоводством. Даже арабы отмечали, что из всех народов берберы похожи на них больше всего. Схожая среда и образ жизни должны были сформировать и схожие методы ведения войны.

Источники приводят разную численность арабского войска. Чаще всего называются цифры 7000 и 17000 воинов. Первая цифра кажется более правдоподобной по логистическим соображениям. Переправа через пролив, даже узкий, является сложной логистической операцией. Помимо людей на другой берег необходимо перевести продовольствие, хотя бы на несколько дней, боеприпасы, лошадей, фураж, разные инструменты и т.д. Для этого всего нужны корабли, либо же пришлось перевозить войско небольшими партиями, что сильно затянуло бы переправу и дало бы противнику возможность уничтожить десант по частям. Кроме того, вряд ли у наместника Ифрикии было так много людей, что он выделил для похода в Андалус целых 17000, тем более, что позже Тарику было отправлено подкрепление, а ведь какие-то войска должны были оставаться в Африке. Можно также привести в качестве примера другие подобные военные предприятия, когда войску приходилось переправляться через пролив. Например, в 1066 г. нормандский герцог Вильгельм, переправляясь через Ла-манш для завоевания Англии, вел войско численностью примерно в 7000 бойцов [10, с. 96]. Таким образом, цифра в 7000 воинов у Тарика кажется правдоподобной.

Точная численность вестготского войска неизвестна, арабские источники называют цифры от 40 до 100 тысяч человек, что является фантастическими цифрами. По оценкам американского историка Г. Холселла армии варварских

королевств насчитывали от 10 000 до 20 000 человек. Возможно, что христианское войско действительно превосходило мусульманское по численности, однако вряд ли этот перевес был значительным. Экономические трудности, голод и эпидемии, регулярно случавшиеся в Испании накануне вторжения, должны были сократить численность военнообязанного населения, а также сильно ударить по материальным возможностям воинов. Кроме того, нужно помнить о нежелании многих вестготов идти на войну, особенно в другие районы страны. Исходя из этого, мы можем предположить, что Родерику трудно было собрать крупное войско, тем более, что во время высадки мусульман он подавлял восстание васконов. Его войско уже вело боевые действия какое-то время, а, как известно, свою максимальную численность средневековое войско могло сохранять не более нескольких недель. Поэтому мы можем предположить, что часть сил разбежалась по пути к побережью, тем более что Родерик выдвинулся сразу после получения известий о вторжении.

Хотя аль-Макари сообщает, что Родерик остановился в Толедо для сбора войска, подходящие свежие силы, скорее всего «уравновешивались» дезертирами. Вестготы могли иметь численное превосходство, если к Родерику присоединились сыновья бывшего короля Витицы, с которыми Родерик незадолго до этого сражался за престол, о чем говорят некоторые источники. О численном перевесе вестготов косвенно говорит и то, что, вскоре после вторжения, Тарик попросил подкрепления, которое составило 5000 воинов, таким образом, его войско стало составлять 12000 человек, и с такими силами он пошел на Родерика. Исходя из этого можно предположить, что у Родерика было около 10000 воинов. Хотя, конечно, Тарик мог не знать точную численность противника и попросить дополнительные силы для большей уверенности в победе, ведь он находился на вражеской территории с множеством крепостей и относительно большим мобилизационным потенциалом.

Источники не сходятся и в дате высадки Тарика. Аль-Макари передает несколько вариантов, передаваемых арабскими историками, сочинения которых до нас, к сожалению, не дошли. По одним данным, высадка произошла 28 апреля 711 г., по другим 19 июня. Наконец, есть сведения, что вторжение началось в июле [3]. Последняя дата представляется мало вероятной, так как уже в конце июля войска Родерика и Тарика встретились в генеральном сражении. Надо учитывать, что в момент вторжения Родерик находился на

севере, известия о высадке дошли до него за 10-12 дней. После этого войску нужно было подготовиться к походу и пройти всю страну, останавливаясь для сбора подкреплений. Таким образом, от момента высадки арабов и до подхода вестготов должно было пройти не меньше месяца, а скорее всего, больше, поэтому более реалистичной кажется первая дата.

Первым, кто вступил в бой с мусульманами, был один из королевских приближенных Теодемир, которого король специально поставил охранять побережье. Есть сведения, что незадолго до вторжения Родерик приказал собрать в одном месте всех имеющихся коней и оружие, что говорит о его осведомленности о возможном нападении. Через какое-то время подошла вестготская конница, которая вела с арабами мелкие стычки. В середине июля войско во главе с Родериком достигло побережья. Войска противников встретились 19 июля на реке Гвадалета.

Латинские хроники не сохранили никаких подробностей сражения. В хронике 754 г. говорится, что «Родерик пришел к Трансдуктинским отрогам, дабы сражаться с ними, и в той битве все войско готов, раздираемое ревностью, интригами и амбициями, нацеленными на королевский престол, обратилось в бегство, и он был убит.» [5]. В хронике 741 г. о завоевании Испании говорится лишь одним предложением. Хроника Альфонса III говорит о тех событиях следующее: «Как только король узнал о вторжении, он повел армию против них. Но, придавленные тяжестью грехов и преданные сыновьями Витицы, готы обратились в бегство. Войско, бегущее на встречу гибели, было почти полностью уничтожено» [6]. В арабских же источниках описывается не столько битва, сколько добыча, взятая после победы. Согласно ар-Рази, которого цитирует аль-Макари, битва шла 8 дней, по другим данным сражение заняло лишь 1 день.

Однако обе эти версии можно считать правдивыми, если предположить, что в течении недели между мусульманами и вестготами происходили мелкие стычки, лишь на восьмой день перешедшие в решительное сражение. Тем более, что и у Родерика, и у Тарика были причины бояться решительного сражения. Родерик, скорее всего, опасался предательства сыновей Витицы, Тарик же понимал, что в случае поражения бежать будет крайне трудно, так как придется переправляться через пролив. Поэтому, вполне возможно, что противники несколько дней вели между собой мелкие стычки, ища друг у друга слабые

места. Не исключено, что именно в это время сыновья Витицы договорились с арабами о переходе на их сторону. Такая практика была нередкой в Толедском королевстве. Король Атанагильд (551 – 567 гг.), борясь за власть, призвал на помощь византийцев, а Сисенанд (631 – 636 гг.) опирался на франков.

До нас дошло несколько вариантов того, как проходила битва, но ни в одном описании нет никаких существенных данных по тактике сторон. По одной версии, во время битвы Родерик сидел на троне. Тарик заметил его и повел своих людей в атаку, чтобы пробиться к королю. Добравшись до него, Тарик ударил Родерика мечом по голове и убил его. После этого в вестготском войске началась паника, и оно бежало. По другой версии, между вестготами и арабами завязалась ожесточенная битва, в которой никто не мог получить перевес. Но затем левый и правый фланги, которыми командовали сыновья Витицы, отошли, после чего центр, возглавляемый Родериком, был смят. Войско бежало, а король пропал без вести. Сомнительно, что Родерик во время битвы сидел на троне и просто наблюдал за происходящим. В вестготском войске все еще были сильны старые племенные традиции, согласно которым король должен был идти впереди войска, ну или как минимум участвовать в сражении. Тем более, что источники говорят, что, когда вестготы были разбиты, Родерик пытался спастись на своем коне. С трудом верится, что посреди боя, еще и неудачного, король смог отыскать своего коня, сесть на него и попытаться куда-то уехать. Поэтому, вероятнее всего, Родерик сражался во главе конного отряда в центре войска. Тарик, судя по всему, также атаковал во главе конницы.

Таким образом, мы можем дать следующее описание битвы. После нескольких дней стычек войска выстроились для решающего сражения. Какое-то время шел дистанционный бой при помощи луков и метательных дротиков. Затем началась рукопашная, которая продолжалась некоторое время, пока сыновья Витицы не перешли на сторону мусульман. После этого центр войска был смят, вестготы бежали, мусульмане преследовали их до темноты. Остается лишь непонятным, когда атаковала конница Тарика. Возможно это произошло до ухода сыновей Витицы, который и стал переломным событием битвы. Также возможно, что Тарик атаковал уже после бегства флангов, чтобы окончательно разгромить центр. Не до конца выяснена и судьба Родерика. После боя арабы нашли лишь его коня и одну сандалию. Скорее

всего Родерик пытался спастись вплавь, но утонул в реке. Хотя некоторые хроники пересказывают легенду, по которой он спасся и какое-то время продолжал сопротивление, но в итоге погиб. Даже если это так, какого-либо существенного влияния на дальнейшие события он не оказал.

После боя мусульмане разделили добычу. В разделе принимало участие 9000 человек, что косвенно подтверждает цифру в 7000 воинов на момент вторжения, к которым позднее прибавилось 5-тысячное подкрепление. Из этих 12000 нужно вычесть погибших в ходе стычек и в генеральном сражении, умерших от болезней и выбывших по другим причинам [8, с. 97].

После этого мусульмане начали планомерно захватывать испанские города. Лишь в некоторых местах они встречали сопротивление, но оно было неорганизованным. В 712 г. в Испанию приплыл Мусса и возглавил завоевание. К 714 г. Пиренейский полуостров был почти полностью завоеван. Сохранилось лишь несколько горных анклавов, которые впоследствии стали ядром Реконкисты. Мусса ибн Нусайр и Тарик ибн Зияд позже были отозваны в Дамаск, где впали в немилость у халифа.

Таким образом, в силу внутренней слабости Вестготского королевства, низкой боеспособности его войска и противоречий внутри знати, с одной стороны, и благодаря серьезному завоевательному порыву арабов, тому, что Арабский Халифат находился на вершине могущества, а его войско состояло из подготовленных и мотивированных бойцов, имевших большой опыт завоеваний, мусульманам удалось довольно быстро покорить Пиренейский полуостров. Завоевание арабами Испании в какой-то мере можно сравнить с завоеванием византийцами Вандальского королевства. Также, как и вестготы, вандалы были этническим меньшинством в своей стране, составляя лишь несколько процентов населения. Они также долгое время не вели крупных войн, были погружены во внутренние интриги. Правда, положение вандалов усугублялось еще и религиозным фактором – они были арианами, тогда как местные жители были ортодоксами, как и греки. В целом, Вестготское королевство повторило судьбу множества других варварских королевств, возникших на обломках Римской империи. Германское племя смогло занять большие территории и сделаться там господствующей прослойкой, являясь при этом абсолютным меньшинством. Большинство таких государств просуществовало лишь несколько десятилетий, Вестготское же

королевство продержалось целых три столетия, но, в конце концов, и оно пало под натиском мусульман.

Список источников и литературы

1. *Абд ар-Рахман ибн Абд аль-Хакам*. Завоевание Египта, аль-Магриба и аль-Андалуса. М.: Наука, 1985. 440 с.
2. Арабо-византийская хроника 741 г. // vostlit.info: Восточная литература: сайт. URL: <http://vostlit.info/Texts/rus8/chronik741/text.phtml?id=52> (дата обращения: 07.01.2026)
3. *Ахмед ибн Мохаммед аль-Маккари*. История мусульманских династий в Испании. // vostlit.info: Восточная литература. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus7/Makkari/frametext41.htm> (дата обращения: 07.01.2026)
4. Ибн аль-Кутийя. Книга завоевания Андалусии. // vostlit.info: Восточная литература. URL: https://vostlit.info/Texts/rus15/Ibn_al_Kutujja/text.phtml?id=1667 (дата обращения: 07.01.2026)
5. Мосарабская хроника 754 г. // vostlit.info: Восточная литература. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus5/Mosarab/frametext.htm> (дата обращения: 07.01.2026)
6. Хроника Альфонса III. // vostlit.info: Восточная литература. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/frametext.htm> (дата обращения: 07.01.2026)
7. Хроника Себастьяна. // vostlit.info: Восточная литература. URL: https://vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Sebastiani/text.phtml (Дата обращения: 07.01.2026)
8. *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 4. Апогей и падение Арабского халифата (696 – 750 гг.) М.: Восточная литература, 2010. 367 с.
9. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 2. Германцы. СПб.: Наука, Ювента, 1996. 352 с.
10. Его же. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3. Средневековье. СПб.: Наука, Ювента, 1996. 449 с.
11. *Кеннеди Х.* Великие арабские завоевания. М.: АСТ, 2010. 475 с.
12. *Нефедкин А.К.* Готы. Первая полная энциклопедия. М.: Яуза, 2017. 202 с.
13. *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 2. Военное искусство VI – XVI вв. СПб.: ООО Издательство «Полигон», 1999. 656 с.
14. *Halsall J.* Warfare and Society in the Barbarian west, 450 – 900. (Warfare and history.) London, New York, 2003. 320 p.

Тепин Дмитрий Николаевич

Эволюция вооружения скандинавов эпохи викингов (VIII–XI вв.) в контексте социально-экономической и культурной трансформации

Аннотация. Исследование посвящено эволюции вооружения скандинавов в VIII–XI вв. в контексте социально-экономических и культурных изменений. На основе сравнительного анализа археологических данных, письменных источников и типологии Я. Петерсена прослеживается трансформация холодного и защитного оружия от простых кустарных форм к стандартизированному серийному производству. Выявлено, что развитие оружия было тесно связано с ключевыми процессами эпохи: социальной стратификацией, становлением профессиональных дружин, изменениями военной тактики (переход к сомкнутым построениям) и формированием раннегосударственных структур. Делается вывод, что эволюция вооружения является наглядным материальным отражением перехода скандинавского общества от племенного уклада к раннему феодализму.

Ключевые слова: викинги, холодное оружие, мечи, вооружение, Скандинавия VIII–XI века, археология, типология Петерсена, военное дело, военная элита, социальная трансформация.

Evolution of Scandinavian weaponry in the Viking age (8th–11th centuries) in the context of socio-economic and cultural transformation

Abstract. The study is dedicated to the analysis of the evolution of Scandinavian weaponry in the 8th–11th centuries within the context of socio-economic and cultural transformations. Using comparative analysis of archaeological data, written sources, and J. Petersen's typology, it traces the development of edged and defensive weapons from simple artisanal

forms to standardized mass production. The research reveals that the evolution of weaponry was closely intertwined with key processes of the era: social stratification, the emergence of professional retinues, changes in military tactics (transition to close-order formations), and the formation of early state structures. The conclusion is made that the evolution of armament serves as a clear material reflection of Scandinavian society's transition from a tribal system to early feudalism.

Keywords: Vikings, cold weapons, swords, armaments, Scandinavia 8th–11th centuries, archaeology, Petersen typology, warfare, military elite, social transformation.

Анализ изменений в вооружении скандинавов VIII–XI вв. позволяет изучить их материальную культуру. Оружие в их обществе имело многогранное значение. Помимо утилитарной военной роли, оно выступало маркером социального статуса, отражением религиозных представлений и срезом уровня технологического развития общества.

Высокий уровень насилия в скандинавском обществе эпохи викингов был следствием комплекса суровых социально-экономических условий. Ограниченность пригодных для земледелия угодий на фоне роста населения прибрежных районов порождала острую конкуренцию за ресурсы. Это вынуждало многих земледельцев прибегать к оружию как для защиты своих наделов, так и для участия в грабительских походах в надежде обрести лучшую долю [7, с. 34–36]. Постоянную угрозу представлял и разбой на торговых путях, а такой институт, как хольмганг (поединок чести), эволюционировал к X в. из средства разрешения споров в инструмент узаконенного вымогательства и грабежа. Также в Старшей Эдде можно найти такое наставление из «Речей Высокого»: «Прежде чем в дом войдешь, все входы ты осмотри, ты огляди, – ибо как знать, в этом жилище недругов нет ли» [3, с. 19]. Все эти факторы говорят нам о том, что оружие было просто необходимо для всех социальных слоёв скандинавского общества.

Эволюцию вооружения викингов можно условно разделить на три периода: ранний (VIII в.), средний (IX–X вв.) и поздний (XI в.).

К VIII в. в Скандинавии большинство свободного населения имело доступ к оружию, прежде всего к топорам, саксам (мечам) и копьям. Техно-

логическая база раннего периода опиралась на использование местного сырья. Клинки зачастую изготавливались из болотного (кричного) железа. Производственный процесс включал в себя сложную технику кузнечной сварки: сердечник меча или наконечник копья формировался путём сочетания полос слабоуглеродистой стали (для вязкости и гибкости) и высокоуглеродистой стали (для твердости лезвия) [8, с. 22–26]. Качество таких изделий напрямую зависело от мастерства кузнеца и стабильности температуры в горне, что делало оружие крайне неоднородным по своим характеристикам.

Одним из самых массовых видов оружия были тяжелые копья, зачастую они имели длинные листовидные наконечники со слабо выраженными ребрами жесткости [11, с. 56–59]. Их важность подтверждается в «Речах Высокого» как обязательное оружие мужчины [3, с. 24]. Наряду с копьями активно использовались топоры, сохранявшие хозяйственные формы тип А по Петерсену, но уже появлялись боевые разновидности, такие как тип В с характерной «бородкой» [11, с. 69–71]. Несмотря на широкое распространение топора, в этот период он, в отличие от меча, не обладал ярко выраженным сакральным статусом. Его включение в погребальные обряды не сопровождалось тем уровнем ритуализации и декоративного оформления, который был характерен для мечей [9, с. 145–146].

Саксы (однолезвийные ножи-мечи) использовались в Скандинавии еще с конца V в. В VIII в. они представляли собой массивные универсальные инструменты с длиной клинка от 20 до 50 см [1, с. 146]. Несмотря на частое применение в стычках, сакс не являлся основным статусным оружием. В археологических находках этого периода саксы крайне редко декорировались драгоценными металлами, оставаясь сугубо функциональным предметом, предназначенным как для бытовых нужд в походе, так и для ближнего боя в тесноте корабельной палубы.

Еще в предшествующий эпохе викингов период Вендель (VI–VIII вв.) в Скандинавии были широко распространены меровингские мечи, производимые во Франкском государстве [9, с. 159–161]. Они отличались исключительной роскошью отделки. Это оружие в первую очередь имело статусное и церемониальное назначение: оно использовалось во время торжественных процессов и заседаний тингов (народных собраний). Од-

нако с началом эпохи викингов меровингские мечи были вытеснены каролингскими, отличавшимися простотой и более высоким качеством стали, а также характерной узорчатой ковкой [6, с. 32–34]. Эти мечи поступали в Скандинавию с территории долины Рейна как через торговлю, так и в виде военной добычи. По типологии Яна Петерсона наибольшее распространение получили типы В и С, характеризующиеся простыми гардами и массивными навершиями [11, с. 98–106]. Относительная однородность типов мечей говорит нам скорее об устойчивых торговых связях с франкскими оружейными мастерскими.

Скандинавские оружейники, начиная с VIII в., часто заменяли навершия франкских мечей на собственные изделия, украшенные характерным звериным мотивом [5, с. 119–127]. Эти изменения имели не только практическое значение – адаптировать длину рукояти и баланс меча для владельца, но и сакральный аспект. Начало декорирования мечей собственными навершиями и гардами говорит о достаточно развитом ювелирном деле.

Оружие дальнего боя в ранний период эпохи викингов не получило столь широкого распространения, как клинковое оружие. В сагах, относящихся к этому периоду, упоминания о них практически отсутствуют. Скандинавские луки этого периода изготавливались из цельного куска дерева, чаще тиса или вяза и имели длину до двух метров. Наконечники стрел в основном имели простую ромбовидную или листовидную форму. Что касается метательных копий, то их роль зачастую выполняли облегченные экземпляры длиной около двух метров, которые в случае необходимости можно было метнуть на короткую дистанцию [3, с. 19]. Также существовали и специализированные метательные копья, аналогичные франкскому ангону, с наконечником треугольной или листовидной формы [11, с. 56–68].

Вопрос защитного снаряжения в VIII в. стоял особенно остро. Большинство воинов, включая состоятельных бондов, сражались без металлического доспеха. Однако в сагах упоминается использование шкур животных (медвежьих, волчьих, оленьих) в качестве средства защиты [13, с. 126–128].

Щиты этого периода сохраняли архаичные черты эпохи Великого переселения народов [9, с. 145–146]. Они были плоскодонными, круглой формы, диаметром до 1 метра. Основным материалом служила древесина липы или сосны. Толщина щита в центре составляла до 20 мм, постепенно умень-

шаясь к краям для снижения веса. В центре располагался массивный железный умбон (чаще конической или полусферической формы), защищавший кисть воина. Для предотвращения расщепления древесины щиты обтягивались сыромятной кожей.

На этом фоне формируется образ вооружённого свободного крестьянина – бонда, ставшего основной военной силой скандинавского общества [7, с. 17–36]. Социальный статус определялся как личными заслугами (зачастую проявленными в военном походе), так и наличием качественного холодного оружия. Владение франкским мечом было признаком высокого социального положения. В культурном плане меч упоминается в сагах как подарок конунга, то есть вещь исключительной значимости [2, с. 209], визуальное подтверждение близости воина к конунгу. Однако основная масса воинов в это время использовала низкокачественное оружие местного производства из мягкой болотной стали.

Средний период эпохи викингов (IX–X вв.) ознаменовался значительным ростом разнообразия вооружения, вызванным бурным развитием как местного производства, так и импорта. Этот процесс шёл параллельно с глубокой трансформацией скандинавского общества: усилением социального расслоения и формированием постоянных профессиональных дружин – хирдов [9, с. 175–181].

Стимулом для развития собственного производства послужили санкции Карла Великого. Франкский император, осознавая угрозу со стороны северян, запретил экспорт оружия в Скандинавию, что создало дефицит качественных клинков на фоне растущего внутреннего спроса на престижное вооружение [7, с. 46]. Это вынудило скандинавских мастеров совершенствовать навыки. В крупнейших торговых центрах, таких как Хедебю и Бирка, появились специализированные оружейные кузницы, где осваивались методы сложной термообработки. Тем не менее, массовое оружие того времени всё ещё не отличалось идеальной прочностью. Как видно из «Саги об Эгиле», в бою меч героя постоянно деформировался, и его приходилось разгибать ногой прямо на поле боя [1, с. 143–144]. Это свидетельствует о том, что клинки могли иметь вязкую сердцевину при недостаточной закалке лезвий.

Наряду с качественными импортными франкскими мечами типа «ULFBERHT» и его вариациями, возникают и местные подделки с клейма-

ми – часто с ошибками в написании [5, с. 167-174]. Некоторые исследователи связывают это не столько с подделкой ради повышения ценности товара, сколько с верой в магическую силу символов.

Типология мечей в IX–X вв. значительно расширяется, отражая динамику культурных контактов. Появляются новые формы – типы L, M, V, W и особенно тип X по Петерсену, который станет переходным к классическому рыцарскому мечу [11, с. 183-194]. Мечи этого периода превращаются в предметы искусства: рукояти украшаются сложной резьбой в стилях «борре» и «еллинг», инкрустируются золотой и серебряной проволокой [9, с. 308-313; 5, с. 93-100]

Среди рубящего оружия лидирующие позиции занимает датская секира (тип M по Петерсену). Это массивный топор с широким, тонким лезвием и длинным топорщиком, предназначенный для удержания двумя руками. Мощь удара такой секиры позволяла пробивать кольчуги и раскалывать щиты [12, с. 131-132]. Декорирование топоров указывает на рост материального достатка их владельцев и на то, что топор начал догонять меч по своему символическому значению.

Копья в этот период становятся более массивными и удлинёнными, что увеличивало силу удара. Это было важно в условиях изменения тактики – перехода от индивидуальных стычек к организованному боевому порядку «стена щитов» [12, с. 90-92]. Популярность приобретают листовидные наконечники с поперечными элементами и выраженными рёбрами жёсткости, которые предотвращали деформацию пера, особенно при использовании менее качественной стали [11, с. 56-69]. Короткие саксы постепенно утрачивают чисто боевую функцию, превращаясь в хозяйственные ножи, в то время как их удлинённые варианты эволюционируют в норвежские однолезвийные мечи [11, с. 90-94].

Оружие дальнего боя в рассматриваемый период становится более технологичным. Скандинавские мастера начинают экспериментировать с двухдревковыми конструкциями луков, где сочетание разных пород дерева (например, тиса и вяза) обеспечивало повышенную мощность натяжения и дальность стрельбы [13, с. 93–147]. Метательные копья получают повсеместное распространение, превращаясь в обязательный элемент первого натиска. В «Саге об Эгиле» описан эпизод, где герой метает копье с такой

силой, что оно пробивает щит, броню и тело противника насквозь [1, с. 148]. Форма наконечников варьируется от узких ланцетовидных (бронестойких) до широких ромбовидных, наносящих тяжелые раны.

Конструкция щитов также совершенствуется. В дополнение к кожаной обтяжке щиты начинают укреплять стальными ободами по краям и внутренними вставками. Роспись щитов в этот период уже не просто декор. Изображения мифологических сюжетов несли сакральную функцию защиты владельца. Параметры щитов из Гокстадского захоронения (Норвегия) показывают, что при диаметре около 90 см они оставались достаточно легкими для активного боя, имея толщину в центральной части около 10–15 мм [12, с. 128-129].

Шлемы IX–X вв. представлены ограниченным числом находок. Наиболее хорошо сохранившийся образец – шлем из Гьёрмундбю (Норвегия), выполненный из четырёх пластин, соединённых в форме котелка с гребнем, и снабжённый полумаской в виде «очков», защищающей глаза и нос [12, с. 125-126]. Массового распространения шлемы не получили, о чём свидетельствует малое количество подобных археологических находок.

С X в. в Скандинавию начинается проникновение импортных защитных доспехов, обусловленное расширением торговых и военных связей викингов. Через торговлю в регион поступают кольчуги, доходящие до середины бедра, обнаруженные в погребениях знатных воинов в Гьёрмундбю, Бирке и Ярлсхауг, что указывает на их элитарный статус [9, с. 290-296]. Наряду с кольчугами, благодаря контактам с Византией, в Скандинавии появляются ламеллярные доспехи, наиболее известный из которых – находка из Бирки (Швеция) [12, с. 126-128].

Распространению импортных доспехов способствовали несколько факторов: ограниченные возможности местного производства, активная военная экспансия, обеспечивавшая приток трофейного вооружения, а также развитая торговая сеть, позволявшая приобретать защитное снаряжение у восточных соседей в обмен на меха, рабов и серебро.

Поздний период (XI в.) стал для Скандинавии этапом глубокой трансформации и формирования раннефеодальных государств [9, с. 51–55]. На смену племенному ополчению приходят централизованные армии, власть конунга значительно усиливается, а владение оружием окончательно ин-

тегрируется в налоговую и правовую системы. Законы Гулатинга (Норвегия) жестко регламентируют обязательный набор снаряжения: каждый свободный мужчина, обладающий определенным имущественным цензом, был обязан являться на тинг (народное собрание) или военный сбор, имея при себе «топор или меч, копье и щит». Производство оружия в этот период становится более централизованным: при дворах знати и в крупных протогородских центрах возникают кузнечные мастерские, обеспечивающие стабильно высокое качество и унификацию форм оружия [9, с. 304–307].

В этот период, по классификации Петерсона, большинство найденных мечей относится к типу Х [11, с. 186-194]. Этот тип мечей получил широкое распространение благодаря улучшенным боевым характеристикам: увеличенные крестовины обеспечивали надёжную защиту кисти, а удлиненное лезвие – эффективное поражение противника. Интересно, что в этот период появляются мечи с христианской символикой, что может свидетельствовать о постепенном вхождении Скандинавии в христианскую европейскую культуру [4]. Несмотря на развитие местного производства, импортные клинки (например, мечи типа «INGELRII») по-прежнему пользовались популярностью. Можно отметить также, что к XI в. меч перестал быть исключительным признаком военной элиты. Развитие массового производства оружия, а также рост благосостояния населения позволили получить доступ к мечам и рядовым воинам [9, с. 325-327]. Это неизбежно повлекло за собой снижение сакрального статуса меча.

Среди боевых топоров доминирующим все также остается тип М, а также появляется похожий на него тип L [11, с. 78]. Однако к концу периода викингов с развитием тактики боевых порядков топоры претерпели изменения в конструкции. Они стали использоваться не только для рубящих ударов, но и для захвата щита противника, что требовало изменений в их форме и балансе [9, с. 291]. Среди копий мы видим унификацию. В большинстве найденных образцов наконечник ромбовидный с поперечинами и выраженными ребрами жесткости [11, с. 59-67].

Что касается луков, то в этот период продолжали преобладать простые конструкции, изготавливаемые из цельного куска древесины (чаще всего тиса). Тем не менее, роль стрелков на поле боя неуклонно росла. Возрос-

шая защищенность воинов привела к массовому распространению специализированных бронебойных стрел. Из «Саги об Олаве сыне Трюггви» мы можем узнать о тактическом применении луков. Эйнар Брюхотряс начинает стрельбу из лука, стоя у мачты, не дожидаясь остановки судна [2, с. 163-164]. Однако тот факт, что в описании боя меткая стрельба Эйнара осуществляется им в одиночку, указывает на то, что массовое и систематическое применение лучников в сражениях всё ещё не было широко распространённой практикой.

На фоне неизменной конструкции круглого щита и роста распространённости кольчужных доспехов среди дружинной элиты, вопрос о шлемах этого периода остается дискуссионным. В историографии долгое время доминировало представление о повсеместном распространении конического шлема с наносником (так называемого «норманнского» типа). Однако археологические данные это не подтверждают: на территории самой Скандинавии отсутствуют такие находки шлемов, датируемых XI в. Основным аргументом в пользу их существования традиционно считалось полотно из Байё, где нормандские воины изображены в конических шлемах. Однако гобелен из Байё является продуктом англо-нормандской традиции и не может интерпретироваться как отражение общескандинавской культуры. Изображения на полотне могут быть художественной идеализацией или отражать специфическое вооружение норманнов, уже испытавших сильное влияние западноевропейской военной традиции [10, с. 34-39].

Таким образом, эволюция вооружения скандинавов VIII–XI вв. напрямую отражает переход от разрозненной племенной структуры к раннефеодальному государству. Простые и во многом универсальные формы оружия раннего периода сменились высокоспециализированными и стандартизированными образцами. Переход от кустарного производства к серийному, совершенствование тактики ведения боя в плотном строю, интенсивная торговля и культурное влияние христианской Европы – всё это нашло отражение в конструкции, эстетике и статусном значении воинского снаряжения. Оружие перестало быть лишь инструментом выживания, превратившись в сложный материальный символ новой государственной и социальной реальности Скандинавии.

Список источников и литературы

1. *Исландские саги*. Т. 1. СПб.: Нева, 1999. 832 с.
2. *Снорри Стурлусон*. Круг земной М.: Наука, 1980. 687 с.
3. *Старшая Эдда*. М.: АСТ, 2023. 512 с.
4. Sword from Langeid // Museum of Cultural History, University of Oslo. URL: <https://www.khm.uio.no/english/collections/objects/the-ornate-sword-from-langeid.html> (дата обращения: 06.01.2025).
5. *Андрошук Ф.О.* Мечи викингов. Киев: Простір, 2013. 712 с.
6. *Васютин С.А., Кабурнеев И.А.* Меч в североевропейской культуре VIII - XI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 2(34). С. 32–35.
7. *Гуревич А.Я.* Походы викингов. М.: Наука, 1966. 185 с.
8. *Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Феномен «трёхслойной технологии» (высокие технологии в средневековье) // Исторический формат. 2015. № 4(4). С. 21–32.
9. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
10. *Метлицкая З.Ю., Бриджфорд Э.* 1066: тайная история гобелена из Байе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2006. № 2. С. 34–39.
11. *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. Санкт-Петербург: Альфарет, 2005. 352 с.
12. *Викинги: мореплаватели, пираты и воины*. М.: Эксмо, 2007. 190 с.
13. *Paulsen H.* Pfeil und Bogen in Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 33. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1999. S. 93–147.

Политов Виталий Викторович

Историческая миссия и военные походы князя Олега Ивановича Рязанского

Аннотация. Статья делает попытку переосмыслить роль и значение исторической миссии великого князя рязанского Олега Ивановича в формировании древнерусского централизованного государства в момент активной борьбы за первенство на Руси между Москвой, Рязанью, Тверью и Нижним Новгородом. Одна из главных целей – развенчание сложившегося в части отечественной историографии мифа о предательстве общерусских интересов рязанского князя во время московско-рязанских войн и Куликовской битвы. Проанализирована личность князя с точки зрения полководца, политического деятеля и православного христианина, сделавшего много трудов для процветания родной ему Рязанской земли.

Ключевые слова: Рязанское княжество, Куликовская битва, Олег Рязанский, монголо-татарское иго, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский.

The Historical Mission of Prince Oleg Ivanovich Ryazansky

Abstract. This article attempts to rethink the role and significance of the historical mission of Grand Prince Oleg Ivanovich of Ryazan in the formation of the ancient Russian centralized state during the active struggle for primacy in Rus' between Moscow, Ryazan, Tver, and Nizhny Novgorod. One of the main goals is to debunk the myth, prevalent in some Russian historiography, of the Ryazan prince's betrayal of Russian interests during the Moscow-Ryazan wars and the Battle of Kulikovo. The prince's personality is analyzed from the perspective of a military leader, political figure, and Orthodox Christian who contributed greatly to the prosperity of his native Ryazan land.

Keywords: Ryazan Principality, Battle of Kulikovo, Oleg of Ryazan, Mongol-Tatar yoke, Dmitry Donskoy, Sergius of Radonezh.

Князь Олег Иванович Рязанский занимает особое место в русской средневековой истории. Этот незаурядный правитель поднял Рязанское княжество на такую высоту в эпоху феодальной раздробленности, которую оно никогда не занимало ни до, ни после, как указывал рязанский краевед С.Д. Яхонтов в начале XX столетия. Это был период высшего расцвета военно-политического могущества Рязанской земли. Как и любая крупная историческая личность, фигура

Памятник Олегу Рязанскому
на Соборной площади г. Рязани,
скульптор З.К. Церетели

Олега Ивановича обросла множеством мифов и несправедливостей, в то время как подлинные факты его биографии уходят на второй план и мало известны не только простому обывателю, но даже специалистам. Цель нашего исследования – обратить пристальное внимание на роль Олега Ивановича в становлении не только родной ему Рязанской земли, но и Московского централизованного государства, где, конечно, важную роль сыграла Куликовская битва.

Основными источниками по указанной теме являются сведения русских летописей (Рогожский летописец, Ермолинская, Львовская, Тверская, Воскресенская, Никоновская летописи и др.), а также духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, в которых фигурирует Олег Иванович [11]. По мнению А.Г. Кузьмина, именно в Никоновской летописи содержится основная масса оригинальных сведений о Рязани. Никоновская летопись в своей древнейшей части представляет собой особую летописную традицию, независимую от московского официозного летописания [9, с. 65]. Это очень важно, так как именно Никоновская летопись, по мнению многих ученых, указывает наиболее верную ориентировку при решении спорных моментов

в истории Рязанской земли. Эта летопись не носила исключительно прорязанский характер, так как писалась в Москве и содержит максимальное количество сведений и фактов именно о Рязани, а, к примеру, летописи южной традиции больше упоминают Муром, чем Рязань.

Корпус историографии довольно широк, начиная с «Истории» Н.М. Карамзина, который задал весь последующий тон негативной оценки Олега Ивановича в исторической науке и заканчивая современными работами местных краеведов, например, А.Ф. Агарева [1]. С.М. Соловьев, в отличие от Н.М. Карамзина, оценивал деятельность Олега Рязанского с положительной стороны, обосновывая его сотрудничество попеременно то с Ордой, то с Москвой необходимостью времени: «Не соединился с Москвою один потомок Святослава черниговского, Олег Рязанский: более других князей русских он был настрашен татарами; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошению от не очень значительного отряда татар, а теперь Мамай стоит на границах с громадным войском, которого пограничная Рязань будет первою добычею в случае сопротивления» [14, с. 243]. Отмечал он и силу Олега, его ум, политическую волю, позволившую успешно вести войну с великим князем литовским Витовтом за Смоленск (не будем забывать, что Витовт обладал гораздо большими ресурсами и имел мирный договор с самим московским князем Василием). Особенно стоит отметить работы дореволюционных историков Д.И. Иловайского и А.В. Экземплярского, а также советских ученых А.Г. Кузьмина и Л.В. Черепнина, уделивших отдельное внимание в своих трудах личности Олега Ивановича.

Родился Олег Иванович в 1338 г. Как пишет историк XIX столетия Д.И. Иловайский при восшествии на престол в 1350 г. Олегу Ивановичу было около 12 лет и в молодые года его окружали умные и преданные советники [16, с. 116]. Отцом Олега Ивановича долгое время считали Ивана Ивановича Коротопола. Однако современные исследователи в своем большинстве сходятся во мнении, что его отцом был рязанский князь Иван Александрович, правивший после изгнания из Переяславля-Рязанского Ивана Коротопола [13].

Впервые Олег проявил себя как талантливый полководец в возрасте приблизительно 27 лет, когда в 1365 г. на Рязанские земли внезапно напали татары во главе с Тагаем. Они сожгли Переяславль-Рязанский, разграбили ближайшие волости и возвращались в Мордовские земли. Князь Олег

собрал войска и при поддержке дружин пронского и козельского князей нагнал Тагая «под Шишевским лесом на Воине» и разбил татар.

Несмотря на попытку некоторых историков представить личность Олега Ивановича как противника общерусского дела, факты говорят об обратном. Первым таким опровержением мы можем назвать события Литве в 1370-е гг. В летописях отмечается, что в 1370 г. на помощь осажденным литовцами москвичам «приспе князь Володимер Дмитриевич Пронский, а с ним рать рязанская» [3, с. 194]. В Никоновской и Симеоновской летописях уточняется, что с пронским князем была рать великого князя Олега Ивановича Рязанского [2, с. 14].

Но после этого у Олега возникла тяжба со своим зятем, пронским князем Владимиром. Пронский князь обратился за помощью к Москве и на Рязань была послана рать Дмитрия Михайловича Волынского, который 14 декабря 1371 г. разбил Олега под Скорнищевым. На рязанский престол был возведен Владимир Дмитриевич Пронский. Но Олег не смирился, призвал на помощь отряд татарского мурзы Салахмира – мужа сестры Олега Рязанского – и восстановил свое положение. Уже летом 1372 г. Дмитрий Московский, Олег Рязанский и Владимир Пронский сообща подписали перемирие с литовским князем Ольгердом [1, с. 21-22]. Договорные грамоты Дмитрия Донского с Ольгердом 1372 г. и Михаилом Тверским 1375 г. свидетельствуют об установлении мира между Москвой и Рязанью. Первая грамота среди сторонников московского князя упоминает Олега Рязанского, вторая грамота и вовсе признает Олега Ивановича третьей стороной между Тверью и Москвой. Попытки Олега действовать совместно с Дмитрием Донским против Орды приведут к нападению Мамаю в 1373 г. на Рязань и захвату Рязани в 1376 г. царевичем Арапшой [16, с. 119]. Причем после второго набега Олег попал в плен и смог чудом вырваться, израненный стрелами, по словам летописца.

В 1378 г. Даниил Пронский и Олег Рязанский участвовали в отражении набега мурзы Бегича – полководца темника Мамаю в битве на реке Вожа в районе современного села Ходынино недалеко от Рязани, которая закончилась разгромом татар. В летописях не говорится о прямом участии в сражении Олега, но эта информация выводится из косвенных данных. Весть о походе татар на Москву была получена от Олега Ивановича, и участие

пронского войска в составе московской рати проходило при молчаливом согласии рязанского князя. Не случайно Мамай, желая отомстить за поражение в Вожской битве, обрушил свой удар именно на Рязань, которую разорил и сжег, уведя большой полон. Все вышеперечисленные сведения показывают Олега как союзного Дмитрию Донскому князя, что не отрицает периодических нарушений этих союзных отношений и крупных боевых столкновений в условиях существования двух суверенных средневековых государств, у которых были как общие, так и собственные интересы.

Наконец, наступает 1380 г., с которым связано центральное событие средневековой русской истории – Куликовская битва. Но именно участие в Куликовской битве на стороне Мамаю преподносят как предательство общерусских интересов Олегом Ивановичем. Как же все было на самом деле? Надо отметить, что московские летописцы не скупятся в эпитетах, описывающих личность Олега: худой умом, отступник, советник дьявола, душегубец и т.д. Такую картину дают Ермолинская, Львовская, Воскресенская летописи. Начиная с Н.М. Карамзина, официальная историография показывает Олега исключительно в виде предателя и изменника. Насколько справедлива такая оценка? Историк М.М. Щербатов, внимая этим летописным сведениям, менее предвзят в оценке Олега, но выдвигает мысль о том, что последний надеялся на бегство Дмитрия с поля боя, после чего Литва и Рязань могли поделить Московское княжество между собой. Историк Н.С. Арцыбашев (1773-1841 гг.) в книге «Повествование о России» критически рассмотрел высказывания московских летописцев об Олеге. В подобном ключе высказывался и Д.И. Иловайский, призывая взглянуть на Олега по-другому и освободить от незаслуженных нареканий. А.Г. Кузьмин указывает на то, что все обвинения в адрес Олега Ивановича имеют позднейшее происхождение, а слух об участии Олега в борьбе на стороне Мамаю был распространен в Москве для оправдания захвата у Рязани района Тулы в XV в. «Задонщина», которая была написана сразу после Куликовской битвы, ничего не говорит об Олеге Рязанском или литовцах.

Очевидно, что современные историки не учитывают ряд важных обстоятельств. Во-первых, Олег находился меж двух огней и вынужден был прибегать к дипломатическим приемам маневрирования. Во-вторых, окраинное положение Рязанской земли заставляло Олега всегда идти на переговоры

с татарами, чтобы спасти Рязань от регулярного разорения. Обстоятельства реальных шагов, предпринятых Олегом Рязанским, противоречивы не только в восприятии историков, но и в трактовке самих летописцев. Ведение переговоров Олегом с Ягайло и Мамаем сопровождалось его же переговорами с Дмитрием Ивановичем, которого он предупредил об опасности отдельным письмом о приближении Ягайло. Дмитрий Иванович шел на Куликово поле западными окраинами Рязанского княжества, причем без каких-либо столкновений с местным населением, и также мирно возвращался рязанскими землями после победы над татарами. Дмитрий Иванович не изъявлял никакого желания напасть на рязанские земли, как логично было бы предположить в случае перехода Олега на сторону Мамаю.

В оправдание Олега необходимо сказать, что в XIV в. не было ясности, вокруг какого княжества пойдет объединение Русской земли. Рязань, как и Москва, также претендовала на эту роль. Не нужно забывать, что официально в Куликовской битве помимо Рязани не участвовали новгородцы, смольняне, тверичи, нижегородцы, но об этом московские летописцы не упоминают. Из «Задонщины» нам известно, что в сражении погибло более 70 рязанских бояр, а это говорит о реальном участии войск Олега в сражении. Заметим, что рязанских бояр погибло более всех других, перечисляемых в списке потерь – например, звенигородских – 60, суздальских – 50, серпуховских – 40, владимирских – 35, литовских – 30, дмитровских – 23 и т.д.

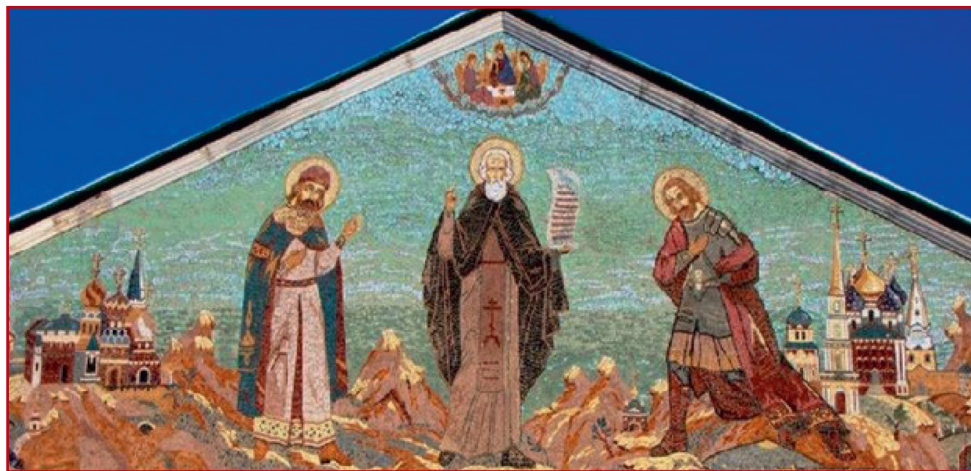
Сведения московских летописцев о том, что рязанские бояре приезжали к Дмитрию просить не нападать на Рязань после Куликовской битвы и о том, что Олег бежал в Литву, а Дмитрий посадил в Рязани своих наместников, выглядят довольно неправдоподобно и разбиваются о тот факт, что Олег по другим летописным свидетельствам в 1380 г. после битвы спокойно сидел в Рязани и вел переговоры с Дмитрием Ивановичем. Однако то, что в 1381 г. была заключена договорная грамота между Олегом и Дмитрием свидетельствует о том, что рязанские бояре приходили просить Дмитрия не о милости, а о согласовании условий мирного договора, по которому Олег признает Дмитрия старшим братом и приравнивает себя к Владимиру Андреевичу Храброму. Олег отказывается от союза с Ягайло и обязывается действовать заодно с Москвой по отношению к татарам, Литве и русским князьям. Логично предположить, что такие мирные договоры вряд ли могут

закключаться с врагами. По мнению В.А. Кучкина, все сведения о бегстве Олега в Литву не сопровождаются ссылками на источники. Впервые о бегстве Олега упоминал Н.М. Карамзин. Он опирался на «Сказание о Мамаевом побоище» поздней редакции, однако достоверно известно, что в более ранних Основной и Летописной «редакциях» «Сказания» его нет: «Летопись 40-х гг. XV в. не называет места бегства Олега Рязанского, его семьи и окружения. Нет и никаких других свидетельств, говорящих о пребывании Рязанского князя в конце 1380 – первой половине 1381 г. в Литве» [11].

Л.В. Черепнин попытался сравнить описание действий Олега накануне Куликовской битвы в Ермолинской и Львовской летописях с одной стороны, где Олег был назван Иудой [15, с. 600], и в Никоновской летописи и «Сказании о Мамаевом побоище», которые больший упор делают на то, что именно Олег был инициатором союза с Мамаем и Ягайло. По мнению Л.В. Черепнина, бросается в глаза искусственность и малая достоверность версии «Сказания» и Никоновского летописного свода о планах раздела Московского великого княжества между Литвой и Рязанью, об ожидаемом бегстве Дмитрия Ивановича из Москвы, о том, что Мамай не нуждался в поддержке вооруженными силами со стороны Литовского и Рязанского князей, а требовал лишь оказания ему «чести» [15, с. 601].

При нападении Тохтамыша на Русь в 1382 г. Олег вынужден был изменить условиям договора с Дмитрием и показать хану броды по Оке, но можно ли опять же за это его винить, когда он спасал свою землю, лежащую на пути ордынского похода? Дмитрий Московский не замедлил наказать Олега за эту измену и разорил Рязань. Олег Иванович три года собирался с силами для того, чтобы отомстить обидчику и 25 марта 1385 г. в день Благовещения разорил Коломну, а московского наместника Александра Андреевича Остея увел в плен.

После этого Дмитрий Иванович собрал рать под предводительством Владимира Андреевича Храброго. Но в сражении под Перевитском москвичи потерпели тяжелое поражение. Дмитрий спешно ищет мира с Олегом, но последний не соглашался его подписать, намереваясь вернуть Коломну и другие земли Рязани. В сентябре 1385 г. Дмитрий посылает в качестве авторитетного лица на переговоры в Рязань троицкого игумена Сергия Радонежского.

Мозаика на фронте Сергиевской церкви Свято-Троицкого монастыря г. Рязани. На мозаике изображено заключение мира между Дмитрием Донским и Олегом Рязанским при посредничестве Сергия Радонежского

Только после беседы со старцем Олег умягчил свое сердце и принял верное решение заключить вечный мир с Дмитрием Донским, причем мир действительно станет вечным, так как после него военных конфликтов между Москвой и Рязанью не будет вести ни Олег с Дмитрием, ни их потомство. В 1386 г. договор был скреплен браком сына Олега Федора и дочери Дмитрия Софы.

В 1400 г., уже после нашествия Тамерлана, Олег вновь одержал победу над ордынцами в степях Между Хопром и Доном и взял в плен их предводителя Мамат Султана. Необходимо отметить, что Рязань также стремилась контролировать Северские земли, но здесь она вошла в противоречие с двумя другими более сильными соперниками – Литвой и той же Москвой. О влиянии Олега в этом регионе говорят последние года его правления, а именно зима 1395 г., когда рязанский князь по просьбе зятя, смоленского князя Юрия Святославича, разбил литовского князя Витовта, причем в борьбе со своим могущественным литовским соседом Олегу помогали его союзники – князья пронские, козельские и муромские [16, с. 126]. Эти союзники присутствовали почти во всех войнах Олега и были его верными подручниками. Олегу еще раз удалось соединить под своими знаменами все отдельные дружины древнего Муромо-Рязанского княжества. Потомки

Михаила Черниговского князя елецкие и козельские также были верными подручниками Олега, а сын Тита Козельского Иван женился на дочери Олега. В Никоновской летописи город Козельск назван рязанским неспроста, так как Олег Иванович через матримониальные связи делал своих зятьев подручными князьями и вводил их в зону своего контроля.

Заслуживает упоминания то, что начало титулования рязанских князей «великими» относится именно к периоду правления Олега Ивановича, что отмечали в своих работах А.Е. Пресняков, В.А. Кучкин, А.А. Горский [8, с. 51].

Сведения об авторитете и патриархальном укладе личности Олега Ивановича мы узнаем из записок о путешествии митрополита Пимена в Царьград 1389 г. В них, в частности, говорится о торжественном приеме делегации митрополита в Переяславле рязанскими боярами и семьей Олега Ивановича. После угощения рязанский князь приказал боярину Станиславу и значительной дружине сопроводить делегацию вплоть до реки Дон, где их встретил елецкий князь Юрий, который, исполняя приказание великого князя рязанского, оказал им великую честь. Эти качества Олега Ивановича снискали в рязанском народе ему глубокое уважение и почитание по сей день.

О религиозном мировоззрении Олега Ивановича свидетельствует несколько фактов: переговоры его с Сергием Радонежским, основание в 1390 г. Солотчинского монастыря Рождества Богородицы и принятии им иноческого пострига с именем Иона, а также принятие им перед смертью 5 июня 1402 г. великой схимы с именем Иоаким. Таким образом, рязанский князь имел при жизни 4 имени: Олег – при рождении, Иаков – при крещении, Иона – при принятии монашества, Иоаким – при принятии схимы. Князь-инок подолгу жил в монастыре, неся послушания. В монастыре в качестве вериг он в течение

Кольчуга Великого рязанского князя Олега Ивановича, вес 7, 26 кг

Великий князь Олег Иванович
Рязанский и великая княгиня
Ефросиния, супруга его. XIX в.
Список с «парсуны» XIV в.

12 лет носил кольчугу весом 7,26 кг, которая дошла до наших дней, как и его честная глава, которая мироточит [7, с. 126].

Необходимо подчеркнуть трепетное отношение Олега к своей супруге Ефросинье, которая была дочерью литовского князя Ольгерда. Оба супруга после смерти были погребены в основанном ими монастыре.

Останки Олега Ивановича в 1917 г. подверглись перезахоронению после закрытия монастыря большевиками. В 2001 г. они были возвращены в монастырь и ныне покоятся там в храме Святого Духа. Благодаря стараниям члена ученой архивной комиссии Рязанского музея С.Д. Яхонтова удалось сохранить кости Олега и княгини, которые покоились в особой гробнице. Работа ученых из Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН позволила по черепу Олега Ивановича восстановить внешний облик князя в 2010 г. В целом лицо князя можно охарактеризовать как крупное, достаточно широкое, слабо профилированное с крупными и утопленными глазами и невысоким носом [6, с. 50].

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что, не вступая в открытую войну с Золотой Ордой, Олег Иванович мужественно защищал свою землю от татар и часто наносил им серьезные поражения. Он отбил наступательное движение Москвы и на время своего княжения сохранил независимость Рязанского княжества. Он успешно сражался с более могущественной Литвой и сумел прекратить в конце XIV в. внутренние междоусобицы, держа в подчинении младших князей, что придавало силу и авторитет его правлению. Со-

трудник АН СССР А. Надиров, в ответ на вопрос писателя Ф. Шахмагонова: «Кого же предал Олег Иванович?» как-то сказал: «Себя как удельного князя, старую Русь во имя новой». С этим высказыванием трудно не согласиться. Как считал архиепископ Рязанский и Касимовский Симон, Олег Иванович был князем, который заложил основу союза Москвы и Рязани, что повлияло на складывание единого Русского централизованного государства [5]. В ознаменование особых заслуг и праведной жизни 16 мая 2023 г. Священный Синод Русской Православной Церкви включил князя Олега Ивановича Рязанского в Собор Рязанских святых.

Реконструкция по методу
М.М. Герасимова внешнего облика
Олега Ивановича по его черепу

Список источников и литературы

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. (ДДГ). М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 585 с.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XI. Ч. II. (Никоновская летопись). М.: Изд-во восточной литературы, 1965. 532 с.
3. ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. (Рогожский летописец). М.: Наука, 1965. 504 с.
4. *Агарев А.Ф.* Рязанское княжество до вхождения в Московское государство. Рязань: Русское слово, 2008. 45 с.
5. *Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (Новиков).* Олег Иванович, великий князь Рязанский // Журнал Московской патриархии. № 1. М., 1988. С. 10 – 16.
6. *Балуева Т.С. Веселовская Е.В.* Восстановление внешнего облика великого князя Олега Ивановича Рязанского // Вестник РГГУ. № 9 (152). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М.: ИЦ РГГУ, 2015. С. 45 – 54.
7. *Гераськин Ю.В.* Князь Олег Иванович Рязанский и Русская церковь // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Выпуск 8. Рязань: Костромин Констан-

- тин Александрович, 2017. С 123 – 130.
8. Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV вв. Пути политического развития. М.: Наука, 1996. 185 с.
 9. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М.: Наука, 1965. 286 с.
 10. Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: сборник статей М.: Наука, 1980. 319 с.
 11. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договора. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.
 12. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг.: Типография Я. Башмакова и Ко., 1918. 468 с.
 13. Пчелов Е.В. Рюриковичи: история и генеалогия. М.: Академический проект, 2018. 2-е изд. 583 с.
 14. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2009. 1024 с.
 15. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. 900 с.
 16. ...Что бы не престала память родителей наших и наша, и свеча не погасла. Изборник. Были и предания Рязанского края // Д.И. Иловайский. Олег Иванович. 1350-1402. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, 1995. 368 с.
 17. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. М.: Terra - Книжный клуб, 1998. 480 с.

Крухмаль Артем Игоревич

Археологическое изучение мест полевых сражений Средних веков

Аннотация. Средневековье – время, в которое началось формирование нашего государства как огромной империи. И если Древняя Русь сформировалась как союз племён (некоторые из которых входили в него даже добровольно), то Империя рождалась в сражениях. Мы знаем о них из летописей и народных преданий, которые были в той или иной мере искажены историками в соответствии с веяниями времени. Археология позволяет получить объективный фактический результат, получить доказательства данных, полученных из письменных и нарративных источников. В данном исследовании мы на примере всестороннего академического изучения Куликова поля и поля Судбищенской битвы 1555 г. расскажем о методах и ожидаемых результатах работ на месте полевого сражения Средних веков.

Ключевые слова: металлоискатель, Средневековье, Новое время, Куликовская битва 1380 г., Судбищенская битва 1555 г., Тульская область, Орловская область, комплексная методика исследования, планшетный сбор, свободный поиск.

Archaeological study of medieval battlefield sites

Abstract. The Middle Ages were the time when our state began to form as a huge empire. And if Ancient Rus was formed as a union of tribes (some of which joined it even freely), while the Empire was born in battles. We know about them from chronicles and folk legends, which were distorted by historians to some extent in accordance with the trends of the time. Archaeology allows us to obtain an objective factual result and get proof of this data which was received from written and narrative sources.

In this study, we will use the comprehensive academic study of the Kulikovo Field and the Battle of Sudbishchi in 1555 as an example to discuss the methods and expected results of research at the site of a field battle of the Middle Ages.

Keywords: metal detector, Middle Ages, Modern Times, Battle of Kulikovo in 1380, Battle of Sudbishchi in 1555, Tula Region, Oryol Region, comprehensive research methodology, tablet collection, free search.

За прошедшие 50 лет археологами изучено достаточно много полевых сражений самых различных эпох. Места большинства этих боестолкновений были известны из письменных источников, единицы обнаружены с помощью научного поиска. Кратко опишем эти исследования.

Битва под Берестечком, произошедшая 18 (28) июня – 30 июня (10 июля) 1651 г., является первым известным нам местом сражения, на месте которого проводились полноценные археологические работы. Сражение произошло у села Берестечко, на границе современных Ровненской и Луцкой областей Украины между польско-литовской армией и крымско-казачьим войском. Место было изначально известно по данным письменных и устных источников, отмеченным местам некоторых захоронений, наличию естественных преград и сохранившихся топографических ориентиров. На месте сражения в 1970 – 1987 гг. закладывались площадные археологические раскопы, однако, несмотря на большое количество полученных материалов (несколько тысяч находок) и огромные трудозатраты, поле сражения до конца не изучено [17].

Академический поиск места Куликовской битвы 1380 г. начался в 1980 – 1981 гг. Изначально исследования велись с использованием методов классической археологии [15]. Практически в это же время, в США началось изучение поля битвы при Литл-Бигхорн 25 июня 1876 г., которая была одним из основополагающих событий в истории т.н. «индейский войн» в Северной Америке. Адекватно оценивая свои возможности, руководители археологического проекта с мая 1984 г. начали проводить изыскания с помощью металлодетекторов. Расположение сражения было точно известно, в заповеднике на охраняемой территории стояли мраморные надгробия над местами захоронения солдат, произведёнными на месте их гибели.

Впервые использовался металлодетектор как основной инструмент, была реализована концепция археологии без раскопок, техника идентификации стрелкового оружия. Эта технология получила международное признание. При проведении археологических исследований, поле битвы при Литл-Бигхорн рассматривалось как место преступления. С помощью методов криминалистического анализа, таких как, например, изучение отпечатков бойков на гильзах и ружейных следов на пулях, стало возможным определить всё разнообразие видов оружия, используемого участниками сражения. Использование методов современной физической антропологии применялось для определения деталей жизни, состояния здоровья, причин смерти и даже идентификации личности некоторых солдат [18]. Исследования были завершены в 2005 г.

Поле Грюнвальдской битвы 1410 г., несмотря на более чем столетнюю историю изучения, было точно локализовано только в 2020 г. с помощью металлодетекторного поиска.

В наши дни в Европе ведутся работы по археологическому изучению мест сражений римского времени, Средних веков и Нового времени в Чехии (охраняемые исследования по закладываемым трассам новых автомобильных дорог), Словакии, Венгрии, Германии. Здесь основным инструментом является металлоискатель, классические методы археологии выполняют, как правило, вспомогательные функции (разумеется, за исключением случаев изучения захоронений) [19; 20; 21; 22; 23].

В Турции на площади в несколько тысяч квадратных километров проводится поиск места сражения при Манцикерте 1071 г. Работы ведутся методом заложения сетки шурфов из-за законодательного запрета использования металлоискателей. Данный запрет не помешал обнаружить более 300 металлических находок (по состоянию на 2023 г.), в основном наконечников стрел, что, однако, не позволяет исследователям локализовать всю картину битвы [19].

С начала XXI в. на территории России велись успешные работы в Тушинском лагере Лжедмитрия II 1608 - 1610 гг., на Бородинском поле и в Смоленской области, ставящие целью поиск, выявление и первичное изучение объектов археологического наследия, связанных с событиями Отечественной войны 1812 г. М.И. Гоняным было обнаружено и обследовано место

Молодинской битвы 1572 г. К сожалению, основная часть поля боя располагается под современной застройкой, что не позволило провести полный цикл работ. Все эти работы велись с использованием металлодетектора как основного инструмента.

Автор статьи на протяжении 10 лет возглавляет полевой отряд Тульской археологической экспедиции Государственного музея-заповедника «Куликово поле» и получил достаточно серьёзный опыт проведения археологических изысканий под руководством Е.В. Столярова, А.М. Воронцова и директора музея В.П. Гриценко.

Одной из задач Государственного музея-заповедника является изучение событий военной истории, произошедших на территории Тульской и сопредельных областей. Интерес к данной теме появился ещё при первых попытках поиска места Куликовской битвы 1380 г., в последующем разившись в целую область археологической науки [14; 15]. К 2026 г. сотрудниками музея-заповедника изучены десятки объектов, связанные с вооружёнными конфликтами на нашей территории: поле Куликовской битвы, оборонительные сооружения города Тулы, городища Торхово, крепости Епифань и Засечной черты, системы Сторожевой службы Московского государства, места небольших вооружённых столкновений и поле Судбищенской битвы 1555 г. На данный момент мы являемся одними из наиболее опытных исследователей, занимающихся военной археологией Средних веков.

К сожалению, формат данной статьи не позволяет провести подробный анализ всех работ, проводящихся на местах сражений, однако позволяет дать представление о методах и полученных результатах на примере многолетних исследований предполагаемого места Куликовской битвы 1380 г. и поля Судбищенской битвы 1555 г.

Куликовская битва 1380 г.

Одним из первых, кто начал изучать историю сражения 1380 г., был Н.М. Карамзин. С его лёгкой руки Донское побоище стали называть Куликовской битвой. Первые изыскания места сражения также относятся к началу XIX в. В конце 1810-х гг. директор училищ Тульской губернии С.Д. Нечаев предпринял уникальные по тем временам исследования, частично собрав, частично выкупив у крестьян несколько десятков предметов, которые он

считал реликвиями Куликовской битвы. С именем тульского археолога Н.И. Троицкого связывается вторая волна находок, которая началась с 1880-х гг. К сожалению, все предметы, обнаруженные на Куликовом поле в XIX – начале XX вв. были утеряны в вихре революционных событий 1917 г. [14]

Современное академическое изучение и поиск места Донского сражения началось в 1980 г., когда к очередной годовщине было решено провести поиск находок в районе лесного массива Зелёная дубрава. Поиск проводился визуально учащимися местных школ под руководством сотрудников Государственного исторического музея и армейскими сапёрами с помощью миноискателей. Никаких предметов, связанных с эпохой Средневековья, обнаружено не было. Стала очевидной необходимость поиска реального места сражения.

В 1981 г. Министерство культуры РСФСР разработало программу «Куликово поле. История. Ландшафт», воплощать которую в жизнь должна была комплексная археолого-географическая экспедиция под руководством Б.А. Фоломеева. В состав экспедиции вошли археолог М.И. Гоняный, геоморфолог М.П. Гласко, палеограф Н.А. Хотинский, почвовед А.Л. Александровский, историк-географ А.К. Зайцев.

В 1982 г. была создана Окско-Донская археологическая экспедиция ГИМ, Донской отдел которой возглавлял М.И. Гоняный. В 1985 г. отдел преобразован в Верхне-Донскую археологическую экспедицию (ВДАЭ ГИМ). К работам были привлечены тульские археологи: В.П. Гриценко, Р.В. Клянин, А.Н. Наумов, А.В. Шеков, О.Н. Заидов. Именно этот коллектив заложил основу не только изучения района Куликово поля, но и создал в дальнейшем ГМЗ «Куликово поле». Создание музея Куликовской битвы в статусе заповедника позволило вывести земли бывших колхозов и совхозов из сельскохозяйственного оборота.

Отправной точкой исследований был выбран район слияния рек Дон и Непрядва – единственный однозначно трактуемый ориентир, упоминаемый в письменных источниках о Донском побоище [15].

В радиусе нескольких десятков километров в течение 25 лет были проведены археологические разведки, обнаружено 290 памятников археологии (в большинстве своём селищ). Велись поиски могильников – мест захоронения павших в 1380 г. воинов – в том числе с применением аэ-

рофотосъёмки, геоэолокационных методик, заложением археологических раскопов. Многолетняя программа по реконструкции исторического ландшафта Куликова поля, включавшая в себя 20-летнюю палеопочвенную съёмку, позволила создать детальную карту ландшафта XII – XV вв., а историко-географический анализ – определить район нахождения локализуемых топонимов. Был проведён цикл военно-исторических исследовательских работ, включающих: изучение корпуса письменных и изобразительных источников, связанных со сражением; изучение тактических особенностей ведения сражений рассматриваемого периода; изучение тактико-технических свойств используемого оружия; изучение истории обнаружения находок на изучаемой территории.

Результатом стала комплексная карта Куликова поля, которая включала в себя: информацию о расположении древних дорог и поселений на рассматриваемой территории, а также о размещении реконструированных переправ, лесов, балок, незалесённых и свободных от сети оврагов протяженных участков, пригодных для проведения сражения. На данную карту был нанесен участок, где проводились сборы «древнего оружия» крепостными крестьянами в XIX столетии [14; 15].

К 2002 г. работы с использованием металлодетекторов на разных участках Куликова поля, проводимые под руководством М.И. Гоняного, дали понимание необходимости инструментальной разметки обрабатываемой территории. На местности размечались планшеты, в свою очередь разбиваемые на коридоры – створы – шириной 10 м с помощью кольев и растянутой между ними верёвки [3; 4]. Позднее планшеты начали делить на квадраты площадью 1 га, ширина створов была уменьшена до 5 метров. Поисковые планшеты были ориентированы по сторонам света, наиболее интересные находки привязывались инструментально к крупномасштабным картам, номера находкам давались в рамках отдельного квадрата. При описании каждой находки в тексте отчета первый номер соответствует номеру в квадрате, также в скобках указывается номер сплошной описи. С 2005 г. велся подсчет всей суммы находок как индустриальных, так и связанных с крестьянским бытом XVIII – XX вв., отдельно выделялись предметы, относимые к периоду Куликовского сражения [5; 6].

За 15 лет на средства ГМЗ «Куликово поле» были проведены работы на

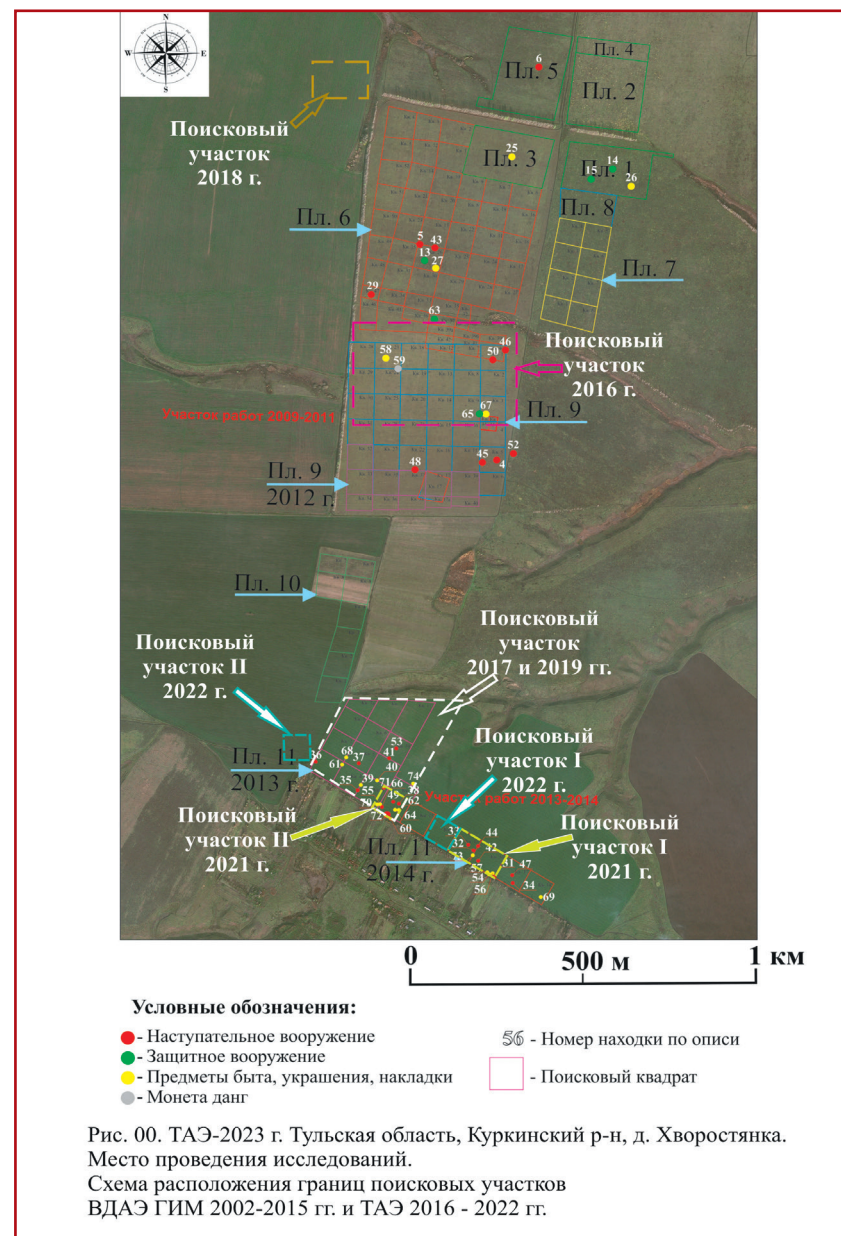

Схема расположения границ поисковых участков

площади 142 га, обнаружено более 60 находок, представленных как предметами вооружения, так и элементами походного инвентаря и конского снаряжения. Анализ скоплений этих находок дал возможность О.В. Двуреченскому и другим исследователям определить зону построений русского и ордынского войска перед боем, зону боестолкновения (по расположению масштабного скопления из более чем 15 находок), а также зоны отступления ордынского войска (20 находок). Таким образом, полевые исследования и научные работы кандидата исторических наук Олега Викторовича Двуреченского подвели итог всем предшествующим исследованиям региона Куликова поля, и позволили сформулировать общепринятую научную концепцию расположения места Куликовской битвы 1380 г. севернее современной деревни Хворостянка [14].

В январе 2016 г. директором музея В.П. Гриценко, заместителем директора к.и.н. А.М. Воронцовым и начальником отдела археологии к.и.н. Е.В. Столяровым было принято решение продолжать дальнейшие исследования силами полевого отряда Тульской археологической экспедиции музея-заповедника «Куликово поле» под руководством А.И. Крухмалю [14].

Задачей отряда, в полном соответствии с принятой в научном сообществе трактовке исторического события, является повторное обследование территории поля Куликовской битвы 1380 г. Как и в предшествующие годы, внимание было приковано к местности между селом Монастырщино и деревней Хворостянка. Эти работы были дополнены обследованием прилегающих территорий и отдалённых участков, на которых также могли происходить сопутствующие сражению события [13].

На территориях, обследованных ВДАИ ГИМ, повторно закладывались поисковые планшеты, разделяемые на квадраты 50x50 м и створы шириной 3-4 м, привязка находок проводилась с помощью тахеометрической съёмки. Работы ведутся в периоды максимального увлажнения грунта (весной сразу после таяния снегов и в середине осени), что способствует наивысшей результативности использования современных металлоискателей. Закладываются сетки шурфов и зондажей для лучшего понимания возможной глубины залегания находок. Как оказалось, на большей части территории мощность плодородного слоя составляет более 50-60 см, что превышает возможности металлоискателей по глубине обнаружения целей.

Работа на поисковом планшете

На отдельных участках прослеживается резкое увеличение глубины до материка до 1,5 – 2 м – территория в конце XVIII – XX вв. подвергалась активному сельскохозяйственному освоению, и все верховья овражно-балочных систем оказались запаханы на значительном протяжении. Результатом столь активной антропогенной деятельности стало видимое расширение гребня водораздела реки Смолка и балки Рыбий верх, не характерное для природы Центральной России [11].

Для полной выборки всех металлических предметов из почвенного горизонта, на отдельных поисковых квадратах проводилась выборка грунта с помощью техники. Предварительно поисковый квадрат разбивался на створы и обследовался на уровне дневной поверхности, после съёмки верхних 20 см грунта створы разбивались вновь. Процедура повторялась до достижения уровня археологического материка, особое внимание уде-

Планшетный поиск с использованием техники

лялось отвалам грунта, которые перебирались и исследовались металлоискателями. После окончания работ участок подвергся рекультивации. Кроме обнаружения новых артефактов, подобная тактика позволила выявить достаточно странную закономерность: предметы в пластах располагаются хаотично, не соотносясь со временем выпадения в слой. Так, например, в одном и том же квадрате современная водочная пробка и алюминиевая проволока могли располагаться в предматериковом слое, а монета-чешуя Ивана Грозного недалеко от земной поверхности. Мы связываем подобное попираение норм и правил археологической науки с проведением наших исследований на пашне, аномально активной антропогенной активностью местного населения на протяжении нескольких веков, а также, возможно, с жизнедеятельностью землеройных животных.

За 10 лет работ отрядом ТАЭ было повторно обследовано 96,9 га, обнаружено 40 находок, относимых специалистами музея к эпохе Куликовской битвы. Кроме того, с целью выявления перспективных для будущих иссле-

дований районов, на прилегающих к основному участку работ территориях проводились археологические разведки по вероятным маршрутам развёртывания и отхода войск противоборствующих сторон. Эти работы проводились методом свободного поиска с использованием металлодетекторов и фиксацией находок с помощью GPS [12].

Свободным поиском на данный момент обследована территория площадью более 1200 га в районе междуречья Дона и Непрядвы, около 150 га в районе деревни Красный Холм Воловского района Тульской области, а также 12 га в Данковском и Лебедянском муниципальных округах Липецкой области. Обнаружены десятки тысяч металлических находок, не относящихся к эпохе Средневековья – подавляющее большинство представляют собой предметы быта XX в.

Судбищенская битва 1555 г.

24 – 25 июня 1555 г. в окрестностях современных сел Судбищи и Старогольское Орловской области произошла битва между русским отрядом Ивана Шереметева и войском крымского хана Менгли-Гирея I. В результате сражения остатки обеих армий были вынуждены покинуть поле боя, но крымский набег на Москву был сорван. До 2021 г. официальная наука знала о событии только ту информацию, которую удалось подчерпнуть из скудных письменных источников. Место сражения было неизвестно, и традиционно привязывалось к современному селу Судбищи Новодеревеньковского района Орловской области [2]. В частности, в 2019 г. отрядом Тульской археологической экспедиции предпринималась попытка поиска места битвы, окончившаяся неудачей из-за неверных вводных данных.

Место полевого сражения было обнаружено весной 2021 г. отрядом Института археологии РАН под руководством О.А. Радюша. Олег Александрович практически сразу ознакомил с предварительными результатами работ руководство отдела археологии музея «Куликово поле», что привело отряд ТАЭ на слияние ручья Ольховец и ручья Безымянный в Новодеревеньковской районе Орловской области в 7 км севернее села Судбищи. В первые два дня работ было обнаружено 52 находки, однозначно датированных XVI в. [11] В.П. Гриценко практически сразу инициировал полномасштабные исследования места сражения, обеспечив финансирование

и транспорт.

На данный момент исследования продолжают уже 5 лет совместными усилиями двух отрядов: ИА РАН под руководством О.А. Радюша и ТАЭ ГМЗ «Куликово поле» под руководством А.И. Крухмаля. Работы проводятся по комплексной методике, выработанной на Куликовом поле:

1. изучение письменных источников и карт местности;
2. проведение археологических разведок для выявления памятников археологии поселенческого типа, что предотвращает возможность разрушения культурного слоя;
3. определение границ боестолкновения с применением методики свободного поиска с использованием металлодетекторов;
4. закладка сетки шурфов для выявления мощности плодородного слоя.
5. обследование всей выявленной площади боестолкновения методом

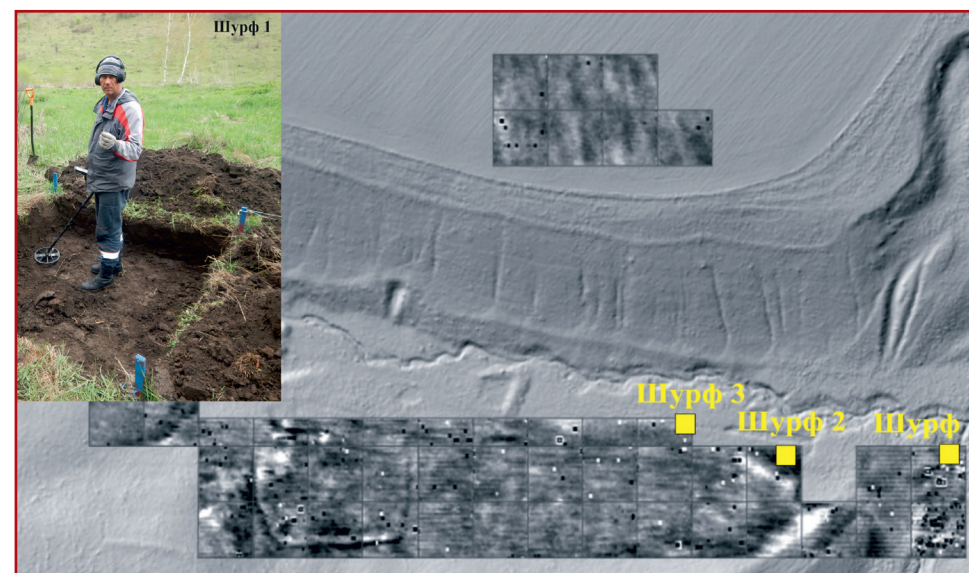

Закладка раскопов на выявленных скоплениях находок

- планшетного поиска по створам с целью получения максимально объективной статистики расположения и концентраций находок;
6. закладка раскопов на выявленных скоплениях находок;
7. применение вспомогательных методик исследования: геофизика (лидарная съёмка, магниторазведка и электроразведка), реконструкция исторических ландшафтов (палеопочвоведение);
8. камеральная обработка полученных результатов.

На данный момент обоими поисковыми отрядами обнаружено около 6000 находок [12]. Из них 2753 артефактов Судбищенской битвы 1555 г. обнаружены отрядом Тульской Археологической экспедиции. **81%** составляют предметы вооружения: 55% - наконечники стрел, 16,5 % - боеприпасы огнестрельного оружия, 7% - элементы снаряжения лошади, 2,5 % - предметы, маркирующие участки ближнего боя (детали наступательного и защитного вооружения). 19% находок – бытовые предметы (сапожные подковы, пряжки, ножи, топоры, монеты, нательные кресты).

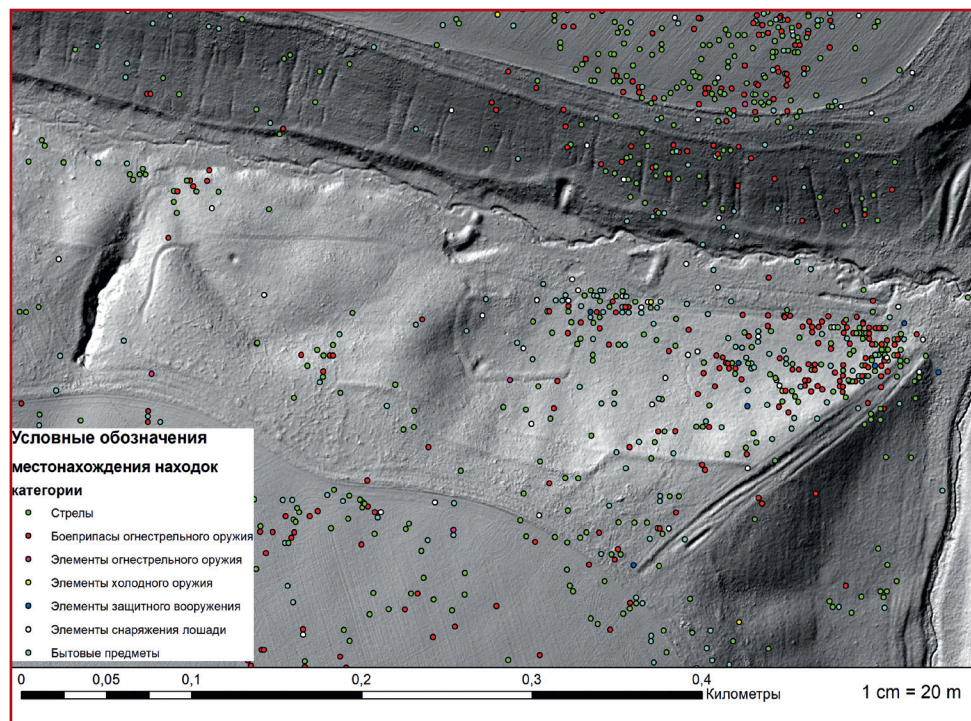
Все находки нанесены с использованием ГИС (геоинформационных си-

Шурф на месте выявленной аномалии грунта

стем) на карты местности, космоснимки, лидарную съёмку, топографический план местности. Несмотря на то, что работы ещё далеко не закончены, на основании полученных данных о месторасположении предметов мы с достаточной уверенностью можем делать выводы о ходе сражения, уже сейчас с интересом наблюдая за совпадениями и некоторыми расхождениями с данными письменных источников. Совместно с к.и.н. А.М. Воронцовым нами составлены типологии некоторых групп находок: наконечников стрел, боеприпасов огнестрельного оружия, сабельных перекрестий (гард).

Одной из главных целей составления этих типологий являлось разделение найденных артефактов на принадлежавшие московским ратникам и их противникам. Уже сейчас можно с уверенностью говорить о практически полной идентичности наступательного вооружения обеих противоборствующих сторон: лишь две наиболее редкие категории боеприпасов огне-

Места обнаружения находок, нанесённые на лидарную съёмку местности

стрельного оружия мы можем отнести к принадлежавшим татарам, и только один тип наконечников стрел к принадлежавшим московским воинам.

Что касается наконечников стрел, создание их типологии отдельно для Судбищенской битвы стало необходимостью в связи с невозможностью использования на практике ранее созданных типологий, которые отлично зарекомендовали себя в других условиях. Так, например, в типологии О.В. Двуреченского отсутствуют или неявно выражены наиболее массовые на Судбищах наконечники, но в качестве самых распространённых выделены типы, на месте изучаемого нами сражения представленные в единичных экземплярах. Подобную ситуацию мы объясняем уникальностью коллекции наконечников стрел Судбищенской битвы, выпавших в плодородный слой в крайне ограниченный период времени – 24-25 июня 1555 г. [10; 11]

Поле Судбищенской битвы продолжает скрывать множество загадок и будущих открытий. Для получения результата, соответствующего современному научному уровню, нам ещё предстоит выполнить огромный объём работ, в том числе и по уточнению археологической ситуации в регионе. Только в 2025 г. мы смогли приступить к планомерным археологическим разведкам не только в районе места сражения, но и за его пределами. Эти работы приблизят нас к пониманию многих социально-экономических аспектов войны в Средние века.

Подводя итоги, следует отметить, что археология полей битв сравнительно новая область исследований, однако она продемонстрировала свою роль при исправлении исторических ошибок и получении новой информации о тех или иных сражениях.

Современный уровень науки и технологий делает возможным и необходимым применение комплекс-

Наконечник стрелы тип 2

ного подхода к изучению всех памятников археологии. В случае с полевыми сражениями, речь идёт о применении комплекса методов для получения наиболее полного результата.

В отличие от исследователей, вынужденных оперировать находками, полученными из разных источников, имеющих широкую и не всегда точную датировку, изучение полевого сражения даёт возможность найти и обработать комплекс предметов, утерянных практически одновременно. Это уникальная возможность для изучения оружия и тактики, сравнения информации письменных источников и данных археологических работ, особенностей войн того или иного периода.

Предметы, найденные на поле битвы, и извлечённые без учёта исторического контекста, так и остаются всего лишь реликвиями. Однако, когда они извлекаются по определённой схеме, полученные данные становятся новым ценным источником информации о той или иной битве. Найденные на поле битвы предметы, являющиеся физическими свидетельствами сражения, полезны во многих случаях. Они – осязаемые свидетельства исторического события и могут быть использованы в музейном деле. Информация, которую несёт такой предмет, и его расположение в земле также предоставляют новые независимые данные для анализа деталей сражения, таких как военная форма участников, вооружение, расположение и передвижение войск.

Таким образом, программа комплексного изучения позволяет получить результат, соответствующий современному научному уровню. Только в результате применения комплексного подхода к изучению поля сражения, в результате использования различных методик, можно получить наиболее полное понимание сути исторического события.

Список источников и литературы

1. *Александровский А.Л.* Отчёт «Почвы как основа для реконструкции исторического ландшафта ключевого участка Судбище (результаты первого этапа работ 2021-2022 года по изучению почв на территории сражения у с. Судбищи)». М., 2022 г. (рукопись)
2. *Бурцев И. Г., Воронцов А. М., Крухмаль А. И. (ГМЗ «Куликово поле»), Дедук А. В. (БРЭ), Радюш О. А. (ИА РАН).* Сражение 1555 г. у Судбищ: опыт комплексного исследо-

вания. М.: Индрик, 2023. 218 с.

3. *Гоняный М.И.* Отчёт об археологических исследованиях, проведённых ГИМ в Кимовском и Узловском районах Тульской области в 2000 г. М., 2000 г. (рукопись).
4. Его же. Отчёт об охранных научно-исследовательских археологических исследованиях, проведённых Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ в Кимовском районе Тульской области в 2002 г. М., 2002 г. (рукопись).
5. *Двуреченский О.В.* Отчёт об археологических исследованиях, проведённых Государственным Историческим музеем в Московской и Тульской областях в 2005 г. М., 2008 г. 39 с.
6. Его же. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых Государственным Историческим музеем на территории Куликова поля в Кимовском районе Тульской областях в 2019 г. М., 2010 г. 24 с.
7. Его же. Технический отчёт об археологических исследованиях, проведённых на территории Куликова поля в Кимовском районе Тульской областях в 2015 г. М., 2015 г. 11 с.
8. *Крухмаль А.И.* Отчёт о разведочных археологических исследованиях в Кимовском районе Тульской области в 2019 г. Тула, 2020 г. 23 с.
9. Его же. Отчёт о разведочных археологических исследованиях в Куркинском и Воловском районах Тульской области в 2024 г. Тула, 2025 г. 35 с.
10. Его же. Отчёт о разведочных исследованиях в Новодеревеньковском районе Орловской области в 2021 г. Тула, 2022 г. 343 с.
11. Его же. Отчёт о разведочных исследованиях в Новодеревеньковском районе Орловской области в 2024 г. Тула, 2025 г. 219 с.
12. Его же. Итоги изучения Судбищенской битвы 1555 г. в 2021–2024 гг. // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: Красноярск, 6–10 октября 2025 г., в 3 томах. Т. II. – Красноярск, 2025. С. 305-307.
13. *Колоколов А.М.* Отчёт о разведочных археологических исследованиях в Кимовском районе Тульской области в 2016 г. Тула, 2017 г. 31 с.
14. Его же. Отчёт о разведочных археологических исследованиях в Кимовском районе Тульской области в 2017 г. Тула, 2018 г. 27 с.
15. *Кулешов Ю.А., Наумов А.Н., Наумова Т.В.* Следы великого сражения. Свод находок с поля Куликовской битвы. Тула: АНО «Третий путь», 2023. 148 с.
16. *Наумов А.Н.* Куликово поле: история и археология. К 70-летию со дня рождения М.И. Гоняного. Тула: АНО «Третий путь», 2023 г. 440 с.

17. *Новиков В.В.* Отчёт по выполненным геофизическим исследованиям «Комплекс научных геофизических исследований на территории места Судбищенской битвы». М., 2021. 46 с
18. *Свешников И.К.* Битва под Берестечком. Львов: Слово, 1992. 304 с.
19. *Douglas D. Scott , Richard A. Fox Jr. Ph.D.* Archaeological Insights into the Custer Battle: An Assessment of the 1984 Field Season. University of Oklahoma Press, 1987. 154 p.
20. *Çevik Adnan, Develi Tevfik Orkun, Anık Şükrü Socking.* Initial documentation of arrowheads unearthed at the Malazgirt battlefield (рукопись)
21. *Mgr. Matouš Holas.* Detektorová prospekce na dálniční stavbě D11, Ph.D. 2024. 27 p.
22. *Holas M.* Archeologie prusko-rakouské války z roku 1866. Červený Kostelec. 2019.
23. *Mgr. Matouš Holas.* Velkoplošné detektorové prospekce metody a výsledky. Ph.D, 2023. 55 pages
24. *Pavel Drnovský, Petr Hejhal.* Archaeology of Conf . Pavel Mervart, 2020. 223p.

Крисанов Матвей Николаевич

Новые подходы в историографии к изучению Отечественной войны 1812 г.

Аннотация. Работа посвящена выявлению и анализу тенденций, присущих современной российской и зарубежной историографии Отечественной войны 1812 г. Автор рассматривает новые направления исследований, возникшие в недавнее время, в частности работы, авторы которых исследуют социокультурный аспект эпохи 1812 г., а также работы, в которых война 1812 г. изучается через призму региональной истории. Помимо этого, в статье рассматриваются новые концепции и подходы, предложенные историками для изучения Отечественной войны 1812 г. На основании выявленных тенденций и новых подходов проводится анализ общего состояния данной области исторических исследований.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, наполеоновские войны, наполеоника, постсоветская историография, демифологизация, новые тенденции, новые подходы, историческая антропология, социокультурный аспект, региональная история.

New approaches to the study of the French invasion of Russia in 1812

Abstract. The work is devoted to the identification and analysis of trends inherent in modern Russian and foreign historiography of the French invasion of Russia in 1812. The author examines new areas of research that have emerged in recent times, in particular works whose authors explore the socio-cultural aspect of the era of 1812, as well as works in which the war of 1812 is studied through the prism of regional history. In addition, the article discusses new concepts and approaches proposed by historians to study the French invasion of Russia. Based on the identified

trends and new approaches, an analysis of the general state of this field of historical research is carried out.

Keywords: French invasion of Russia, the Napoleonic Wars, Napoleonic's, post-Soviet historiography, demythologization, new trends, new approaches, historical anthropology, socio-cultural aspect, regional history.

Историография войны 1812 г. насчитывает тысячи трудов нескольких поколений историков. Однако, несмотря на кажущуюся исчерпанность темы, ее продолжают изучать, получая новые сведения из уже давно известных документов или вводя в научный оборот новые источники. При этом открываются созвучные современности аспекты темы.

Количество новых исследований растет лавинообразно. Показательным в данном случае может быть следующий пример. В дореволюционной и впоследствии советской исторической науке практически не было исследований, посвященных изучению положения военнопленных Великой армии Наполеона в различных губерниях Российской империи. В постсоветской историографии, согласно библиографическому списку, составленному В.А. Бессоновым и Б.П. Миловидовым, только за период с 1991 г. по 2010 г. было опубликовано около 150 различных работ о военнопленных. По нашим подсчётам, за период с 2011 г. по 2025 г. к общему числу научных публикаций по данной теме прибавилось еще как минимум 70. Если учесть, что военнопленные — это лишь один из аспектов Отечественной войны 1812 г., то можно представить, как выросло общее число публикаций по данной тематике.

Ориентироваться в таком количестве новой литературы без своевременных историографических исследований невозможно. Исследования в данном направлении уже есть. Во-первых, это диссертация Л.И. Агронова, написанная в 2007 г. и целиком посвященная постсоветской историографии темы. Во-вторых, опубликованные в 2011 г. материалы международного круглого стола, в рамках которого обсуждалось состояние современной историографии 1812 г. В-третьих, изданная в 2013 г. монография И.А. Шейна, автор которой исследовал историю изучения войны 1812 г. в отечественной историографии и рассматривал в том числе работы исследователей постсоветского периода вплоть до публикаций 2012 г. В-четвертых, статья В.Н. Земцова по данной теме, опубликованная в 2023 г. Однако проблема

представляется нам недостаточно исследованной. В рамках нашей работы мы попытаемся проанализировать новые подходы и тенденции в изучении темы, наметившиеся в трудах представителей постсоветской историографии.

Одну из важнейших тенденций, проявившихся в наполеонике конца XX – начала XXI в., можно обозначить как «курс на отрезвление», характерный в наибольшей степени для постсоветской исторической науки. В «перестроечные» годы началась борьба с наиболее идеологизированными тезисами советских авторов. Появились историки, которые оспаривали мифологизированные представления советского времени. Разумеется, демифологизация осуществлялась не в погоне за сенсацией, а исключительно в поисках исторической правды. Как пример такой работы можно привести монографию Н.А. Троицкого, «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты». В советское время историки идеализировали Кутузова, потому что «корифей всех наук» И.В. Сталин считал, что тот был гениальным полководцем и «загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления» [18, с. 47]. Наиболее ярко эту концепцию в своих трудах проводили П.А. Жилин (например, в монографии «Контрнаступление Кутузова в 1812 году», 1950 г.), Л.Г. Бескровный (в монографии «Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова», 1951 г.), а также Н.Ф. Гарнич (в монографии «1812 год», 1956 г.).

Троицкий же написал книгу, в которой личность полководца была описана честно и без прикрас. В книге находится место и для постыдных слабостей пожилого фельдмаршала [11, с. 240], и для его полководческого таланта, в котором исследователь отмечал как сильные стороны, так и очевидные недостатки. Троицкий выступил против односторонних подходов советских историков и, что не менее важно, против не вполне научных представлений Л.Н. Толстого. Великий русский писатель своим могучим талантом во многом сформировал образ Наполеона и образ Кутузова, долгое время существовавшие в российском общественном сознании и при этом не вполне соответствовавшие историческим реалиям. Троицкий же, объективно оценивая в своей работе роль Кутузова в истории, пришел к выводу, что это фигура, кто бы что ни говорил, масштабная, но масштаб её сугубо национальный, а не мировой [11, с. 346.]. Подобные исследования проводятся не только в России. Со своими мифами, например, с т.н. «наполеоновской легендой»,

приходится бороться и зарубежным историкам.

Однако в последнее время эта «борьба» нередко выходит за рамки сугубо научного дискурса. Как пример такого явления можно привести монографию Е.Н. Понасенкова с кричащим названием «Первая научная история войны 1812 года». Стоит сразу сказать, что его монография, во-первых, далеко не первая, а во-вторых, не вполне научная. Л.И. Агронов определил жанр, в котором работает Е.Н. Понасенков как «историческую публицистику», характеризующуюся прежде всего «стремлением к тотальному переписыванию истории» с преимущественно отрицательными оценками всего, что относится к России и русскому народу [14, с. 18]. При этом приходится констатировать и тот факт, что ни один из российских специалистов по истории наполеоновских войн за пределами профессионального исторического сообщества практически не известен. Н.А. Троицкий, пожалуй, был последним из историков, имевших выход к более или менее широкому кругу читателей. Именно вследствие того, что новейшие достижения специалистов по истории наполеоновских войн остаются неизвестны широким массам, становятся возможными такие явления, как «историческая публицистика» Е.Н. Понасенкова.

Свершившимся фактом в истории изучения войны 1812 г. является полная смена методологического подхода. На сегодняшний день среди исследователей эпохи 1812 г. больше нет представителей диалектико-материалистической методологии. Однако некоторые современные авторы периодически обращаются к работам историков марксистской школы. Так, например, В.М. Безотосный вступил в полемику с одним из «последних миган» марксистско-ленинского подхода, Н.А. Троицким, отметив, что историки-марксисты чрезмерно сужают спектр изучаемых вопросов. Судьба русских дворян, раздавленных неумолимым катком социального прогресса, марксистов почти не интересует, хотя это десятки и сотни тысяч человек [4, с. 120]. Кроме того, марксисты, отвергая тезис о «единении сословий вокруг престола», по сути, не предлагают своего ответа на вопрос, что же в таком случае, кроме образа «помазанника божьего», могло сплотить россиян в период вторжения наполеоновской армии [4, с. 200].

Соглашаясь с тезисами В.М. Безотосного, мы не можем при этом не отметить плодотворность марксизма как методологического подхода к изуче-

нию войны 1812 г.: благодаря ему произошёл переход от изучения политической истории и деятельности исторических личностей к обезличенному, к массам, к вопросам экономическим и впоследствии антропологическим. Подводя итоги своей характеристики современных методологических проблем, И.А. Шеин писал: «Представляется важным в новейшей историографии не отказываться от достижений диалектико-материалистической методологии, основные положения которой, преодолев догматизм, позволяют объективно и всесторонне оценивать исследуемые исторические события, явления и процессы» [16, с. 392]

В современной историографии темы намечается и ещё одна тенденция: войну 1812 г. всё реже рассматривают обособленно и всё чаще изучают ее как одну из Наполеоновских войн. Примером этому могут послужить монографии Д. Ливена [7] и В.М. Безотосного [3], в которых она рассматривается в ряду войн, опустошавших Европу в период с 1803 по 1815 г. Как нам кажется, данный подход является более плодотворным, поскольку позволяет яснее раскрыть причины и характер изучаемых военных конфликтов. Так, например, М. Кросби-Арнольд усматривает основную причину Наполеоновских войн (и, в частности, Отечественной войны 1812 г.) в череде восстаний рабов во французских колониях, а в самих войнах видит попытку Наполеона военным путём удержать за Французской империей рынок колониальных товаров, который она чуть не потеряла вследствие упомянутых выше восстаний. Кроме того, помещение русско-французской войны 1812 г. в контекст Наполеоновских войн позволяет выявить те отличительные черты, которые определили специфику этого вооруженного конфликта.

В последнее время стала намечаться тенденция к тому, чтобы рассматривать Отечественную войну 1812 г. как прообраз более современной войны. Так, в недавно вышедшей книге В.М. Безотосного [2] Наполеоновские войны (и среди них Отечественная война 1812 г.) рассматриваются как «нулевая мировая». Если учесть беспрецедентный по тем временам уровень жертв, количество стран, вовлечённых в этот конфликт напрямую, и стран, на которые этот конфликт так или иначе повлиял косвенно, концепция не покажется такой уж немыслимой. Американский историк А. Микаберидзе издал книгу с говорящим названием «Наполеоновские войны: глобальная история» [13]. Таким образом, русско-французские войны начала XIX в. в по-

следнее время всё чаще помещаются в глобальный контекст. И такой взгляд кажется нам более чем обоснованным. Следует заметить, что французская исследовательница М.-П. Рэй интерпретировала русско-французский конфликт 1812 г. как противостояние двух геополитических концепций, авторы которых разрабатывали проекты объединённой Европы [9]. Выходит, что и Александр I, и Наполеон Бонапарт в начале XIX в. уже ощущали, что мир становится всё более и более глобализованным. Почему бы тогда современным историкам не рассматривать Наполеоновские войны как мировой конфликт? Таким образом, война 1812 г. – конфликт значительно более «современный», чем это представлялось нам ранее. Американский историк Д.-А. Белл [12, с. 665] даже предложил использовать для описания конфликта 1812 г. концепцию «тотальной войны», которая предусматривает полную мобилизацию ресурсов стран, участвующих в войне. Белл считает, что именно в 1812 г. мир впервые увидел прообраз современной войны – войны не армий, а наций.

Следующую тенденцию можно определить, как смену области историографических интересов. Ход боевых действий, дипломатические коллизии, политическая история – эти вопросы достаточно основательно разработаны предыдущими поколениями исследователей (хотя, как показывает практика, и здесь современный историк ещё может сказать своё слово). Сегодня исследователей интересует нечто иное: не внешние проявления исторического процесса, а его невидимая подоплека, не действия исторической личности или масс, а мысли и чувства, побудившие их к этим действиям. На сегодняшний день в изучении 1812 г. социокультурный аспект является наиболее актуальными и при этом наименее изученными. Подытоживая выступления участников круглого стола 2011 г., А.В. Чудинов выделял наиболее перспективные направления в дальнейшем изучении российскими учеными темы 1812 г.: введение в научный оборот новых источников, в первую очередь западноевропейских; привлечение методов исторической антропологии, археологии и микроистории; расширение тематики за счёт всестороннего изучения различных аспектов эпохи; развитие сотрудничества с зарубежными историками [17, с. 390].

И в этом направлении есть уже ощутимые достижения. Так, например, историк Н.В. Промыслов свою монографию посвятил изучению француз-

ского общественного мнения и пропагандистской деятельности французского правительства в предвоенные и военные годы [8]. Более всего исследователя интересовало то, какие представления и стереотипы о России и русских существовали во французском обществе до войны и каким образом французская машина пропаганды планомерно создавала на этой почве образ врага, с одной стороны, пугая обывателя надуманными захватническими амбициями России (с помощью пресловутого «Завещания» Петра Великого), а, с другой, внушая французам уверенность в их превосходстве над «русскими варварами» [8, с. 76].

Специалисты по наполеонике продолжают вводить в научный оборот источники личного происхождения. В силу сравнительно высокого уровня грамотности солдат Великой армии, а также в силу того, что в ней сравнительно хорошо работала почта, в довольно большом объеме сохранилась военная корреспонденция. Раньше историки изучали в основном переписку высших чинов, а теперь в фокусе их внимания оказались низшие офицерские чины и рядовые солдаты Великой армии. Этот обширный материал позволяет историку заглянуть во внутренний мир простого солдата «армии двенадцати языков», узнать некоторые особенности его быта, понять, чем обернулся «русский поход» для большинства его участников. Как пример такого исследования можно привести статью В.В. Ададунова, в которой он на основе французской эпистолярной литературы исследует взаимодействия армии и местного населения [1]. Кроме писем, изучается также разного рода мемуаристика, оставленная участниками и очевидцами войны 1812 г. Например, на основании множества воспоминаний и писем той поры, написана статья В.Н. Земцова, в которой он рассматривает роль женщин в наполеоновской армии и отношения её солдат с жительницами оккупированных территорий [6]. Изучая переписку и дневниковые записи участников «русской кампании», исследовательница М.В. Губина показывает, что война 1812 г. была не только войной в привычном её понимании, но ещё и своего рода диалогом культур: впервые так много европейцев увидело Россию. Это путешествие, хоть и с ружьём наперевес, привело, например, к тому, что у европейцев пробудился интерес к восточно-христианской архитектуре [5, с. 261]. Но наиболее важной в изучении социокультурного аспекта войны 1812 г. можно считать монографию М.-П. Рэй «Страшная трагедия. Новый взгляд на

1812 год» [10]. В этой работе историка интересовало не столько то, как шли боевые действия, как вели себя политики и как дела обстояли с экономикой, сколько то, что думал и чувствовал на этой войне человек.

В современной историографии 1812 г. оформилась ещё одна важная тенденция: исследования всё чаще приобретают региональный характер. Особенно заметно эта тенденция проявила себя в исследованиях, посвященных изучению проблемы военнопленных Великой армии, настроений провинциального общества, а также ополчениям 1812 г. Связано это, прежде всего, с тем, что много источников по данным темам осело в областных архивах, поэтому разрабатывать их удобнее специалистам из региональных исследовательских центров. Так, например, историк В.П. Тотфалушин специализируется на изучении пребывания военнопленных Великой армии в Саратовской губернии, а работы С.В. Белоусова посвящены изучению положения военнопленных в Пензенской губернии.

Ещё одной тенденцией в изучении 1812 г. является постепенное формирование общемировой историографии темы. Долгое время французские исследователи были мало знакомы или совсем не знакомы с работами российских коллег, и это было взаимно. Объяснения этому достаточно очевидны: во-первых, долгое время не заживала рана, нанесённая 1812 г., и поэтому изучение иностранной историографии затрудняла излишняя эмоциональность. Во-вторых, долгое время для иностранных историков оставались закрытыми российские государственные архивы. В-третьих, серьёзным препятствием оставался языковой барьер. Сегодня привычка к историографическому «уединению» у многих историков ещё сохраняется, но в целом, как считает А.В. Чудинов, наметилась тенденция к преодолению «ограниченности национальных историографий» [19, с. 63], и её проявления мы уже видим.

Как остроумно подметил В. Н. Земцов, наиболее значительной в 2012 г. публикацией по теме Наполеоновских войн стало издание книги Д. Ливена «Россия против Наполеона» на русском языке [19]. Хочется также отметить, что в этой монографии количество ссылок на российских исследователей темы ничуть не меньше, чем ссылок на западноевропейских авторов. Надо признать, что взгляды историков на сегодняшний день всё меньше определяются их этнической принадлежностью, а историографический процесс

становится всё более наукообразным. Однако нельзя не отметить, что в последние годы международная обстановка лишь препятствует тому, чтобы эта тенденция осуществила себя в полной мере. Как считает В.Н. Земцов, «нельзя не констатировать и тот факт, что под влиянием глубоких геополитических перемен происходит разрушение общего межнационального пространства в изучении 1812 года» [15, с. 130].

Подводя итоги, можно отметить следующее. Постсоветская историческая наука, высвободившись из-под идеологического диктата, смогла стать частью мировой историографии темы войны 1812 г. и внести заметный вклад в изучение Наполеоновских войн в целом. Рост внимания специалистов по наполеонике к проблемам исторической антропологии, который можно даже охарактеризовать как «социокультурный поворот» в изучении темы – это наиболее яркая тенденция в современной историографии Наполеоновских войн и в том числе в историографии Отечественной войны 1812 г.

Список источников и литературы

1. Ададуров В.В. Контакты между военнослужащими армии Наполеона и крестьянами во время русской кампании // Французский ежегодник 2018. Т. 51: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. С. 141–164.
2. Безотосный В.М. Исторический ландшафт наполеоновских войн: мировой конфликт и столкновение империй. М.: Кучково поле: Икс-Хистори, 2023. 412 с.
3. Его же. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 629 с.
4. Его же. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012. 263 с.
5. Губина М.В. Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812) // Французский ежегодник 2012. Т. 44: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М. С. 252–264.
6. Земцов В.Н. Русский поход Наполеона: гендерный аспект // Французский ежегодник 2023. Т. 56: Война и общество. С. 170–182
7. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 677 с.
8. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во

- время войны 1812 года. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 253 с.
9. *Рэй М.-П.* Идеологические и геополитические цели и последствия войны 1812 года // Французский ежегодник 2013. Т. 45: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. С. 6–17.
 10. Ее же. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 316 с.
 11. *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. 365 с.
 12. The Cambridge history of the Napoleonic Wars. Volume 2. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. 744 p.
 13. *Mikaberidze A.* The Napoleonic Wars: A Global History. Oxford, 2020. 992 с.
 14. *Агронов Л.И.* Постсоветская российская историография отечественной войны 1812 года: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2007. 23 с.
 15. *Земцов В.Н.* 1812 год в современной историографии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXVI Международной научной конференции, 5–7 сентября 2022 г. д. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2023. С. 125–130.
 16. *Шеин И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-политическая книга, 2013. 462 с.
 17. *Промыслов Н.В.* Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии: Материалы «круглого стола» // Французский ежегодник 2011. Т. 43: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. С. 348–392.
 18. *Троицкий Н.А.* Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. 112 с.
 19. *Чудинов А.В.* О «глобализации» в историографии войны 1812 года (Размышления над книгой М.-П. Рэй) // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. С. 61–74.

СЕКЦИЯ II. Вторая мировая война 1939 – 1945 гг. в истории человечества

Деев Дмитрий Александрович

Подвиг подольских курсантов: анализ причин прорыва у Большой Шубинки в октябре 1941 г.

Аннотация. Статья посвящена боевым действиям на Малоярославецком направлении в октябре 1941 г., особенно событиям 14 октября в районе деревни Большая Шубинка. На основе архивных документов, мемуарных свидетельств и материалов историографии рассматриваются причины тактического прорыва немецких войск на участке обороны Малоярославецкого укрепрайона, занятого подразделениями подольских курсантов. В работе показано, что исход боёв был обусловлен совокупностью инженерных, тактических и управленческих факторов, включая уязвимость фортификационных сооружений, утрату управления в критический момент и ограниченные возможности резервов. Особое внимание уделяется роли курсантских подразделений, чьё сопротивление, несмотря на тяжёлые потери, позволило выиграть время для стабилизации обороны на подступах к Москве. Делается вывод о двойственном характере данного эпизода, сочетающего проявление массового героизма с последствиями системных проблем начального периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Москву, Малоярославецкий укрепрайон, подольские курсанты, Можайская линия обо-

роны, октябрь 1941 года, тактический прорыв, инженерная оборона, управление войсками, военная историография.

The Feat of the Podolsk Cadets: An Analysis of the Breakthrough at Bolshaya Shubinka in October 1941

Abstract. The article analyzes the combat operations on the Maloyaroslavets axis in October 1941, with particular attention to the events of October 14 in the area of the village of Bolshaya Shubinka. Based on archival documents, memoir accounts, and historiography, it examines the reasons for the tactical breakthrough of German troops in the sector of the Maloyaroslavets fortified district defended by units of the Podolsk cadets. The work demonstrates that the outcome of the battles was determined by a combination of engineering, tactical, and command-and-control factors, including vulnerabilities in the fortifications, loss of command at a critical moment, and the limited capabilities of reserves. Special attention is paid to the role of the cadet units, whose resistance, despite heavy losses, helped gain time to stabilize the defense on the approaches to Moscow. The conclusion highlights the dual nature of this episode, which combines the manifestation of mass heroism with the consequences of the systemic problems characteristic of the initial period of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Battle of Moscow, Maloyaroslavets Fortified District, Podolsk Cadets, Mozhaisk Line of Defense, October 1941, Tactical Breakthrough, Engineering Defense, Troop Command and Control, Military Historiography.

Начальный период Великой Отечественной войны выявил глубокое несоответствие между довоенными представлениями советского военного руководства о характере будущей войны и реальными условиями боевых действий 1941 г. Быстрый прорыв вермахта через приграничные оборонительные линии, несмотря на локальную стойкость отдельных узлов сопротивления, вынудил советское командование

в экстренном порядке приступить к созданию новых рубежей обороны на подступах к Москве. Одним из таких рубежей стала Можайская линия обороны, призванная в кратчайшие сроки прикрыть столицу с запада и юго-запада.

Особое место в истории боёв за Можайскую линию занимает Малоярославецкий укрепленный район и, в частности, события у деревни Большая Шубинка в октябре 1941 г., где оборону держали подразделения подольских пехотного и артиллерийского училищ. Массовый героизм курсантов, вошедший в историческую память как «подвиг подольских курсантов», традиционно рассматривается в историографии как пример самоотверженного сопротивления, позволившего выиграть время для организации обороны Москвы. Вместе с тем, конкретные причины тактического прорыва немецких войск у Шубинки 14 октября 1941 г. требуют более детального анализа.

Целью настоящей статьи является выявление совокупности инженерных и тактических факторов, приведших к прорыву обороны на участке Малоярославецкого укрепленного района у деревни Большая Шубинка. Задачи исследования включают анализ хода боевых действий на Малоярославецком направлении в октябре 1941 г., характеристику инженерного состояния оборонительных сооружений на данном участке и рассмотрение решений советского командования в критический момент боя. Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: в какой мере тактический прорыв противника был обусловлен системными инженерными уязвимостями обороны и ошибками управления, а не только общим кризисом начала октября 1941 г.

Основу исследования составляют архивные документы штаба Западного фронта, управления Малоярославецкого укрепленного района и 43-й армии, позволяющие реконструировать оперативную обстановку и решения советского командования в октябре 1941 г. Существенное значение имеют материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, прежде всего донесения и рапорты командиров подразделений, фиксирующие ход боевых действий и потери [1; 2; 5]. Дополняют картину отдельные немецкие документы, отражающие замысел и тактику наступления частей 19-й танковой и 3-й пехотной дивизий [4].

Важную группу источников составляют мемуары непосредственных участников событий. Воспоминания Г. К. Жукова и К. Ф. Телегина позволяют проследить восприятие кризиса обороны Москвы на уровне высшего командования и Московского военного округа [8; 13]. Мемуары Б.Н. Рудакова, курсанта Подольского артиллерийского училища, дают ценное свидетельство «снизу», отражая физическое состояние, моральный настрой и условия, в которых курсанты вступали в бой [3].

В работах советских историков (И.И. Ивлев, А.Ф. Юденков) подвиг подольских курсантов рассматривается в контексте общей битвы за Москву, с акцентом на их роль в задержке продвижения противника [9]. Современные исследователи (А.В. Исаев, А.В. Драбкин) уделяют больше внимания оперативно-тактическим аспектам боёв и взаимодействию родов войск [10; 7]. Специальный интерес для настоящей работы представляют труды по истории фортификации, в частности исследования А.Б. Воронина, позволяющие оценить инженерные решения Можайской линии обороны и их уязвимости [6]. Таким образом, несмотря на значительный массив публикаций, проблема конкретных инженерных слабостей Малоярославецкого укрепрайона в районе Большой и Малой Шубинки и их влияния на исход боя 14 октября 1941 г. до настоящего времени не получила комплексного освещения, что и определяет научную новизну данной работы.

Объектом исследования являются боевые действия на Малоярославецком направлении в октябре 1941 г. Предметом исследования выступает тактический прорыв немецких войск у деревни Большая Шубинка 14 октября 1941 г. и обусловившие его факторы.

Методологическую основу работы составляют методы источниковедческого анализа, реконструкции боевых действий, а также сравнительного анализа советских и немецких документов. Особое внимание уделяется анализу инженерных решений и тактических действий сторон в конкретной локальной ситуации.

Создание Можайской линии обороны и инженерные предпосылки кризиса

16 июля 1941 г. Государственный комитет обороны издал постановление № 172 о строительстве Можайской линии обороны, призванной

в кратчайшие сроки прикрыть столицу от возможного прорыва противника. Сам факт принятия данного решения свидетельствует о признании советским руководством несостоятельности довоенных оборонительных концепций, ориентированных преимущественно на позиционную войну и недостаточно учитывавших высокую мобильность соединений вермахта.

Строительство Можайской линии велось в условиях острого дефицита времени и кадров. Значительная часть профессиональных военных инженеров, находившихся в западных приграничных округах, погибла или попала в плен в первые недели войны. В результате основные работы были возложены на Главгидрострой НКВД, московские строительные организации, а также на тысячи мобилизованных комсомольцев, студентов и местных жителей. Подобная кадровая структура неизбежно отражалась на качестве инженерных решений: приоритет отдавался количеству сооружений и темпам строительства, а не их тактической продуманности и глубине обороны.

Можайская линия протянулась на 220 км по фронту при глубине прикрытия 60 – 80 км. Однако уже на этапе рекогносцировки выявлялись потенциально уязвимые участки. В частности, заключение рекогносцировочной партии № 3, составленное летом 1941 г., указывало на высокую танкоопасность участка вдоль Варшавского шоссе, недостаточно выраженный передний край и наличие пересечённой местности, благоприятной для скрытого манёвра противника. Отмечалось, что линия обороны на ряде участков проходит по лесным массивам без чётко выраженного рубежа, что существенно осложняло организацию устойчивой системы огня.

Несмотря на данные предупреждения, практические меры по усилению обороны на указанных направлениях реализованы не были. К октябрю 1941 г. Можайская линия была готова лишь примерно на 40 %, а Малоярославецкий укреплённый район – около 80 %. Формально эти показатели могли восприниматься как удовлетворительные, однако фактически сохранялись участки с критическими инженерными недоработками. Особенно уязвимым оказался район деревень Большая и Малая Шубинка, где отдельные элементы обороны не имели достаточного прикрытия, а взаимная увязка огневых точек была нарушена. Эти «точки разлома» заранее создавали предпосылки для локального, но опасного прорыва противника.

Обстановка на Малоярославецком направлении в октябре 1941 г. и роль подольских курсантов

После Вяземского прорыва немцев в начале октября 1941 г. оперативная обстановка на юго-западных подступах к Москве приобрела критический характер. Крупные соединения советского Западного фронта оказались окружены или дезорганизованы, линии связи нарушены, а система управления войсками — дестабилизирована. Командование Московского военного округа фактически не располагало подготовленными резервами, способными немедленно занять оборону на угрожаемых направлениях. Стрелковые дивизии находились в стадии формирования, танковые части испытывали острый дефицит материальной части, артиллерия не была развернута в полном объеме.

В этих условиях, как отмечал К.Ф. Телегин, единственной реальной силой, которой располагало командование, оставались части противовоздушной обороны, а также личный состав военных училищ и академий. Решение о привлечении подольских пехотного и артиллерийского училищ к обороне Малоярославецкого укрепрайона носило вынужденный характер и принималось в обстановке крайнего напряжения сил и нехватки времени для подтягивания резервов из восточных регионов Советского Союза.

Боеготовность училищ была объективно ограниченной. Из 2500 курсантов Подольского пехотного училища к ведению боевых действий было готово около 370 человек. Подольское артиллерийское училище располагало в основном учебными орудиями, часть которых требовала доводки и не была предназначена для длительных боёв. Дополнительным фактором являлось наличие значительного числа необученных курсантов сентябрьского призыва. Тем не менее командование, не имея альтернативы, приняло решение о немедленном выдвигании училищ на передний край обороны.

Марш курсантов, начавшийся 5 октября 1941 г., стал серьёзным физическим и моральным испытанием. По воспоминаниям Б.Н. Рудакова, за вечер и ночь подразделения проходили до 40 – 50 км, зачастую без полноценного отдыха и при острой нехватке транспорта. По мере приближения к Малоярослаvcу всё отчетливее ощущались последствия боёв: разрушенные участки Варшавского шоссе, подбитая техника, следы авианалётов. К оборо-

нительным позициям курсанты прибыли в состоянии крайнего утомления, что неизбежно сказывалось на их боевых возможностях и выносливости.

Боевые действия 8–12 октября 1941 г.

Период с 8 по 12 октября 1941 г. стал этапом напряжённых, но относительно стабильных боёв на позициях Малоярославецкого укрепрайона. К этому моменту подольские курсанты, совместно с отрядом десантников капитана И.Г. Старчака, заняли оборону на участке от Лукьяново до Малой Шубинки, фактически прикрывая подступы к Ильинскому рубежу.

Действия отряда капитана Старчака, начавшиеся ещё 4 октября на подходах к реке Угре, сыграли важную роль в формировании оперативной паузы. Подрыв переправ, ведение арьергардных боёв и дезорганизация передовых подразделений противника позволили задержать его продвижение и выиграть время для развертывания курсантских подразделений. Соединение передового отряда курсантов с десантниками 6 октября усилило оборону и повысило её устойчивость.

В течение 8–10 октября немецкие части предпринимали разведку боем и локальные атаки, стремясь выявить структуру советской обороны, расположение огневых точек и резервы. Эти действия сопровождались артиллерийским огнём и ограниченным применением бронетехники. Курсанты, несмотря на усталость и недостаток боевого опыта, сумели организовать систему огня и взаимодействие между подразделениями, что позволило отражать атаки противника с минимальными потерями.

Особо показателен бой 12 октября 1941 г., когда немецкая группа численностью до роты пехоты при поддержке около 15 танков попыталась прорваться в направлении Ильинского. Грамотно организованный огонь противотанковых средств и артиллерии позволил остановить атаку и подбить не менее пяти танков противника. Данный эпизод наглядно демонстрирует, что при сохранении целостности оборонительной системы и управляемости подразделений даже ограниченные силы могли успешно противостоять превосходящему противнику.

В целом бои 8–12 октября характеризуются относительной устойчивостью обороны. Немецкому командованию не удалось добиться решающего успеха, что вынудило его перейти к более тщательной подготовке удара и

поиску уязвимых участков. Для советской стороны этот период стал временем предельного напряжения сил, но одновременно подтвердил боеспособность курсантских подразделений в условиях позиционной обороны.

Прорыв у Большой Шубинки 14 октября 1941 г.

День 14 октября 1941 г. стал кульминацией боёв за Малоярославецкий укрепрайон и поворотным моментом в судьбе обороны на данном участке. К этому времени немецкое командование, проанализировав неудачи предыдущих атак, сосредоточило усилия на выявлении и использовании локальных слабых мест советской обороны. Основной удар был подготовлен на стыке 10-й и 12-й рот в районе между деревнями Шубинка и Выглово, где инженерная структура рубежа обладала наименьшей устойчивостью [1, с. 4].

Подготовка атаки носила системный и методичный характер. Части 19-й танковой дивизии, усиленные подразделениями 3-й пехотной дивизии, провели детальную разведку местности, определив направления подхода, расположение огневых точек и возможные «мёртвые зоны» фланкирующего огня. Приказ на атаку был оформлен с точной координацией действий пехоты, артиллерии и авиации, включая требования по обозначению позиций и взаимодействию с авиационной поддержкой.

Ключевым элементом прорыва стала инженерная уязвимость – неприкрытый эскарп высотой 4–5 м на советском берегу реки Выпрейки у Малой Шубинки. Данный участок не имел достаточного инженерного прикрытия в виде заграждений, минных полей и развитой системы фланкирующего огня. После артиллерийской подготовки и массированных авиационных ударов немецкие сапёры под огнём сумели подойти к эскарпу и заложить взрывные заряды. В 13:00 подрыв эскарпа создал проход, которым немедленно воспользовались штурмовые группы противника.

Развитие прорыва сопровождалось быстрым разрушением целостности обороны. Немецкие подразделения, используя возникшее замешательство и разрушения, обошли ближайшие долговременные огневые точки, подавляя их гранатами и сосредоточенным огнём по амбразурам. Часть ДОТов была уничтожена или захвачена, что привело к образованию бреши в обороне и угрозе глубокого обхода советских позиций.

Серьёзную роль в развитии кризиса сыграли ошибки советского командования на тактическом уровне. Командование 3-го батальона не сумело своевременно определить направление главного удара и масштаб угрозы. Потеря телефонной связи и дезорганизация управления вынудили командиров действовать вслепую, опираясь на фрагментарные сведения [8, с. 15]. В этих условиях решения принимались запоздало, а ввод резервов носил неорганизованный характер.

Попытки контратаковать силами отдельных взводов и резервов, принятые в дневное время без достаточной артиллерийской поддержки и разведки, оказались неэффективными. Немецкие источники характеризовали эти действия как отчаянные, но плохо подготовленные, что подтверждается их результатами – значительными потерями при отсутствии оперативного эффекта [3, с. 14].

Героизм рядовых бойцов и младших командиров, таких как лейтенант Тимофеев, оказался бессилем против системных провалов. Тимофеев, лично возглавив оборону ДОТа и уничтожив не менее 30 врагов под ураганным огнём, смог прорваться к своим только ночью, вынеся всех раненых. Но такой героизм позволял лишь локально сдерживать продвижение противника и выигрывать время для отхода отдельных подразделений. Однако в условиях разрушенной системы управления и инженерного прорыва героизм не мог компенсировать системные недостатки обороны [3, с. 6].

К концу дня 14 октября 1941 г. оборона 3-го батальона была фактически дезорганизована. Потери личного состава достигли половины первоначальной численности, значительная часть оборонительных сооружений была утрачена, а командование подразделениями не смогло вовремя устранить возникшие трудности. Тактический прорыв противника у Большой Шубинки создал угрозу оперативного развития успеха и стал одним из наиболее драматичных эпизодов боёв за Малоярославецкий укрепрайон.

Проведённый анализ боевых действий на Малоярославецком направлении в октябре 1941 г. позволяет рассматривать тактический прорыв немецких войск у деревни Большая Шубинка не как случайный эпизод, а как закономерный итог совокупности системных факторов. Ключевую роль сыграли инженерные уязвимости оборонительного рубежа, усугублённые

ограниченными возможностями управления и объективным кризисом советских войск в начальный период войны.

Инженерная составляющая кризиса проявилась прежде всего в недостаточной глубине и взаимной увязке оборонительных сооружений. Неприкрытый эскарп на берегу реки Выпрейки, слабая защищённость отдельных ДОТов, а также отсутствие развитой системы заграждений и фланкирующего огня создали условия, при которых противник мог сосредоточить усилия на одном узком участке и добиться локального, но решающего успеха. Эти недостатки были обусловлены как спешкой строительства Можайской линии обороны, так и кадровым дефицитом квалифицированных военных инженеров.

Не менее значимым фактором стали ошибки советского командования на тактическом уровне. Потеря управления в критический момент, разрыв связи между подразделениями, неверная оценка направления главного удара и запоздалый, неорганизованный ввод резервов привели к быстрому развитию прорыва. Даже там, где оборонительные сооружения ещё сохраняли боеспособность, отсутствие координации лишало их устойчивости.

На этом фоне массовый героизм подольских курсантов выступает как важнейший, но ограниченный по своим возможностям фактор. Самоотверженные действия отдельных подразделений и командиров, отражение атак 8–12 октября, подвиги в ходе боёв 14 октября позволяли локально сдерживать противника, выигрывать время и наносить ему потери. Однако в условиях системных инженерных и управленческих просчётов героизм не мог переломить общий ход событий и предотвратить тактический прорыв.

Вместе с тем, именно сопротивление подольских курсантов имело стратегическое значение. Выигранное ими время позволило советскому командованию стабилизировать фронт на подступах к Москве, подтянуть резервы и организовать дальнейшую оборону столицы. Таким образом, трагедия Малоярославецкого укрепрайона сочетает в себе два взаимосвязанных измерения: с одной стороны – проявление высочайшего мужества и самопожертвования, с другой – наглядную демонстрацию последствий системных ошибок в проектировании обороны и управлении войсками.

Инженерные и тактические уроки боёв у Большой Шубинки

Анализ событий у деревни Большая Шубинка позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих значение для понимания характера боевых действий начального периода Великой Отечественной войны. Прежде всего, опыт Малоярославецкого укрепрайона подтверждает ограниченность фортификационных решений, ориентированных на статичную оборону, в условиях высокой мобильности противника и активного применения им инженерно-штурмовых средств.

Создание оборонительных рубежей в сжатые сроки без достаточного кадрового и материального обеспечения неизбежно приводит к появлению уязвимых узлов, которые при грамотной разведке и подготовке удара могут быть использованы противником. Пример эскарпа у реки Выпрейки показывает, что даже единичный инженерный просчёт способен определить исход боя на тактическом уровне.

Не менее важным является вопрос управления войсками. Боевые действия 14 октября 1941 г. демонстрируют, что утрата связи и дезорганизация командования способны в кратчайшие сроки обесценить даже героическое сопротивление личного состава. Отсутствие резервов, недостаточная разведка и несогласованность контратак усиливают эффект первоначального прорыва и ускоряют коллапс обороны.

Наконец, опыт подольских курсантов подчёркивает пределы использования необстрелянных, хотя и мотивированных подразделений для решения задач стратегического значения. Их вклад в оборону Москвы был огромен, однако цена, уплаченная за выигранное время, оказалась чрезвычайно высокой. Осмысление этого опыта важно не только для исторической памяти, но и для понимания механизмов принятия решений в условиях военного кризиса.

Таким образом, тактический прорыв немецких войск у деревни Большая Шубинка следует рассматривать как концентрированное выражение проблем, с которыми столкнулась Красная Армия осенью 1941 г. Анализ данного эпизода позволяет глубже понять причины как временных неудач, так и последующего перелома в битве за Москву.

Дополнительно следует отметить, что события октября 1941 г. на Малоярославецком направлении получили широкое отражение как в советской,

так и в постсоветской историографии. Исследователи неоднократно подчёркивали, что оборона, выстроенная силами курсантских подразделений, носила во многом импровизационный характер и отражала общий кризис системы стратегического планирования начала войны [11; 10]. Вместе с тем ряд авторов указывает, что именно подобные импровизированные решения позволили выиграть критически важное время для организации глубокой обороны столицы [5].

Сопоставление мемуарных свидетельств участников боёв с данными архивных документов позволяет говорить о высокой степени достоверности реконструкции событий, несмотря на неизбежные расхождения в деталях и оценках [12; 13]. Это подчёркивает значимость комплексного подхода к изучению боёв под Малоярославцем, сочетающего источники различного происхождения.

Рассмотрение боёв у деревни Большая Шубинка в контексте инженерных, тактических и управленческих факторов позволяет не только уточнить ход конкретного боевого эпизода, но и расширить представления о характере вооружённой борьбы в первые месяцы Великой Отечественной войны, а также о цене, которой была обеспечена оборона Москвы.

Следует подчеркнуть, что опыт Малоярославецкого укрепрайона демонстрирует типичную для осени 1941 г. ситуацию, когда стратегическая необходимость вынуждала использовать учебные и резервные подразделения для решения боевых задач первостепенной важности. Это, в свою очередь, обостряло противоречие между ограниченными возможностями таких подразделений и возлагаемыми на них оперативными ожиданиями. Анализ боёв показывает, что даже при высоком уровне моральной устойчивости личного состава отсутствие времени на полноценную подготовку и слаживание существенно снижало общую эффективность обороны. Вместе с тем именно подобные решения позволяли выиграть критически важные дни и часы, определившие дальнейший ход оборонительных операций под Москвой. Таким образом, трагизм подвига подольских курсантов заключается не только в масштабах понесённых потерь, но и в том объективном положении, в котором они оказались в условиях общего кризиса начального периода войны.

Список источников и литературы

1. Архивные документы Малоярославецкого укрепрайона. Боевые донесения и оперативные сводки за октябрь 1941 г.: Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 176.
2. Архивные материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации по боям октября 1941 г.:
 - 1) ЦАМО РФ. Ф. 20115. Оп. 2. Д. 1.
 - 2) ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 103.
 - 3) ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 104.
 - 4) ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 204.
 - 5) ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 3.
 - 6) ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 5.
 - 7) ЦАМО РФ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 1.
 - 8) ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 310.
 - 9) ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 312.
 - 10) ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 384.
 - 11) ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 386.
 - 12) ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 388.
3. *Телегин К.Ф.* Не отдали Москвы! М.: Советская Россия, 1975. 256 с.
4. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). Kriegstagebuch (КТВ) 19. Panzer-Division. 01.10.1941 - 20.10.1941. RH 27-19/10. 120 Bl.
5. *Грин Г.Я., Чернов В.А.* Октябрь 1941. Варшавское шоссе. М.: Яуза, 2018. 416 с.
6. *Воронин А.Б.* Инженерное обеспечение обороны Москвы. М.: Наука, 2010. 288 с.
7. *Драбкин А.В.* Ильинский рубеж. Подвиг подольских курсантов. М.: Эксмо, 2020. 352 с.
8. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
9. *Ивлев И.И., Юденков А.Ф.* Боевые действия подольских курсантов в октябре 1941 года. М.: Воениздат, 1971. 208 с.
10. *Исаев А.В.* Котлы 41-го. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 400 с.
11. История Великой Отечественной войны. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 680 с.
12. *Рудаков Б.Н.* Много лет пронеслось... М.: Издательство Московского университета, 1995. 156 с.
13. *Самсонов А.М.* Москва, 1941 год. М.: Московский рабочий, 1991. 288 с.

Солдаткин Егор Андреевич

История 8-я Краснопресненской дивизии народного ополчения города Москвы

Аннотация. На основе материалов периодической печати, специализированных литературных источников, предоставленных Военно-научной библиотекой Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, Музеем обороны Москвы, Московским государственным университетом в статье рассмотрены процесс формирования, обучения, обеспечения, боевой путь 8-й дивизии Краснопресненского района Москвы, значительную часть которой составляла интеллигенция, в том числе творческая, не имеющая отношения к воинским специальностям. Автор оценивает эффективность добровольческих формирований в виде ополчения в битве за Москву в 1941 году.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московская битва 1941 – 1942 гг., народное ополчение Москвы, оборона Москвы в 1941 г., добровольческие формирования, военная подготовка, Вяземская операция, 8-я Краснопресненская дивизия.

History of the 8th Division of the Moscow People's Militia

Abstract. This article presents an efficient assessment of people's Militia in defense of Moscow in 1941 using the 8th Krasnopresnenskaya Division as example. A significant part of this division were members of the intelligentsia (including creative ones) who didn't have any military specialties. We have considered formation, training, provision and battle path of the 8th Krasnopresnenskaya Division based on documents (periodicals and specialized literary sources) provided by Military Scientific Library of Central Museum of the Armed Forces of the Russian Federation, The State Museum of the Defence of Moscow and Lomonosov Moscow State University.

Keywords: The Great Patriotic War, the Battle of Moscow in 1941-1942, the People's Militia of Moscow, the Defense of Moscow in 1941, volunteer formations, military training, the Vyazma Operation, and the 8th Krasnopresnenskaya Division.

Большую роль на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сыграли части народного ополчения. Одним из самых многочисленных было московское народное ополчение. Боевому пути дивизий народного ополчения Москвы посвящено большое количество научных статей, изданы сборники архивных документов, сборники воспоминаний участников этих событий. При этом многое в этой теме остается малоизученным в связи с отсутствием некоторых важных первоисточников, утерей части документации начального периода Великой Отечественной войны. Информация о ходе этих боев, в которых участвовали части ополчения, зачастую носит разрозненный характер и не дает четкой картины в связи с тем, что в период войны не было возможности собрать, проанализировать, синхронизировать и сохранить многие данные.

В июле 1941 г. перед руководством СССР остро встал вопрос обороны Москвы. Советские войска несли огромные потери, регулярных частей РККА явно было недостаточно для отпора врагу, необходимо было создавать дополнительные вооруженные формирования для отражения вражеского наступления. В ночь на 2 июля 1941 г. под председательством заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотова в Кремле состоялось совещание ЦК ВКП(б), по итогам которого Военным советом Московского военного округа (МВО) было принято постановление № 0031 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения». С момента издания этого документа начинается формирование дивизий московского народного ополчения.

Постановление определяло масштаб и сроки мобилизации, порядок руководства мобилизацией, порядок формирования - по районному принципу - и количество дивизий, требования к возрасту трудящихся, порядок формирования командного состава частей, порядок обеспечения, боевой подготовки и размещения частей ополчения [1, с. 120 - 122].

8-ая дивизия народного ополчения формировалась в Краснопресненском районе Москвы. В Краснопресненскую дивизию вступали рабочие и служащие предприятий «Трехгорная мануфактура», машиностроительного завода «Красная Пресня», завода «Пролетарский труд», вагоноремонтного завода имени Памяти революции 1905-1907 гг., преподаватели и студенты МГУ им. М.В. Ломоносова (в 1941 г. им. М.Н. Покровского), юридического института, МГРИ (Московский геологический разведывательный институт), Московской консерватории им. П.И. Чайковского, Театра им. Маяковского (в 1941 г. Театр Революции), члены Союза советских писателей. Дивизия формировалась по производственному принципу: представители одного предприятия или учреждения, как правило, составляли одно подразделение, а в некоторых случаях – часть [2, с. 74 - 76].

В начале июля 1941 г. более 330 студентов, преподавателей, работников Московской консерватории добровольно записались в народное ополчение. Писатели, журналисты, актеры составили так называемую «писательскую» роту. В течение первой недели формирования 8-й дивизии в ее ряды вступили 1065 человек из коллектива МГУ, в том числе 213 математиков и механиков, 163 историка, 158 физиков, 155 географов, 148 химиков, 138 биологов, 90 геологов. В народное ополчение вступило 24 профессора и доктора наук [7]. К 8-й дивизии также были присоединены батальоны добровольцев из Пролетарского района Москвы, Загорского (ныне Сергиевопосадского), Подольского, Солнечногорского, Ногинского, Воскресенского, Коломенского районов Московской области [2, с. 59 - 60].

К 7 июля в дивизии было 5334 человека. Дивизия состояла из 1-го (впоследствии 22-го, затем 1299-го), 2-го (впоследствии 23-го, затем 1301-го), 3-го (впоследствии 24-го, затем 1303-го) стрелковых полков, запасного полка, отдельного артиллерийского дивизиона 45-мм пушек, отдельного дивизиона 76-мм пушек, роты связи, разведывательной, саперной и автотранспортной рот [1, с. 122].

Командиром дивизии был назначен Д.П. Скрипников, Георгиевский кавалер, участник Гражданской войны, имевший воинское звание комбрига. Начальником штаба дивизии стал Ф.П. Шмелев. Он служил в 1917 г. на Кавказском фронте, после демобилизации был зачислен в 85-й запасной

Астраханский полк, во время Гражданской войны воевал на стороне красных, участвовал в советско-польской войне, командовал ротой.

9 июля 1941 г. дивизия вышла из Москвы в западном направлении. Этому способствовало и то, что в городе не было условий для полноценных занятий по боевой подготовке, особенно по тактике действий подразделений. Для этого необходимо было вывести ополченческие дивизии в места, где можно было бы развернуть их обучение в полном объеме. Ветераны 8-й дивизии вспоминали позднее: «Уходили из Москвы в своей одежде, обмундирование получали в пути, на привалах, так же, как и оружие. Часть ополченцев отправилась прямо из университета <...> в походе проходили строевую подготовку, изучали оружие, боевые уставы, знакомились с основами военной техники» [5, с. 173]. В ходе занятий по боевой подготовке особое внимание уделялось умению владеть различными видами оружия, тактике действий при ведении оборонительного боя и борьбе с танками, воздушными десантами противника, проведению инженерного оборудования местности, созданию системы заграждений. Ополченцы обучались стрельбе из стрелкового оружия (винтовки, пистолеты-пулеметы, пулеметы, пистолеты), метанию боевых гранат, действиям в орудийных расчетах [2, с. 185 - 189].

10 июля дивизия прибыла в район Николо-Урюпино, Бузланово. Именно в этот район доставлялось все необходимое для питания, вооружения и обмундирования дивизии. Приказом Ставки ВГК № 00409 «О формировании фронта Можайской линии обороны» от 18 июля 1941 г. 32-й, 33-й и 34-й армиям предписывалось: «К исходу 21. 07. 1941 г. занять рубеж Кушелево, Ярополец, ст. Колоочь, Ильинское, Детчино и подготовить к упорной обороне. Особо тщательно подготовить противотанковую оборону». В боевой состав армий включались 10 дивизий народного ополчения, которым было приказано сосредоточиться в назначенных районах к исходу 21 июля 1941 г. Было необходимо создать полосу заграждений с противотанковыми препятствиями, минными полями и фугасами, организовать строительство щелей для пехоты, оборудовать артиллерийские позиции, особенно противотанковой артиллерии. Эта линия, находясь в тылу Вяземского оборонительного рубежа, в 120 – 140 км от Москвы, должна была прикрыть важнейшие направления, ведущие к Москве: волоколамское, можайское и малоярославское [4, с. 240].

В Постановлении ГКО СССР №172сс от 16 июля 1941 г. «О Можайской линии обороны» указывалось: «...Дивизии народного ополчения в количестве 10 внести в список вооружаемых в первую очередь и обмундировать полностью.... Цель этих дивизий защита Москвы на линии Можайск, их дислокация – Можайская линия». 8-я дивизия народного ополчения Краснопресненского района вошла в состав 33-й армии и к исходу 22 июля заняла полосу обороны в районе населенного пункта Карачарово, находясь в первом эшелоне армии. Штаб дивизии располагался в деревне Настасьино. Дивизии была поставлена задача оборудовать полосу обороны в инженерном отношении, обращая особое внимание на «организацию активной и пассивной противотанковой обороны, как в полосе предполья, так и на главном рубеже».

Организация обороны на Можайской линии проходила в непростой предбоевой обстановке. Бойцы 8-й дивизии продолжали боевую подготовку, несмотря на то, что строительство укреплений отнимало много сил и времени. Тем не менее, личный состав дивизии добросовестно выполнял поставленную задачу. 8-я Краснопресненская дивизия в своей полосе обороны к 27 августа проделала следующие работы: эскарпировала – 28436 м.п., сделала завалов – 1290 м.п., произвела расчистку обзора и обстрела – 3 га, отрыла противотанковых рвов – 3104 м.п., заготовила заграждений на – 7,5 км, отрыла окопов ячеяковых – 196, пулеметных гнезд – 53, щелей – 38, окопов для орудий противотанковой обороны – 16, окопов снайперских – 5, окопов для минометов – 13, оборудовала командных пунктов – 3 [9, с. 236].

После прорыва обороны Западного фронта, в ходе Смоленского сражения возникла необходимость создания Резервного фронта. В соответствии с Приказом Ставки ВГК от 30 июля 1941 г. № 00583 «О формировании Резервного фронта» 8-я дивизия была введена в состав 32-й армии. Согласно приказу, ей необходимо было сосредоточиться в районе Вязьмы и к утру 4 августа 1941г. занять рубеж Богородицкое, Лысово, Подрезово, Панфилово, Годуновка.

Штаб дивизии расположился в селе Семлево. Создавая оборонительный рубеж, ополченцы 8-й дивизии большую часть дня строили ДОТы и дзоты, оборудовали окопы и землянки, рыли противотанковые рвы. На боевую подготовку подразделений почти не оставалось времени. Как показала

проверка, проведенная в конце августа по решению Военного совета Резервного фронта, подразделения 8-й стрелковой дивизии еще не овладели навыком взаимодействия между собой, в дивизии отсутствовали надежные средства борьбы с танками, была плохо организована связь [3, с. 257]. Устранение этих недостатков требовало времени, которого оставалось слишком мало из-за работ по строительству оборонительных укреплений. Об этих проблемах командиры полков не раз сообщали в штаб дивизии, ее командование, в свою очередь, сообщало об этих проблемах командованию 32-й армии. В результате неоднократных запросов, ополченцы получили разрешение заниматься боевой подготовкой 5-6 часов в день, в остальное время следовало строить укрепления. Именно эти драгоценные часы обучения позволят потом ополченцам дать достойный отпор немецким захватчикам.

В период строительства Ржевско-Вяземской линии обороны армии Резервного фронта неоднократно подвергались атакам вражеской авиации. Также противником забрасывались в советский тыл десантно-диверсионные группы, что стало поводом для создания в дивизии сводного отряда для ликвидации вражеских десантников. Силами созданного отряда совместно с подразделениями 6-й дивизии народного ополчения были уничтожены несколько групп вражеского десанта. Так в августе 1941 г. ополченцы 8-й дивизии получили первый боевой опыт: 15 августа сводный отряд ликвидировал немецкий десант в районе деревни Дуденки.

30 июля 1941 г. дивизии и трем стрелковым полкам были вручены боевые знамена и грамоты Краснопресненского районного комитета ВКП (б). Получая боевые знамена, личный состав дивизии был приведен к военной присяге.

По решению ГКО от 11 августа 1941 г. и согласно директиве заместителя народного комиссара обороны № орг/2/339420 от 23 августа 1941 г. все дивизии народного ополчения с 1 сентября были переформированы в стрелковые дивизии по сокращенному штату военного времени. Нумерация дивизии сохранялась прежней с добавлением слова «стрелковая», т.е. «8-я стрелковая Краснопресненского района дивизия». 26 сентября 1941 г. на основании директивы народного комиссара обороны, дивизии народного ополчения были включены в состав кадровых войск Красной Армии и получили общеармейские номера. 8-я стрелковая Краснопресненского

района дивизия была переименована в 8-ю стрелковую дивизию.

В конце августа и начале сентября дивизия перешла на новый рубеж обороны по восточному берегу Днепра: 1299-й стрелковый полк занял рубеж – Перстенек – Карачарово, 1303-й полк – Карачарово – Молодилово, 1301-й полк – Благовещенское – Милоселье – Болдино. Части дивизии продолжали боевую учебу, освоение и оборудование нового рубежа обороны, который мог стать серьезным препятствием на пути врага.

30 сентября – 2 октября 1941 года немцы начали операцию «Тайфун», главной целью которой был захват Москвы. Германское командование планировало нанести массированный удар по флангам Западного фронта, окружить его и уничтожить в районе Вязьмы. К операции привлекались 9-я и 4-я немецкие армии, 3-я и 4-я танковые группы, при этом в местах предполагаемого прорыва немцы сосредоточили большие танковые группировки. После уничтожения советских войск под Вязьмой противник рассчитывал занять Москву без особого сопротивления.

Севернее расположения 8-й дивизии немцы начали мощное наступление, прорвав линию обороны 43-й армии и создавая угрозу левому флангу 24-й армии. Командующий Резервным фронтом Маршал Советского Союза С.М. Буденный предложил план, по которому 8-ая дивизия должна была нанести контрудар по наступающим немецким частям. Однако из-за того, что дивизии понадобилось бы минимум два дня, чтобы передислоцироваться, а также из-за того, что противник вступил в бой с 33-й армией, эта идея не была реализована. Дивизию направили в район Уварово, Забежная, Митрофановка (недалеко от Ельни), включив в состав 24-й армии, и поставили задачу задержать продвижение противника, чтобы дать возможность 24-й армии занять новый рубеж. Для перегруппировки части дивизии были разделены: 1303-й стрелковый полк выдвигался автотранспортом, а 1301-й стрелковый полк – пешим порядком. 1299-й стрелковый полк пока оставался на занимаемых рубежах по восточному берегу реки Днепр.

Для выяснения боевой обстановки и уточнения поставленной задачи командование дивизии первым прибыло на назначенный рубеж. Однако информацией о действиях противника и о нахождении его частей командование дивизии не располагало. С утра 4 октября части и подразделения дивизии, не успев завершить перегруппировку и занять позиции, были вы-

нуждены вступить в бой с наступающими частями 15-й немецкой моторизованной дивизии. Силы были далеко не равными. Ополченцы противостояли соединениям 20-го армейского корпуса противника в составе 15-й, 268-й, 78-й пехотных дивизий при поддержке не менее 30 танков из 4-й танковой группы. Противник использовал танки и авиацию, которая постоянно бомбила позиции дивизии. У ополченцев, в свою очередь, ни бронетехники, ни тем более авиационной поддержки не было. В первые часы боя погибли командир дивизии комбриг Д.П. Скрипников, комиссар В.И. Дедловский, командир 1303-го стрелкового полка подполковник А. И. Худобин, многие командиры и политработники, получил ранение заместитель командира дивизии по политической части М.И. Лазаренко. Командование дивизией принял на себя начальник штаба полковник Ф.П. Шмелев, комиссаром дивизии стал профессор М.С. Зоркий, вскоре также погибший.

Насколько ожесточенным был бой, можно судить по тому, что только в первый день было ранено более 1200 ополченцев, не считая убитых. Погибших и раненных командиров заменяли другие бойцы. Так, когда был ранен командир 1-го батальона 1303-го стрелкового полка А. Кузьмин, его сменил член ВКП (б) с 1919 г. кандидат сельскохозяйственных наук капитан П.И. Сараев. 1303-й стрелковый полк вел тяжелые оборонительные бои в районе населенного пункта Лозино. Его подразделения отходили с занимаемых рубежей только тогда, когда у них заканчивались боеприпасы.

Несмотря на численное превосходство противника в живой силе и технике, ополченцы дивизии стойко и мужественно защищали занимаемые рубежи. Они не только смело отражали атаки противника, но и сами переходили в контратаки. Так действовали ополченцы 1301-го стрелкового полка, которым командовал полковник А.Я. Потапов. Отрадив 4 октября атаку немцев в районе Зубово, подразделения полка перешли в контратаку и выбили противника из этого населенного пункта.

1299-й стрелковый полк, находившийся 4 октября на марше из Дорогобужа в Белый Холм, подвергся массированному авиационному и танковому удару противника. Полк потерял значительную часть живой силы и техники. К вечеру 4 октября 1299-й и 1301-й полки отошли в район населенного пункта Уварово. Здесь же дивизия разделилась на два отряда. Первый сводный отряд, возглавляемый инструктором политотдела дивизии В.Г. Зубо-

вым, к утру 6 октября вышел к населенному пункту Коробец. Выбив немцев из деревни, ополченцы отошли к населенному пункту Кувшиново, где соединились с другими частями отходившей 24-й армии Резервного фронта.

У населенного пункта Кувшиново первый отряд 8-й стрелковой дивизии, выполняя приказ штаба 24-й армии, перешел к обороне. Спустя некоторое время противник бросил против отряда крупные силы пехоты и танков. Начался неравный бой в окружении. К вечеру 6 октября танки и пехота противника расчленили отряд 8-й стрелковой дивизии на отдельные изолированные группы. Отряд как боевая единица, объединенный единым командованием, перестал существовать. Часть ополченцев погибла на поле боя, часть, уйдя от преследования, перешла к партизанской войне, часть оказалась в немецком плену [1, с. 125 - 126].

Вторым отрядом командовал капитан П. И. Сараев. Он повел бойцов к деревне Никольская, уничтожил там немецкий гарнизон и продолжил свой путь юго-восточнее Вязьмы к населенному пункту Церковщина, где вступил в бой с гитлеровцами и нанес им поражение. Затем отряд шел дальше на восток, уничтожая отдельные группы противника и в конце концов вышел к своим. Впоследствии отряд включили в состав 183-го запасного стрелкового полка.

Часть ополченцев 8-й стрелковой дивизии, не сумевших выйти из окружения, организовывали партизанское движение и продолжали сражаться в партизанских отрядах. Один из таких отрядов, успешно громивший захватчиков, сформировал и возглавил начальник штаба дивизии Ф.П. Шмелёв. Впоследствии Фёдор Петрович участвовал в Курской битве, в боях за Киев, в Балатонской операции.

В декабре 1941 г. 8-я стрелковая дивизия была исключена из боевого состава Красной Армии как дивизия, погибшая на фронте.

В настоящее время существуют разные точки зрения на эффективность народного ополчения в битве за Москву. Однако после войны из немецких архивов были извлечены документы, подтверждающие целесообразность такой меры как создание и задействование ополчения в боевых действиях. Немецкая 15-я гренадерская дивизия, с которой сражалась 8-я Краснопресненская дивизия, сразу же после боев в районе Вязьмы была отозвана с фронта на переформирование, из чего можно сделать вывод о том, что

ополченцы нанесли противнику серьезные потери. Немецкий историк К. Рейнгард, проводивший анализ Московской битвы на основе материалов военного архива ФРГ, писал, что ополченцам удалось сковать на длительное время немецкие танковые силы и тем самым исключить возможность их участия в атаке на Москву. Ценой больших потерь ополченцы Краснопресненского района Москвы выполнили поставленную им задачу: задержали наступление противника и тем самым отстояли Москву.

Несмотря на то, что теме обороны Москвы, роли в ней народного ополчения, посвящено много трудов специалистов, нельзя сказать, что она всесторонне изучена. Как уже было сказано выше, потеря документов того периода, сложная ситуация на фронте (тяжелые бои, отсутствие связи), не позволявшая вести хронику событий, оставили много пробелов в истории боев и гибели ополченческих подразделений. До сих пор работают многие поисковые отряды, которые находят и устанавливают личности пропавших без вести, разыскивают родственников погибших ополченцев, организуют перезахоронение. Один из таких отрядов «Вымпел-поиск МГУ» состоит из студентов и преподавателей Московского государственного университета. Отряд был создан в 2015 г. и к июню 2024 г. поднял и перезахоронил останки 188 бойцов 8-й дивизии. При этом 80 из них опознаны, у 50 найдены родственники.

Кроме поисковиков, работающих в местах Вяземского сражения, историки и просто неравнодушные люди, изучающие историю Великой Отечественной войны, работают в архивах с целью поиска сведений об судьбах ополченцев. Например, в 2012 г. генеалог В.В. Семенов в архивных документах Тверского военкомата города Москвы обнаружил и опубликовал подлинные списки 8-й Краснопресненской дивизии, составленные в июле 1941 г. Подобные открытия пополняют список архивных документов, на основании которых продолжает расширяться база для более детального и полного изучения и описания истории ополчения Москвы. Законом города Москвы от 29 сентября 2021 г. № 17 установлена памятная дата – День Московского народного ополчения (1941 г.) 11 октября.

Список источников и литературы

1. Москва - фронту, 1941–1945: сборник документов и материалов. М: Наука, 1966. 411 с.
2. Ополчение на защите Москвы: Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941-январе 1942 г. М.: «Московский рабочий», 1978. 408 с.
3. Народное ополчение Москвы: [Воспоминания бывших бойцов и командиров нар. ополчения]. М.: Московский рабочий, 1961. 336 с.
4. Народное ополчение городов-героев. М.: Наука, 1974. 367 с.
5. Бакулин О.А. К истории 8-й дивизии народного ополчения // Меди@льманах. 2020. №4. С. 172 – 180.
6. Слухай И.А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во Патриот, 2013. 309 с.
7. Московский университет в Великой Отечественной войне. М.: Издательство МГУ, 1985. 336 с.
8. Участники Великой Отечественной Войны 1941-1945 годов – вершители Победы. М.: Издательство МГУ, 2010. 248 с.
9. Каримов В.И. Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению. М.: Планета, 2016. 544 с.

Зеленков Дмитрий Александрович

Современная историография Ржевской битвы

Аннотация. В статье рассматриваются достижения современной историографии в вопросе боев на ржевско-вяземском выступе в ноябре-декабре 1942 г. Революционным событием стала работа американского историка Дэвида Гланца, правда не избежав некоторой категоричности оценок, свехобобщений и ошибочных суждений и не обладая репрезентативным комплексом источников по определенным вопросам. Работы Светланы Герасимовой стали первыми отечественными исследованиями Ржевской, которые изложили отличную от официальной версии. Работа авторского коллектива под руководством Драбкина стала важной вехой в историографии Ржевской битвы, явив новую и хорошо подготовленную работу. Перед историками встает задача по введению новых источников в научный оборот и более тщательного, детального и свободного изучения операции «Марс».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ржевская битва, ржевско-вяземский выступ, операция «Марс», советская историография, российская историография, военная история.

Modern historiography of the Battle of Rzhev

Abstract. The article examines the achievements of modern historiography in the issue of the battles on the Rzhev-Vyazma ledge in November-December 1942. A revolutionary event was the work of the American historian David Glantz, however, not avoiding some categorical assessments, overgeneralizations and erroneous judgments and not having a representative complex of sources on certain issues. The works of Svetlana Gerasimova were the first domestic studies of Rzhevskaya, which presented a different from the official version. The work of the author's team led by Drabkin has become an important milestone in the

historiography of the Battle of Rzhev, presenting a new and well-prepared work. Historians are faced with the task of introducing new sources into scientific circulation and conducting a more thorough, detailed, and free study of Operation Mars.

Keywords: Great Patriotic War, Battle of Rzhev, Rzhev-Vyazma salient, Operation Mars, Soviet historiography, Russian historiography.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. была эпохальным событием, вокруг которого не утихают дискуссии в наши дни. Одним из самых кровопролитных сражений этой войны стала Ржевская битва. Захватив Ржев осенью 1941 г., немцы сразу поняли его стратегическое значение. Удерживая ржевский выступ, вермахт мог угрожать на Москве. Германское командование не оставляло намерений захватить советскую столицу, полагая, что это позволит им выиграть войну.

Объектом данной статьи является современная историография Ржевской битвы. Это сражение продолжалось почти 15 месяцев, с 8 января 1942 г. по 31 марта 1943 г. Оно стало самым кровопролитным сражением Великой Отечественной войны. Долгое время данному сражению в советское время не уделяли должного внимания. В постсоветский период было подготовлено определенное число работ, освещающих как общий характер сражения, так и отдельные эпизоды боев на Ржевском выступе. Основными дискуссионными вопросами современной историографии являются: вопрос терминологии, стоит ли объединять операции на ржевско-вяземском выступе в единую битву; вопрос потерь, понесенных сторонами конфликта; описание боевых действий. Историографию можно, условно, разделить на советский и постсоветский период. В советское время в вопросе изучения ржевских операций господствовала государственная идеология. Все вышедшие работы подвергались цензурированию. В постсоветский период наблюдается поляризация мнений относительно Ржевской битвы. Данная операция представляет особый интерес среди историков, по которой консенсуса нет и в наши дни.

В советской исторической науке бои на ржевско-вяземском выступе не рассматривались как единое целое и не выделялись как отдельная битва. В энциклопедии 1985 г. «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.»

под редакцией М.М. Козлова описания битвы нет. Давались описания только отдельных операций, таких как Ржевско-Вяземская наступательная операция Калининских и Западных фронтов с 8 января по 20 апреля 1942 г. или летнее наступление во время Первой Ржевско-Сычевской операции с 30 июля по 1 октября г., когда был создан плацдарм на реке Вазуза. Основным лейтмотивом в описании боевых действий 1942 г. был отвлекающий маневр и сковывание немецких войск, а также затушевывание целей и задач операции «Марс» [1].

Стоит отметить, что первое упоминание операции «Марс» произошло в 6-м томе 12-томной энциклопедии «История Второй мировой войны 1939-1945 гг.». При этом прозвучало не только само наименование операции, но и цели операции. Она позиционировалась следующим образом: «Силами Калининского и Западного фронтов намечалось провести операцию с целью ликвидации ржевско-вяземского плацдарма, а войсками Северо-Западного фронта – демянской группировки противника» [6, с. 29]. Но подробного описания боев и статистики понесенных потерь приведено не было. Кроме того, операция «Марс» фрагментарно упоминалась в мемуарах советских полководцев, в частности командира 3-го механизированного корпуса Михаила Катукова. Катукоев в своих воспоминаниях раскрывает цели операции, но сами действия его корпуса в ходе этих боев затенены описанием других эпизодов. В мемуарах он пишет: «Все же, думается, танковая группировка на калининском направлении была использована не в полную меру своих возможностей» [7, с. 129]. После распада Советского Союза стало ясно, что Ржевская битва являлась одним из самых больших «белых пятен» в отечественной историографии Великой Отечественной войны.

В 1993 г. с выходом в свет официальной монументальной монографии под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева были опубликованы списки потерь Красной Армии с разбивкой по операциям Великой Отечественной войны. Однако операция «Марс» в ней так же не получила должного внимания [4]. Эту лауну восполнила статья историка Владимира Гуркина «Людские потери Советских Вооруженных Сил в 1941-1945 гг.: новые аспекты», вышедшая в Военно-историческом журнале в 1999 г. Согласно данной статье, безвозвратные потери, понесенные Красной Армией в ходе операции «Марс», оцениваются в 70 373 человек, санитарные - 215 674 че-

людей. Обращает внимание высокое число среднесуточных потерь - 8295 человек, что делает операцию «Марс» одной из самых кровопролитных битв Великой Отечественной войны [5, с. 11]. Общие потери, за все время Ржевских операций, согласно историку Алексею Исаеву, составили 1 160 787 человек.

Долгое время на русском языке не существовало ни одной полноценной работы, посвященной Ржевской битве. Ситуацию исправила вышедшая в свет в 1999 г. книга американского военного историка Дэвида Гланца «Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной армии в операции «Марс» 1942 г». Во многом благодаря его работам в англоязычной историографии значительно изменилось восприятие Великой Отечественной войны. За свои достижения в ноябре 2015 г. он был награжден медалью Министерства обороны России «За укрепление боевого содружества». Это была первая в современной историографии работа, которая была основана на недавно рассекреченных советских документах.

В 2005 году она была переведена на русский язык и стала новым взглядом на данную операцию. Гланц пересмотрел прежние концепции и выдвинул свою версию. Согласно ей, операции «Марс» на Ржевском выступе и «Уран» под Сталинградом были взаимосвязаны в рамках единого плана советского наступления по разгрому немецких группировок на центральном и южном участках советско-германского фронта. Автор также не разделяет точку зрения советских историков о «сковывании войск» на ржевско-вяземском выступе. В качестве аргумента Гланц приводил оперативные донесения 9-й армии В. Моделя, отчеты разведки, допросы советских военнопленных.

Эта монография вызвала дискуссию в научном обществе. Следует отметить, что она имела ряд недостатков: исходила из скудной источниковой базы, автору приходилось додумывать ряд событий и излишне обобщать приводимые данные. Основным недостатком работы стала опора при описании боевых действий немецких войск на общие истории тех или немецких частей, а не на их оперативные документы. В целом, Гланц полагал, что, несмотря на имевшиеся оперативные и тактические просчеты руководства разных уровней, операция «Марс» в основном провалилась по стратегическим причинам. Провал этого наступления имел серьезные последствия.

Во-первых, пришлось отменить операцию «Юпитер». Во-вторых, стратегические акценты советского командования сместились на юг. К концу декабря 1942 г. советские войска в районе Сталинграда взяли в кольцо немецкие войска, помешали противнику прислать окруженным подкрепление и развивали наступление в районе Дона [3, с. 29].

Работа Д. Гланца предопределила два направления отечественной историографии. Теперь некоторые исследователи стремились свести роль операции «Марс» к второстепенной относительно операции «Уран», фактически повторяя тезисы советской историографии. С другой стороны, значение операции «Марс» стало преувеличиваться.

В 2007 г. в свет вышла монография тверского исследователя Светланы Герасимовой «Ржев 42. Позиционная бойня». В этой работе излагается отличная от советской точка зрения на наступательные операции Красной Армии в районе ржевско-вяземского выступа в 1942 и 1943 гг. На основе документов ЦАМО РФ автор рассказывает о подвиге и трагедии воинов 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса, попавших в окружение в июле 1942 г. Ученый предложила новый взгляд на 1-ю Ржевско-Сычевскую операцию лета - осени 1942 г., подробно описав ее территориальные и временные границы, состав участников и понесенные потери. Касаясь операции «Марс», Герасимова придерживается точки зрения, что наступательные боевые действия закончились поражением Красной Армии. Она разделяет точку зрения Д. Гланца и в качестве обоснования приводит соотношение численности военнослужащих Красной Армии в районе проведения операций «Марс» и «Уран». Она отмечает, что в районе ржевского выступа Красная Армия сосредоточила больше войск, чем под Сталинградом. Однако им не удалось разгромить немецкую группировку [2, с. 150]. Кроме того, С. Герасимова является автором концепции объединения наступательных операций 1942-1943 гг. на Ржевско-Вяземском выступе в единую Ржевскую битву, хотя данная концепция является дискуссионной. В 2016 г. вышла работа, посвященная локальным аспектам боев на ржевском выступе под названием «Я убит подо Ржевом. Трагедия Мончаловского котла». В данной работе описывается характер наступательных действий близ деревни Мончалово, расположенной западнее Ржева. В этом районе попали в окружение и понесли большие потери 29-я армия и некоторые подразделения 39-й армии.

В 2024 г. в свет вышла работа под редакцией Артема Драбкина под названием: «Ржев 42/43. От «Марса» до «Бюффеля». В коллектив историков, принимавших участие в работе над книгой, вошел и Алексей Исаев. Это обширное исследование, которое основано на рассекреченных документах ЦАМО РФ, журналах боевых действий советской и немецкой сторон, а также личных воспоминаниях участников тех боев. Уникальность работы состоит в том, что авторский коллектив подробно описывает действия обеих сторон на всех участках проводимой операции и приводит список потерь воинских частей. Касаемо самой операции «Марс» авторы придерживаются точки зрения, что хоть операция и провалилась, но Красной Армии удалось прорвать хорошо укрепленные немецкие позиции и объективно, хотя это не было целью операции, сковать силы врага, помешав перебросить их на юг. Этим же фактором был во многом обусловлен успех при проведении операции «Искра» по прорыве блокады Ленинграда.

К причинам провала операции авторы относят такие факторы как: большое число немецких противотанковых средств; наличие у обороняющихся немцев бронетехники нового поколения; ошибки, допущенные советским командованием при планировании самой операции; неудачи советской разведки, которая не смогла вскрыть наличие у немецкой стороны большого числа резервов; недостаточное количество артиллерийских боеприпасов, особенно крупного калибра у наступавших; невысокий уровень подготовки стрелковых частей РККА [9, с. 513-519]. Даже несмотря на все вышеизложенное, авторы отмечают, что Красной Армии удалось прорвать укрепления, которые строились 11 месяцев, особенно успешно действовали советские бронетанковые и механизированные соединения. Понеся немалые потери, немецкие части вынуждены были провести операцию «Бюффель», отойдя на заранее подготовленные позиции. Красная Армия смогла в итоге ликвидировать ржевско-вяземский выступ и освободить город Ржев 3 марта 1943 г.

Подведем итоги. Масштабы и значение наступления Калининского и Западного фронтов долгое время в Советском Союзе и, соответственно, в советской историографии, фактически скрывались, а затем существенно занижались. Операцию относили в разряд второстепенных, упоминали о ней вскользь. Революционным событием стала работа американского историка Д. Гланца, правда, и она не избежала некоторой категоричности оце-

нок, сверхобобщений и ошибочных суждений. Эта монография не обладает репрезентативным комплексом источников по определенным вопросам, касающимся Ржевской битвы. Работы С. Герасимовой стали первыми ответственными исследованиями Ржевской битвы, которые изложили точку зрения, отличную от прежде официальной версии.

Постепенно открываются новые источники, особенно документы ЦАМО РФ, растет интерес к боевым действиям подо Ржевом со стороны общественности и научного сообщества. В 2020 г. на месте боев был открыт Ржевский мемориал советскому солдату. Работа авторского коллектива под руководством А. Драбкина стала важной вехой в историографии Ржевской битвы. Авторы ввели в научный оборот большой массив неопубликованных источников, рассмотрели различные аспекты хода боевых действий. Перед современными историками встает задача по введению новых источников в научный оборот и более тщательного, детального и свободного от политической конъюнктуры изучения операции «Марс».

Список источников и литературы

1. Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
2. Герасимова С.А. Ржев 42. Позиционная бойня. М.: Яуза Эксмо, 2007. 316 с.
3. Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции Марс 1942 г. М.: Астрель, 2005. 666 с.
4. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 176 с.
5. Гуркин В.В. Людские потери Советских Вооруженных Сил в 1941- 1945 гг.: новые аспекты // Военно-исторический журнал. 1999. №2. С. 2 - 13.
6. История Второй мировой войны 1939-1945 гг. В 12 томах. Том 6: коренной перелом в войне. М.: Воениздат, 1976. 516 с.
7. Катухов М.Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974. 429 с.
8. К вопросу о потерях советских войск в боях за ржевский выступ // История государства [Электронный ресурс] URL: <https://statehistory.ru/1955/K-voprosu-o-poteryakh-sovetskikh-voysk-za-rzhevskiy-vystup> (дата обращения 10.10.2025).
9. Ржев 42/43. От «Марса» до «Бюффеля». М.: Яуза-каталог. 656 с.

Пашукова Елизавета Алексеевна

Великолукская наступательная операция 1942-1943 гг. Причины, ход, итоги

Аннотация. Великая Отечественная война – важнейшая глава в истории нашей страны, в истории каждого региона. Великие Луки, город в Псковской области с населением чуть больше 80 тысяч человек, не исключение. 24 ноября 1942 года в качестве отвлекающего маневра началась Великолукская наступательная операция, которую назвали «Сталинградская битва в миниатюре». Цель операции заключалась в следующем: сковывание германских войск на центральном участке фронта и освобождение таких городов, как Великие Луки и Новосокольники. Цель была достигнута.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Псковская область, Великие Луки, А.Л. Кроник, оборона города Великие Луки, освобождение Великих Лук, 357-я стрелковая дивизия, Красная Армия, архивные документы, музей Великие Луки.

The Great Luka offensive operation of 1942-1943: reasons, course, and results

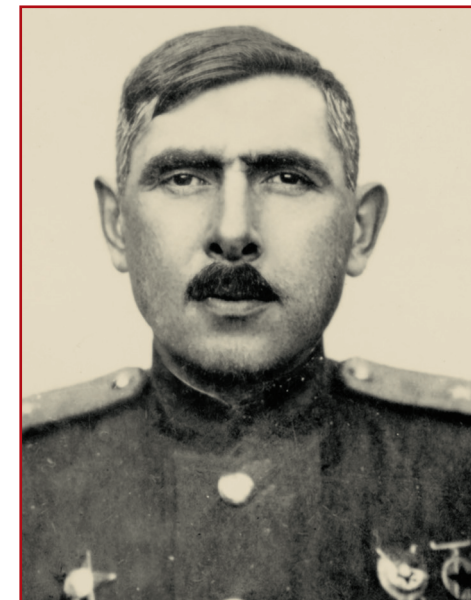
Abstract. The Great Patriotic War is an important chapter in the history of our country and in the history of every region. Velikiye Luki, a city in the Pskov region with a population of just over 80,000, is no exception. On November 24, 1942, the Great Luka offensive operation also known as the «Battle of Stalingrad in Miniature», began as a diversionary tactic. The purpose of the operation was to tie down German troops in the central sector of the front and liberate cities such as Velikiye Luki and Novosokolniki. The goal has been achieved.

Keywords: The Great Patriotic War, Pskov Region, Velikiye Luki, A.L. Kronik, Defense of the City of Velikiye Luki, Liberation of Velikiye Luki, 357th Rifle Division, Red Army, Archival Documents, Velikiye Luki Museum.

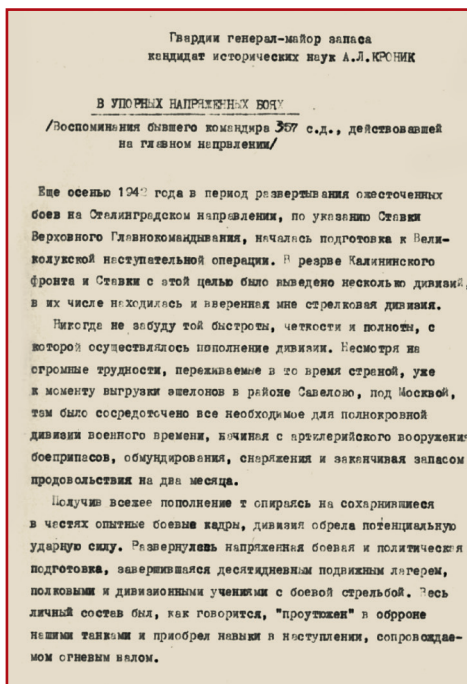
Великолукская наступательная операция началась 24 ноября 1942 г. в обстановке перехода Красной Армии в наступление на разных участках советско-германского фронта. В ходе операции была скована крупная немецко-фашистская группировка в районе городов Невеля и Великих Лук, что не позволило германскому командованию перебросить значительные силы в район города Сталинграда, где в это время разворачивалось крупное наступление советских войск.

Историкам и краеведам, изучающим историю освобождения Великих Лук, хорошо знакомо имя Александра Львовича Кроника. Именно он командовал 357-й стрелковой дивизией, которая совместно с 257-й стрелковой дивизией при штурме Великих Лук наносила основную удар.

357-я стрелковая Удмуртская ордена Суворова II степени дивизия сформировалась осенью 1941 г. в Удмуртской АССР в районе небольшого села Шолья из рабочих городов Ижевска, Воткинска, Сарапула и колхозников всех 37 сельских районов Удмуртии. Будучи переброшенной на Калининский фронт, она в составе 39-й армии в декабре 1941 г. была введена в прорыв северо-западнее Ржев. Используя брешь в

Александр Львович Кроник – генерал-майор. А.Л. Кроник в годы Великой Отечественной войны. 1943-1944 гг. Почетный гражданин городов Великие Луки и Новосокольники. (ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)

Фрагмент статьи из личного архива А.Л.Кроника. (ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)

Невелем, в районе Витебска, под Полоцком, громила фашистских захватчиков в Белоруссии и на территории Литвы, Латвии.

Еще осенью 1942 г. в период развертывания ожесточенных боев на Сталинградском направлении, по указанию Ставки началась подготовка к Великолуцкой наступательной операции [7, с. 1].

Великолуцкой наступательной операцией руководили командующий Калининским фронтом генерал армии М.А. Пуркаев, командующий 3-й ударной армией генерал-лейтенант К.Н. Галицкий и член Военного Совета Калининского фронта генерал-лейтенант Д.С. Леонов. Командование ставило перед советскими войсками следующие задачи:

обороне противника в районе Ножкино-Кокоскино и, развивая стремительное наступление на юг, дивизия вышла глубоко в тыл Сычевской группировки противника [8, с. 2].

Партийно-комсомольская прослойка дивизии на тот момент выглядела так: среди начальствующего состава – 66,8%, младшего начальствующего состава – 16,9%, рядового – 4,1%. Этнический состав бойцов и командиров дивизии: русские – 59,2%; удмурты – 34,6%; татары – 3,4%. Возрастной состав выглядел следующим образом: 33% воинов – до 35 лет, 67% – свыше 35 лет [8, с. 2].

Так начался боевой путь дивизии. В дальнейшем до июля 1942 г. она принимала участие в тяжелых боях в районе города Белый в глубоком тылу противника, затем с боем выходила на соединение с главными силами фронта, доблестно сражалась под Великими Луками,

Разгромить великолуцкую группировку немецких войск и освободить город Великие Луки.

Подготовить плацдарм для дальнейшего наступления советских войск на Белоруссию и Прибалтику.

Лишить противника благоприятных условий для маневра и перегруппировки сил и средств на другие участки советско-германского фронта.

Для пополнения и реформирования было выведено в резерв несколько дивизий Калининского фронта, в том числе, в августе 1942 г. – 357-я стрелковая дивизия. Несмотря на огромные трудности, переживаемые в то время страной, уже к моменту выгрузки эшелонов в районе Савелово, там было сосредоточено все необходимое для дивизии военного времени, начиная с артиллерийского вооружения, боеприпасов, обмундирования, снаряжения и заканчивая продовольствием на 2 месяца – от муки и мяса до лаврового листа и перца. Дивизия получила значительное пополнение, а именно 3000 курсантов, 3000 воинов, уже имевших боевой опыт и 3000 добровольцев. Подготовка завершилась выходом на 10 дней в подвижный лагерь, полковыми и дивизионными учениями с боевой стрельбой, а личный состав приобрел навыки ведения боя в наступлении. 9 октября 1942 г. началась погрузка в железнодорожные эшелоны, через несколько дней дивизия отправилась на фронт [6, с. 2-3].

Германское командование рассчитывало остановить и обескровить советские войска. Вся территория города Великие Луки была подготовлена к круговой обороне, к длительной блокаде и приспособлена для ведения уличных боев. Передний край обороны немцев был вынесен далеко от города на восток, по окраинам же Великих Лук проходило тщательно подготовленное внутреннее кольцо обороны. В центре города оба берега реки Ловать также были приспособлены к обороне, отрыты траншеи, окопы, пулеметные точки [9, с. 3].

Старинная крепость, построенная еще в ходе Северной войны по приказу Петра I на случай нападения шведов, занимала командное положение над всем городом, имела местами прочные стены и глубокие подвалы. Подвалы эти были расположены внутри крепости, каменные здания и старинный монастырь с глубокими каменными подземельями были дополнительно усилены фортификационными сооружениями и составляли основной

Железнодорожный вокзал во время Великолукской наступательной операции. (ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)

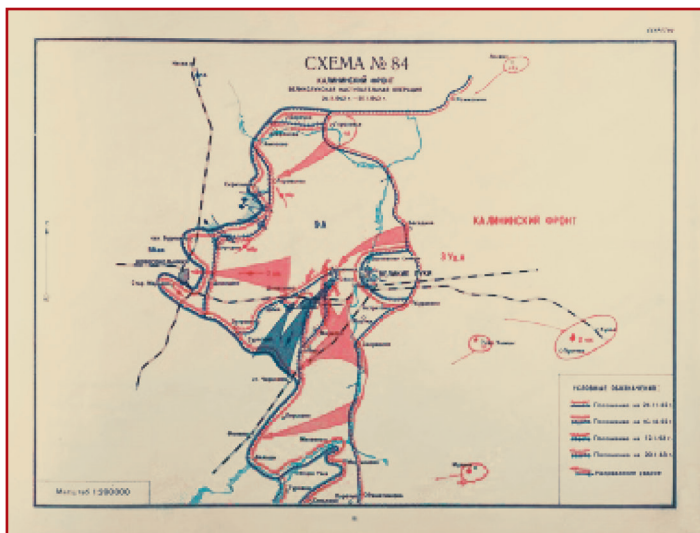

Схема великолукской наступательной операции 1942-1943 гг. (ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)

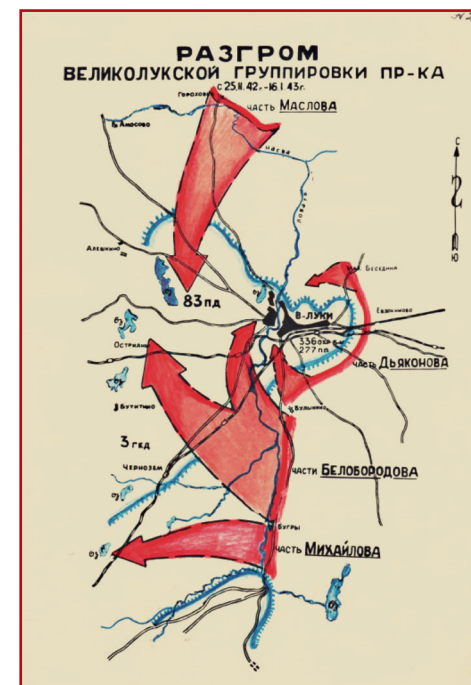
узел обороны города. Вторым, не менее прочным узлом обороны являлось железнодорожное депо с прилегающими к нему кирпичными зданиями.

Все городские каменные постройки были приспособлены к упорной борьбе, во все стороны обстрела пробиты амбразуры в несколько ярусов. Узлы обороны и опорные пункты соединялись ходами сообщения. Вдоль

переднего края и в глубине обороны были заложены разнообразные мины, растяжки гранат, построены проволочные и противотанковые заграждения [6, с. 66].

У советского командования существовал план по разгрому немецко-фашистских захватчиков на территории города Великие Луки. Главный удар должен был нанести 5-й гвардейский стрелковый корпус генерала А.П. Белобородова южнее города Великие Луки в общем направлении Бабино, станция Остиань. В прорыв предполагалось ввести 2-ю мотопехотную дивизию, которая должна была наступать на Новосокольники. Правофланговая в боевом построении 357-я дивизия, усиленная 27 танками, после прорыва обороны противника должна была повернуть на север и ударом на Шарипино, разъезд Воробецкая выйти в тыл Великолукской группировки противника с юга и юго-запада. Вспомогательный удар с севера из района Веретье 3-е на Китово и далее в тыл Великолукской группировки с северо-запада должна была нанести 381-я стрелковая дивизия. Соединившись западнее города Великие Луки, 357-я и 381-я стрелковые дивизии должны были замкнуть с запада кольцо окружения Великолукской группировки противника, после чего, наступая в тыл противнику на восток, во взаимодействии с другими соединениями, завершить разгром врага и освободить старый русский город Великие Луки.

Вспомогательные удары частью сил 3-й ударной армии наносились с северо-востока на Новосокольники и южнее Великих Луких – в на-

Карта разгрома Великолукской группировки. (ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)

правлении станций Чернозем, Фенина. С юга, востока и севера вспомогательные удары по Великолукской группировке противника наносили части 257-й стрелковой дивизии и Эстонского стрелкового корпуса [1, с. 15].

Таким образом, оперативный замысел этой интересной и сложной операции сводился к двойному охвату и окружению Великолукской группировки противника с одновременным развитием наступления на Новоскокольники.

Для проведения Великолукской операции были задействованы 13 стрелковых дивизий, 3 механизированные, 3 танковые бригады, несколько танковых и артиллерийских частей армейского подчинения, а также 8-я гвардейская, 33-я и 117-я стрелковые дивизии 3-й ударной армии.

В 11:00 24 ноября 1942 г. авангардные полки 357-й стрелковой дивизии, 9-й гвардейской стрелковой дивизии, 46-й гвардейской стрелковой дивизии, 21-й стрелковой дивизии перешли в решительное наступление. Передний край обороны противника полностью вскрыт не был, тем самым, авангарды полностью не выполнили свои задачи.

25 ноября 1942 г. северная и южная группы советских войск главными силами перешли в наступление в общем направлении на Новоскокольники. Особенно упорный бой разгорелся за Ступинскую высоту. После практически полуторачасовой артиллерийской подготовки советская пехота перешла в атаку. Противник оказывал упорное сопротивление, но уже к сере-

Бои за город Великие Луки 1942-1943 гг. (ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)

дине дня красноармейцы ворвались с юга в немецкие окопы и завязали штыковой бой в траншеях. В 19:40 Ступинская высота была взята.

В итоге наступательных боёв в период 24-28 ноября 1942 г. советские войска, преодолевая упорное сопротивление противника, в особенности на направлении главного удара, своими решительными действиями прорвали его оборону. Вся сеть железных дорог по таким направлениям как Великие Луки – Новоскокольники, Великие Луки – Невель была перерезана. Однако советские войска, окружавшие Великие Луки, понесли значительные потери во время ведения боев и, кроме того, сильно растянулись по фронту. Для штурма города этих сил не хватало, требовалось провести соответствующую перегруппировку. Штурм города был назначен на 12 декабря, но из-за неблагоприятных метеорологических условий был перенесён на следующий день [3, с. 55].

13 декабря разгорелся сильный бой. Штурмовые отряды, действовавшие вместе с танками Т-34 и КВ, преодолевали огневое сопротивление и упорство противника, выбивали его почти из каждого дома огнём артиллерии прямой наводкой. В некоторых городских кварталах и отдельных зданиях бой доходил до рукопашной схватки [6, с. 55].

Обстановка на утро 31 декабря 1942 г. выглядела таким образом. Противник стремился удержать за собой центр восточной части города, при поддержке артиллерийско-миномётного огня из крепости и из района железнодорожной станции старался задержать наступление красноармейцев. Особенно упорно держались немцы в больших каменных зданиях. Райисполком, Госбанк и Дом Советов были превращены в мощные узлы обороны. Эти здания с толстыми кирпичными стенами казались неприступными. Брёвнами и кирпичами немцы забаррикадировали входы в здания, за которыми установили огневые точки. Окна были заложены кирпичами, в которых были пробиты бойницы.

На 1 января 1943 г. основная часть города была полностью очищена от немецких захватчиков. Развернулись бои на подступах к железнодорожной станции. Район вокзала обороняли около двух рот вражеских автоматчиков, которые засели в дзотах, блиндажах, паровозах, товарных вагонах, чердаках домов, а само здание вокзала было приспособлено к круговой обороне. В оконных проемах были устроены амбразуры с поставленными в них

**Великие Луки.
Дом Советов
на пл. Ленина.
Январь 1943 г.
(ФГБУК «Псковский
государственный
объединенный
историко-
архитектурный
и художественный
музей-заповедник»)**

**Великие Луки.
Бои на ул. Карла
Либкнехта.
Январь 1943 г.
(ФГБУК «Псковский
государственный
объединенный
историко-
архитектурный
и художественный
музей-заповедник»)**

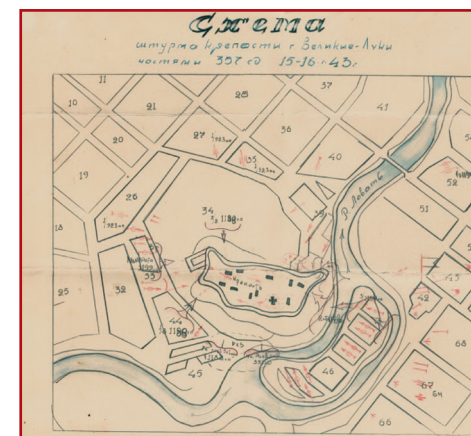
ручными и станковыми пулемётами. Враг серьёзно сопротивлялся, но советские войска всё же овладели станцией [6, с. 31].

Характеризуя оборону района Великих Лук, военный обозреватель американского агентства «Ассошиэйтед пресс» в начале января 1943 г. писал: «Немцы превратили Великие Луки в одну из своих основных крепостей, которая была укреплена с применением всех ресурсов и упорно защищалась» [1, с. 17].

Одновременно с боями по уничтожению противника в районе железнодорожной станции города шли бои по ликвидации противника, окруженного в крепости. Окончательный штурм крепости был намечен на 15 января 1943 г. Всем воинам, нацеленным штурмовать крепость с востока, от реки Ловать выдали специально изготовленные металлические «когти» для обуви (на местном диалекте их называли «базуки»)» [9, с. 3]. Из огневых точек крепостного вала противник открыл сильный огонь по боевым порядкам наступающих подразделений. Однако в 7 часов утра 16 января крепость была полностью очищена от противника. Город Великие Луки был освобожден.

Об итогах этой трудной, кровопролитной операции известно довольно много. Документы из личного дневника А.Л. Кроника были переданы в фонды Великолукского краеведческого музея после Великой Отечественной войны, в 1950-1960-е гг. Генерал-майор А.Л. Кроник фиксировал информацию о количестве погибших, о поврежденной технике (трофеях) в результате страшных боев. В частности, он отмечал: «За весь период боев под Великими Луками частями 357 сд было уничтожено свыше 4000 гитлеровцев и взято в плен 407 солдат и офицеров. В числе богатых трофеев, захваченных за этот период (не считая уничтоженных нашим огнем) было: 9 танков, 6 бронемашин, 6 тягачей, 44 полевых и 16 зенитных орудий, 77 пулеметов, 738 винтовок, 26 минометов, 70 автомашин, 5 паровозов, 40 вагонов, 119 лошадей, 164 мотоциклов и велосипедов и много другого ценного вооружения, снаряжения и боеприпасов» [6, с. 48; 7, с. 30].

Александр Львович отмечал в своем дневнике: «За 57 дней наступательных боев части дивизии понесли большие потери в личном составе:

**Схема штурма крепости г. Великие Луки частями 357 стрелковой дивизии 15-16 января 1943 года.
(ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)**

**Бойцы 357-ой
стрелковой дивизии.
(ФГБУК «Псковский
государственный
объединенный
историко-
архитектурный
и художественный
музей-заповедник»)**

20% солдат и офицеров сложили свои головы в борьбе за освобождение родной земли от немецко-фашистских захватчиков. За отвагу и героизм, проявленные в этих боях, 1213 воинов дивизии было награждено орденами и медалями, а 1188 и 1190 стрелковые полки были представлены к награждению орденами Красного знамени» [6, с. 48-49].

В Великолукской наступательной операции, которая развернулась на внешнем фронте протяженностью свыше 60 км, и на внутреннем кольце окружения протяжением около 15 км, советские войска проявили высокий героизм, отвагу и воинское искусство. Подчеркивая исключительную сложность и трудности борьбы с гитлеровцами в этой операции, в приказе войскам Калининского фронта от 1 мая 1943 года за № 10, указывалось: «...В той борьбе многие наши дивизии, такие как генерал-майора Кроника, генерал-майора Бусарова и ряд других, покрыли свои знамена неувядаемой славой, а дивизия генерал-майора Дьяконова получила высокое звание от правительства – гвардейской» [1, с. 30].

«В ходе Великолукской наступательной операции наши войска сковали крупные силы противника, лишив возможности немецкое командование перебросить их на другие участки фронта, в особенности под Сталинград. Победа войск Калининского фронта в районе Великие Луки была высоко отмечена Верховным Главнокомандованием и в приказе от 25 января 1943

года им была объявлена благодарность. Нескольким командирам соединений, в том числе командирам 381 сд, 257 сд и 357 сд, полковникам Маслову, Дьяконову и автору настоящих строк было присвоено высокое звание «генерал-майор», а командующему войсками 3-й Ударной армии генерал-майору Галицкому – звание генерал-лейтенанта. Все они были награждены орденами», - пишет сам А.Л. Кроник в своем дневнике [1, с. 35].

Одним из итогов Великолукской наступательной операции является обогащение опыта ведения боя при прорыве укрепленной оборонительной полосы. «Заслуживает глубокого анализа изучения и обобщения опыт уличных боев, которого раньше у нас не было. Успех решался смелыми и искусными действиями штурмовых отрядов и групп, силою от батальона до взвода, усиленных артиллерией, танками, пулеметами и саперами», - отмечал А.Л. Кроник [1, с. 37]. Основным оружием бойца-пехотинца в уличном бою были гранаты и пистолеты-пулеметы, штыки и приклады.

В боях за освобождение города впервые были применены ампулометры в широком масштабе. Для более эффективного использования в боевых порядках пехоты, их устанавливали на лыжи. В процессе блокады и штурма крепости советскими ампулометчиками было израсходовано свыше 2500 ампул.

С исключительным напряжением работала советская медицинская служба. Поскольку 357-я дивизия действовала при прорыве на главном на-

**Палата
тяжелораненых
нетранспортабельных
357-ой стрелковой
дивизии. (ФГБУК
«Псковский
государственный
объединенный
историко-
архитектурный
и художественный
музей-заповедник»)**

правлении, ее полковые медсанроты и дивизионный медсанбат были по приказу командования подтянуты ближе к боевым порядкам. «Сутками, без отдыха самоотверженно работали наши врачи и сестры, обрабатывая большое количество раненых, направляя их по дальнейшей оси эвакуации. Все ориентировочные нормы были намного перекрыты. Передовая группа медсанбата, меняя свое месторасположение, не отставала ни на шаг от боевых порядков пехоты», - свидетельствовал А.Л. Кроник [1, с. 57].

А.Л. Кроник пишет, что успешному выполнению боевых задач частями дивизии в значительной степени способствовала налаженная система управления: «К сожалению, радио у нас тогда еще не было, потому вся тяжесть ложилась на проволочную связь и офицеров связистов» [6, с. 66].

Солдаты также подводили итоги тех боев. «После завершения боев в конце января 1943 г., пользуясь коротким перерывом и отдыхом, весь командный состав до командира роты и батареи был собран в одном из больших сохранившихся в городе подвалов. Здесь провели тщательный и всесторонний разбор всех боев, сделав выводы на будущее», - рассказывает генерал-майор Кроник у себя в записях. После этого состоялось вручение наград и общий товарищеский ужин, а через несколько дней аналогичное мероприятие было проведено между командирами полков у себя. Это еще сильнее сплотило личный состав и воодушевило всех воинов на новые подвиги во имя Родины [6, с. 36].

Таким образом, Великолукская наступательная операция проходила очень сложно, кровопролитно, мучительно, однако в конце концов завершилась победой Красной Армии. Несмотря на довольно большие потери и затянувшиеся сроки, в целом можно утверждать, что операция прошла успешно. Особенно отличились воины 357-й стрелковой дивизии, которые в ходе операции показали высокое воинское мастерство, мужество, отвагу и сыграли решающую роль в освобождении Великих Лук.

Список источников и литературы

1. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив музея. А. Кроник «Материалы о 357 стрелковой дивизии» Ф.3.
2. Великолукская наступательная операция // Краеведческий музей города Великие Луки [сайт].

URL: <https://muzeumvl.ru/products/velikolukskaya-nastupatel'naya-operatsiya>
(дата обращения: 19.11.2025.)

3. Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. 1941-1944: Записки командующего армией. М.: Наука, 1973. 600 с.
4. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив музея. А. Кроник «Как это было» (Воспоминания бывшего командира 357 ордена Кутузова II-й степени в боях за Великие Луки). Ф.3
5. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив музея. А. Кроник. «Воспитывать подрастающее поколение на славных боевых традициях». Ф.3.
6. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив музея. А. Кроник «В боях за Великие Луки» (Воспоминания бывшего командира 357 од, действовавшего на главном направлении - генерал-майор запаса, кандидат исторических наук КРОНИК А.Л.). Ф.3.
7. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив музея. А. Кроник «В боях за Великие Луки. Обстановка к началу Великолукской операции. Подготовка к операции в частях 357 сд.» (Воспоминания бывшего командира 357 од, действовавшего на главном направлении - генерал-майор запаса, кандидат исторических наук КРОНИК А.Л.). Ф.3.
8. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив музея. А. Кроник «Заметки о боевом пути 357, ордена Суворова второй степени стрелковой дивизии. (Часть первая, с 5.XI.1941 по 7.X.1943 г.)» Ф.3.
9. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив музея. А. Кроник «Штурм». Документальный военно-исторический очерк). Ф.3

Инюшев Константин Сергеевич

Опыт применения специальных штурмовых подразделений в ходе Ворошиловградской и Ростовской наступательных операций зимой 1943 г.

Аннотация. Предметом исследования стал опыт организации специальных штурмовых подразделений Красной армии в контексте боевых операций на Южном направлении зимой 1942-1943 гг. Анализ хода Ворошиловградской и Ростовской наступательных операций зимой 1943 г. показал, что применение штурмовых отрядов не носило системного характера. Внештатное формирование штурмовых групп происходило по инициативе штабов отдельных армий, в частности, в полосе наступления 3-й гвардейской, 5-й ударной и 5-й танковой армии. В условиях развития маневренных боевых действий в степной местности необходимость формирования данных подразделений отсутствовала. Однако по мере стабилизации фронта на укрепленных противником рубежах Маныча и Северского Донца в середине января 1943 г. руководство частей Красной армии переходило к форсированной подготовке штурмовых групп. В связи с чем их структура и состав зависели от конкретных задач на местах, а порядок применения предполагал захват ключевых узлов в оборонительной системе противника для обеспечения введения в оперативную глубину механизированных соединений.

Ключевые слова: советская военная мысль, Великая Отечественная война, Красная армия, Бои на Южном направлении, коренной перелом, Ростовская и Ворошиловградская наступательные операции, наступательная доктрина РККА, внештатные формирования в Красной армии, штурмовые подразделения, ведение боевых действий в городском пространстве.

Experience of using special assault units during the Voroshilovgrad and Rostov offensive operations in the winter of 1943

Abstract. The study focused on the Red Army's experience organizing special assault units in the context of combat operations in the southern sector during the winter of 1942-1943. An analysis of the Voroshilovgrad and Rostov offensives in the winter of 1943 demonstrated that the use of assault units was not systematic. The ad hoc formation of assault groups occurred at the initiative of individual army headquarters, particularly in the offensive zones of the 3rd Guards, 5th Shock, and 5th Tank Armies. As maneuverable combat operations developed in the steppe, there was no need to form a data reserve. However, as the front shifted along the enemy-fortified Manych and Seversky Donets lines in mid-January 1943, the Red Army unit's leadership began to accelerate the training of assault groups. Due to the fact that their structure and composition depended on specific tasks on the ground, the procedure for capturing key nodes in the defensive system meant ensuring the introduction of mechanized units into the operational group.

Key words: Soviet military thought, Great Patriotic War, the Red Army, Battles in the Southern Direction, the fundamental turning point, Rostov and Voroshilovgrad offensive operations, the offensive doctrine of the Red Army, freelance formations, assault units, conducting military operations in urban space.

Возникновение специальных штурмовых подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии в годы Великой Отечественной войны по сей день остается одной из недостаточно разработанных проблем военной историографии. Большинство комплексных исследований, обращенных к их организации и к формам тактического применения, преимущественно сфокусированы на изучении штурмовых инженерно-саперных бригад, выделившихся в качестве самостоятельной структуры с мая 1943 г. [10, с. 12]. При этом предшествующий опыт формирования

специальных штурмовых групп в ходе наступательных операций Красной Армии отражен фрагментарно, в основном в монографии Н.И. Никифорова [13]. Автор исследования резюмирует, что до лета 1943 г. организация данных подразделений не носила регулярного характера. Применялись они с начала 1942 г. ситуативно, главным образом в условиях развития наступательных действий в укрепленной полосе обороны противника, которыми отличались, по мнению исследователя, Московская наступательная операция, прорыв Волховского фронта в январе 1943 г., а также Сталинградская битва.

В данном отношении опыт боевых действий на Ворошиловградском и Ростовском направлениях в январе-феврале 1943 г. обладал принципиальными отличиями. Продвижение частей Красной Армии разворачивалось в открытых степных районах, где отсутствие устойчивой линии фронта диктовало в наступательной доктрине РККА необходимость акцента на маневренных действиях и приоритет широкого применения механизированных соединений. Однако по мере развития рассматриваемых событий местным военным руководством неоднократно констатировалась необходимость формирования и применения штурмовых групп.

Объект исследования – специальные штурмовые подразделения РККА в период Великой Отечественной войны в контексте их формирования и выработки наиболее эффективных форм тактического применения в ходе наступательных операций на Южном направлении зимой 1942-1943 г.

Предмет исследования – опыт применения, локальные организационные и тактические особенности использования штурмовых подразделений Красной Армии в ходе Ворошиловградской и Ростовской наступательных операций на Южном направлении в январе-феврале 1943 г.

Целью данной обзорной работы является выяснение характера боевой обстановки, требующей создания специальных штурмовых подразделений РККА в процессе наступательных операций на южном направлении зимой 1943 г., а также локальных особенностей их тактического применения. Для реализации цели исследования предстояло проанализировать динамику боевых действий Красной Армии на южном направлении в январе-феврале 1943 г., выявив те условия, которые изначально не предполагали широкого применения штурмовых подразделений, а также определить причины

их дальнейшего форсированного создания. Кроме того, в целях решения задач исследования предстояло изучить структурную организацию, состав и порядок применения штурмовых подразделений в полосе наступления 3-й гвардейской, 5-й ударной и 5-й танковой армии.

В процессе исследовательской работы автор руководствовался принципами историзма и системного подхода, что позволило рассмотреть развитие практики применения штурмовых подразделений Красной Армии в динамике, в зависимости от конкретных стратегических процессов на южном направлении зимой 1943 г. Кроме того, отдельное внимание в ходе подготовки исследования было уделено сравнительно-историческому методу, с помощью которого удалось выявить особенности применения штурмовых подразделений при разных военно-тактических обстоятельствах: при прорыве укрепленной полосы вражеской обороны вдоль естественных преград, в городских или долговременных позиционных боях.

Источниковую базу исследования представили рассредоточенные по множеству архивных фондов отдельные документы частей Южного и Юго-Западного фронтов за период наступательных действий с конца декабря 1942 г. по март 1943 г., содержащиеся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ). Источниковедческий интерес составили, в первую очередь, документы учредительного характера: специализированные распоряжения и приказы руководства фронтов и отдельных армий. Их анализ позволил определить ключевые организационные принципы, в соответствии с которыми происходило комплектование личного состава и формулировались образы тактического применения штурмовых отрядов. Тем временем, для восстановления хода боевых операций и конкретизации результатов боевого применения штурмовых групп в рамках исследования была привлечена отчетная документация штабов Южного и Юго-Западного фронтов за рассматриваемый период, среди которых ключевое значение приобрели журналы боевых действий и прилагаемые к ним материалы.

Динамика наступательных действий Красной Армии на южном направлении в январе-феврале 1943 г. была продиктована развитием успехов Котельниковской наступательной операции и операции «Малый Сатурн». Возникшая в результате разгрома сил вермахта и его союзников оператив-

ная обстановка в большой излучине Дона предоставила для соединений Южного и Юго-Западного фронтов возможность стремительного продвижения к Ворошиловграду (в настоящее время – Луганск) и к Ростову-на-Дону с перспективой окружения южной группировки противника [1, Л. 25-27]. Вследствие сложившихся стратегических условий доминирующей формой боевых действий на этом направлении стали масштабные маневренные операции с широким применением механизированных соединений для преследования и окружения отступающих вражеских частей.

Как отмечается в отчетной документации штаба 1-й гвардейской армии, окружение противника производилось быстрыми и решительными действиями в условиях боев с «перевернутым» фронтом. Последовательное сковывание его сил «путем активной обороны на отдельных направлениях при мощных ударах на других» не давало возможности ему создать устойчивую оборону, что способствовало полному «окружению и истреблению» неприятеля [2, Л. 21]. Таким образом, поддержание высоких темпов продвижения приобретало решающее значение, а долговременная борьба за вражеские оборонительные узлы являлась нецелесообразной, в связи с чем применение штурмовых подразделений до второй половины января 1943 г. фактически не отмечалось [1, Л. 38]. На начальных этапах рассматриваемых операций более целесообразным являлось внештатное формирование на базе стрелковых дивизий специальных мобильных отрядов, снабженных легкой артиллерией, для преследования и перехвата отступающих подразделений противника [3, Л. 6]. Данные подразделения, как и штурмовые группы, являлись следствием тактической импровизации командиров РККА. Их комплектование осуществлялось эпизодически в целях проведения рейдов на тыловую инфраструктуру противника, дестабилизации его управления, линий коммуникации и, в целом, недопущения отступления на заранее оборудованные позиции на Северском Донце [2, Л. 34].

Однако к середине января 1943 г. наступление Красной Армии приостановилось на линии предварительно укрепленных противником рубежей Маныча и Северского Донца. В короткие сроки перегруппировавшимся соединениям групп армий «Дон» удалось, опираясь на данные естественные преграды, создать устойчивую оборону, а также оборудовать в мощные узлы сопротивления местные логистические центры (Миллерово, Каменск,

Чертково) [1, Л. 65]. Существенное влияние на смену характера боевых действий на данном направлении оказала также и оборонительная стратегия врага, которая базировалась на создании сети опорных узлов, организованных преимущественно в населенных пунктах Донского региона. Последние образовывали замкнутую систему огневого взаимодействия, ограничившую по итогу возможности маневра для механизированных соединений Красной Армии [4, Л. 39-40об.].

В совокупности данные обстоятельства вызвали необходимость временной корректировки наступательной доктрины РККА на этом направлении и включения в нее штурмовых действий наряду с маневренными. Согласно директивным замыслам, наступление сил Юго-Западного фронта с целью форсирования Северского Донца должно было осуществляться эшелонировано, начинаясь с закрепления пехотных частей на ключевых плацдармах вдоль укрепленного берега реки, заканчиваясь выходом на оперативный простор механизированных соединений. Ключевое значение в процессе прорыва вражеской обороны отводилось уже стрелковым подразделениям, а за механизированными корпусами закреплялась задача развития тактического успеха [1, Л. 46-48]. Именно в процессе предварительной подготовки к штурму укрепрайонов противника вдоль рек Чир и Северский Донец возникла необходимость комплектования на базе стрелковых батальонов специальных штурмовых подразделений.

Активное применение штурмовых групп в период январских боевых действий на территории Верхнего и Нижнего Дона зафиксировано на Юго-Западном фронте в 3-й гвардейской армии, а в полосе наступления Южного фронта – в 5-й ударной армии. Опыт боевых действий на Северском Донце в 3-й декаде января 1943 г. продемонстрировал эффективное применение штурмовых групп для решения локальных тактических задач. В первую очередь данные подразделения численностью от 30 бойцов использовались для уничтожения отдельных огневых точек в полосе обороны противника, а также для занятия ее ключевых узлов в целях обеспечения безопасного продвижения механизированных соединений [5, Л. 78об.]. Состав штурмовых групп на примере показательной в данном отношении 40-й гвардейской стрелковой дивизии включал группу саперов, а также, по крайней мере, по одному минометному и орудийному расчету

в целях обеспечения огневого усиления их действий. Однако, как отмечается в одном из отчетных документов 5-й ударной армии, их комплектация и структура зависели от конкретных боевых задач на отдельно взятом участке фронта, тем самым отражая характер тактической импровизации командиров Красной Армии и адаптации к вызовам местной боевой обстановки [5, Л. 79].

Сам порядок применения штурмовых отрядов подлежал предварительному планированию, предполагая выделение отдельных этапов в подготовке и в проведении штурма укрепленных позиций противника. Особое внимание уделялось разведке вражеской системы обороны – выявлению в ней ключевых огневых узлов. Только на основании полученных разведывательных сведений состав подразделений привлекался к обязательной отработке штурма и к выделению приоритетных позиций в процессе захвата опорных пунктов, так как занятие полосы обороны противника предписывалось осуществлять последовательно, начиная с тех огневых точек, захват которых обеспечивал возможности последующего расширения достигнутого тактического успеха [6, Л. 75]. Таким образом, действия штурмовых групп планировались в соответствии с заранее проработанной схемой в условиях точно изученной местности.

Тем временем, в ходе непосредственного штурма отряды делились на отдельные подгруппы, ориентированные на захват огневых точек, обеспечение продвижения своих войск и оказание им поддержки. Одновременно с этим, внимание уделялось взаимодействию штурмовых отрядов с артиллерией, а также сопровождению их действий другими средствами усиления. Наступление их сил происходило в ходе артиллерийского налета и продвижение бойцов обеспечивалось поддержкой техники и других доступных огневых средств. После занятия позиций противника, последние немедленно преобразовывались в оборонительные и удерживались бойцами штурмовых подразделений до момента подхода основных стрелковых и механизированных частей [5, Л. 79].

В феврале 1943 г. войсками Южного и Юго-Западного фронтов было сломлено вражеское сопротивление вдоль линии Маныч – Северский Донец. В кратчайшие сроки подвижные соединения фронтов вышли на оперативный простор с перспективой продвижения к ключевым логистиче-

ским центрам Донбасса [7, Л. 15]. Однако к началу второй декады февраля стремительное наступление РККА снова было приостановлено на ряде участков фронта. На Южном фронте советские войска остановились вдоль укрепленной полосы немецкой обороны у реки Миус. Войска Юго-Западного фронта были втянуты в тяжелые сражения за многочисленные населенные пункты промышленного региона, развитая инфраструктура которого в полной мере использовалась противником в оборонительных целях. Действия танковых корпусов широким охватом вновь стали ограниченными, и уже на фронтовом уровне возник запрос на создание штурмовых отрядов, в большей степени ориентированных на ведение городских боев.

Как резюмируется в боевом приказе штаба Юго-Западного фронта, опыт боевых действий за Артемовск, Славянск и Краматорск продемонстрировал совершенно неумелое ввязывание командиров РККА в бои за населенные пункты, выраженное игнорированием предварительной подготовки к штурмовым действиям, а также недопустимым использованием техники в условиях городского боя [7, Л. 100]. В связи с этим уже на директивном уровне с 2 февраля 1943 г. командованием Юго-Западного фронта предписывалось создание специальных штурмовых отрядов численностью в 50–100 человек для захвата «выгодных» узлов в оборонительной системе противника преимущественно в ночное время суток [7, Л. 68].

Вместе с тем практика применения данных подразделений в февральских боях на Юго-Западном фронте распространилась и в полосе наступления 5-й танковой армии, однако наиболее показательный опыт использования штурмовых групп был продемонстрирован 3-й гвардейской армией в боях за Ворошиловград [7, Л. 182]. Их подробное описание представлено в отдельном отчете 59-й гвардейской стрелковой дивизии [8]. Штурм города, начавшийся 10 февраля 1943 г., сопровождался активным применением специальных ударных подразделений, подготовленных предварительно в каждом стрелковом полке в составе дивизии [8, Л. 58]. Противник в преддверии наступления РККА создал в городской черте замкнутую систему обороны, состоящую из сети дзотов и других долговременных укреплений, активно привлекая в этих целях местную инфраструктуру [8, Л. 60]. В данных условиях, как резюмируется в документе, в боях особенно проявили

себя штурмовые группы, действовавшие на острие наступления стрелковых подразделений, руководствуясь в полной мере опытом Сталинградской битвы [8, Л. 62].

В случае Ростовской наступательной операции штурмовые отряды фигурировали лишь на участке продвижения 5-й ударной армии во время наступательных действий на линии укрепленного противником рубежа реки Миус. На данном направлении в течение февраля–марта 1943 г. штурмовые подразделения организовывали регулярные огневые налеты в полосе обороны противника, осуществляли разведку боем, а также планомерно уничтожали и подавляли его огневые точки в целях содействия продвижению стрелковых подразделений [9, Л. 7–8].

Подводя итоги анализа опыта боевого применения штурмовых подразделений в ходе наступательных операций Красной Армии на южном направлении зимой 1943 г., необходимо признать его ограниченность. Организация данных формирований носила не системный, а локальный и эпизодический характер, в частности, на участках наступления 3-й гвардейской, 5-й танковой и 5-й ударной армий. Как было выяснено, отсутствие необходимости повсеместного использования специальных штурмовых отрядов было обоснованно доминирующим характером боевых действий на южном направлении в начальный период рассматриваемых операций. Однако по мере исчерпания потенциала маневренных фаз наступления перед руководством фронтов возникала задача корректировки наступательной стратегии и внесения в нее планов организации штурмовых действий. В связи с этим штурмовые группы создавались непосредственно в ходе событий и преимущественно по инициативе штабов отдельных армий, а их структура и состав зависели от развития обстановки на местах. В совокупности эти обстоятельства демонстрируют отсутствие заранее закрепленных принципов и образцов применения штурмовых групп, между тем, отражая процесс выработки командирами Красной Армии адаптивных решений для локальных тактических задач. Таким образом, местная специфика боевых действий формировала индивидуальный опыт применения штурмовых подразделений, внесший вклад в создание практического фундамента для последующего централизованного введения в РККА штатных штурмовых инженерно-саперных бригад в мае 1943 г.

Список источников и литературы

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 232. Оп. 590. Д. 288
2. ЦАМО, Ф. 456. Оп. 6850. Д. 74
3. ЦАМО, Ф. 312. Оп. 4245. Д. 54
4. ЦАМО, Ф. 303. Оп. 4005. Д. 71
5. ЦАМО. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 11
6. ЦАМО. Ф. 883. Оп. 1, Д. 3
7. ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294
8. ЦАМО, Ф. 1180. Оп. 1. Д. 7
9. ЦАМО. Ф. 333, Оп. 4885, Д. 113
10. *Малиновский Г.В.* Бригады инженерных войск Красной Армии 1941–1945 гг. М.: Издательство «Патриот», 2005. 296 с.
11. *Никифоров Н.И.* Штурмовые бригады Красной Армии в бою. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 416 с.
12. *Цирлин А.Д.* Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М.: Воениздат, 1970. 358 с.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда на 2024-2025 г. (Проект № 24-28-01642, «РККА и Население Нижнего Дона и Донбасса в оборонительных и наступательных операциях 1942-1943 гг.»).

<https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

Галенко Валерий Игоревич

Деятельность «СМЕРША» в установлении фактов преступлений немецко-фашистских захватчиков на территории УССР

Аннотация. В данной статье, посвящённой деятельности Главного Управления Контрразведки «СМЕРШ», автор предпринимает попытку проанализировать особенности функционирования «СМЕРШа» на территории Украинской Советской Социалистической Республики. В частности, в ходе выявления и установления военных преступлений немецко-фашистских захватчиков, националистических батальонов и коллаборантов. Проблематика «Геноцида Советского народа в годы II Мировой войны» с каждым годом приобретает всё большую актуальность. Связано в это в первую очередь, с весьма активной публикацией архивных документов и материалов, связанных с деятельностью Чрезвычайной Государственной Комиссии, ГУКР «СМЕРШ», Народного Комиссариата Внутренних дел. Статья основана на целом ряде архивных документов, ранее не использовавшихся в исследованиях.

Ключевые слова: ГУКР «СМЕРШ», геноцид, Великая Отечественная война, Украинская ССР, оккупация, фашизм, коллаборационизм, военные преступления.

«SMERSH's activities in establishing the facts of crimes committed by the German fascist invaders on the territory of the Ukrainian Soviet Socialist Republic»

Abstract. In this article, which focuses on the activities of the Main Directorate of Counterintelligence "SMERSH," the author attempts to analyze the specific features of "SMERSH's" functioning in the Ukrainian Soviet Socialist Republic. In particular, the article explores the identification and

investigation of war crimes committed by the German fascist invaders, nationalist battalions, and collaborators. The issue of the "Genocide of the Soviet People during World War II" has become increasingly relevant in recent years. This is primarily due to the very active publication of archival documents and materials related to the activities of the Extraordinary State Commission, the SMERSH State Committee, and the People's Commissariat of Internal Affairs. The article is based on a number of archival documents that were not previously used in research.

Keywords: SMERSH, genocide, the Great Patriotic War, the Ukrainian SSR, occupation, fascism, collaboration, war crimes.

В ходе Великой Отечественной войны немецкие войска к середине 1942 г. заняли всю территорию Украинской ССР. На оккупированной территории был установлен жестокий оккупационный режим. Управление поддерживалось террористическими методами, о чем стало известно уже сразу же после освобождения территории Украины Красной Армией.

Актуальность данной проблематики возрастает с каждым годом всё больше. основополагающим фактором, спровоцировавшим популяризацию темы геноцида советского народа во Второй мировой войне, стало начало Специальной военной операции. По мере публикации новых архивных документов Федеральной Службой Безопасности, Службой Внешней разведки, Государственным архивом Российской Федерации, Центральным архивом Министерства обороны и другими государственными службами и архивами общество узнаёт об ужасных злодеяниях нацистских военных преступников на территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны.

Необходимо также отметить, что за прошедшие 80 лет после окончания Великой Отечественной войны, в отечественной историографии не был проведён полноценный анализ функционирования государственных органов СССР по установлению и уголовному преследованию военных преступников. К таковым органам относятся Чрезвычайная Государственная комиссия, НКВД и Главное управление контрразведки ГУКР «СМЕРШ».

Целью данного исследования являлось определение результатов деятельности Главного контрразведывательного управления «СМЕРШ» по уста-

новлению фактов военных преступлений нацистских военных преступников на территории Украинской Советской Социалистической Республики.

Задачи перед исследователем стояли следующие: рассмотреть структурные и кадровые особенности ГУКР «СМЕРШ», а также определить области деятельности контрразведывательного управления; проанализировать масштаб и характер националистических и коллаборационистских движений на территории УССР, выявить те военные преступления против мирного населения и военнопленных, которые осуществляли отдельные националистические организации.

Объектом исследования выступает Главное управление контрразведки «СМЕРШ». Предметом исследования является деятельность ГУКР «СМЕРШ» на территории Украинской Советской Социалистической республики по обнаружению фактов злодеяний нацистских захватчиков на временно оккупированной территории.

Методологической основой статьи являются два основополагающих принципа: объективности и историзма. Первый принцип требует от исследователя целостного и непредвзятого отражения предмета исследования, второй предполагает фиксацию его основных закономерностей и противоречий в контексте общих исторических условий. В работе применены следующие методы исследования: структурный, сравнительный и системный

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Именно в этот момент украинские националисты оказались востребованы военным командованием и политическим руководством Третьего Рейха. Украина была захвачена немецкими войсками, что привело к тяжелейшим последствиям: миллионы убитых и покалеченных людей, десятки миллионов поломанных судеб. Нацисты и их пособники, включая силовые структуры Организации украинских националистов и Украинскую повстанческую армию², осуществляли все виды преступлений, впоследствии квалифицированные как геноцид. Необходимо отметить, что военные преступления на территории УССР имели свои особенности по сравнению с другими советскими социалистическими республиками [11, с. 76], среди которых стоит отметить роль наци-

² Запрещённые на территории Российской Федерации организации

оналистической идеологии в качестве оправдания массовых репрессий, и административно-полицейскую форму коллаборационизма.

Украинские националисты не просто принимали участие в боях против Красной Армии на стороне немцев, но были мотивированы политическим фактором борьбы с коммунистами и в целом с русскими и евреями. На территории западно-украинских земель уже летом 1941 г. создавались украинские националистические администрации и подразделения вспомогательной полиции [11, с. 76].

Переходя к разбору деятельности ГУКР «СМЕРШ» на территории УССР, в первую очередь важно отметить, что до сих пор концептуального исследования, посвященного деятельности этой структуры на территории Украины нет.

Следует отметить, что в начале 1941 г. руководством страны была начата масштабная реорганизация, в рамках которой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля НКВД СССР [1, с. 53] был разделен на Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности. Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 8 февраля 1941 г. особые отделы были выделены из НКВД СССР и переданы в Наркомат обороны [2] (в качестве 3-го Управления НКО СССР) и Наркомат военно-морского флота (в качестве 3-го Управления НКВМФ СССР).

Завершить реорганизацию советской системы государственной безопасности не дала начавшаяся Великая Отечественная война. В связи с началом военных действий были приняты следующие решения в отношении организации военной контрразведки. Постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) от 17 июля 1941 г. на базе 3-го Управления НКО СССР было создано Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР [3]. Отныне отделения фронтов, округов, армий, корпусов, дивизий были переименованы в особые отделы и подчинения УОО. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. [4] народные комиссариаты госбезопасности и внутренних дел вновь были объединены в одно ведомство – НКВД СССР. Постановлением ГКО от 10 января 1942 г. [5] вместо 3-го Управления НКВМФ СССР был создан отдел морской контрразведки в составе Управления особых отделов НКВД СССР. Третьи отделы и отделения флотов и флотилий были переименованы в особые отделы и подчинены УОО.

После победы советских войск под Сталинградом обстановка на Восточном фронте начала быстро меняться. В условиях продвижения советских войск на запад освобождались территории, которые долгое время находились под оккупацией. Советское руководство во главе с Верховным Главнокомандующим предвидели возможные «тыловые» эксцессы. По этой причине 19 апреля 1943 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР № 415-138сс [6] было образовано Главное управление контрразведки «СМЕРШ» Народного комиссариата обороны СССР. На органы «СМЕРШ» возлагались следующие задачи: борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии; борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии; принятие необходимых агентурно-оперативных и иных мер к созданию на фронтах условий, исключающих безнаказанность прохода агентуры противника через линию фронта; борьба с предательством и изменой Родине; борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах; проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника.

Военная контрразведка переходила в подчинение непосредственно Верховному Главнокомандующему. Начальником «СМЕРШа» и своим непосредственным заместителем, И.В. Сталин назначил достаточно молодого, но уже опытного офицера органов государственной безопасности, 35-летнего комиссара госбезопасности II ранга В.С. Абакумова, до этого руководившего Управлением особых отделов НКВД СССР. Важно отметить, что система Главного контрразведывательного управления была компактной и проявляла себя крайне эффективно. Центральный аппарат состоял из 14 оперативных отделов, секретариата, а также отделов заведующих техническим обеспечением «СМЕРШа». В общей сложности в «СМЕРШЕ» работало 646 человек.

Летне-осенняя кампания 1943 г. выдалась для РККА очень успешной. 6 ноября 1943 г. был освобожден Киев. Советское высшее партийное руководство и Государственный Комитет Обороны немедленно санкционировали работу по установлению и сбору сведений о масштабе экономического ущерба и совершенным военным преступлениям на освобожденной территории Левобережной Украины.

Одним из самых главных событий стал Харьковский судебный процесс 15-19 декабря 1943 г. Данный трибунал заложил юридические основы для дальнейших процессов над иностранными военными преступниками. ГУКР «СМЕРШ» сыграл в его подготовке одну из важнейших ролей. Докладные записки, протоколы допроса арестованных и прочие документы, свидетельствующие о подготовке первого в истории Великой Отечественной войны суда над иностранными военными преступниками, поступали в ГКО и лично Сталину именно по линии «СМЕРШа». Так, например, можно выделить «Докладную записку № 251/А начальника ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР в ГКО СССР о многочисленных фактах истребления гитлеровцами мирных советских граждан в Харькове, от 28 сентября 1943 г. [7]. В этой записке, на последней странице, Абакумов излагает мысль о том, что было бы «...целесообразным организовать гласный процесс».

Данные, полученные сотрудниками «СМЕРШ», свидетельствовали о том, что украинские националистические организации при явно благожелательном отношении к ним германского командования были созданы на Левобережной Украине (Полтавская, Харьковская, Донецкая, Луганская, Днепропетровская области) и в южных регионах УССР (Запорожская, Херсонская, Николаевская области). На указанных территориях были созданы два краевых провода ОУН: юго-восточный и средне-восточных украинских земель [11, с. 98]. В состав средне-восточных регионов входили: Каменец-Подольская, Житомирская, Винницкая, Киевская, Черниговская, Полтавская, Сумская и Харьковская области. Юго-восточный провод охватывал своим влиянием Днепропетровскую, Кировоградскую, Херсонскую, Николаевскую, Запорожскую, Одесскую, Сталинскую, Ворошиловоградскую области [11, с. 98]. Объяснение такой обширной «сети» мы можем найти в работе идеолога ОУН Дмитрия Мирона «Наши задания»: «Главной задачей украинской националистической революции является построение и освоение главных стратегических ячеек и руководящих общественно-политических сил в Наднепрянской Украине» [12, с. 55].

Естественно, по мере освобождения этих регионов от немецких оккупантов, начиналась борьба с националистическим подпольем. Советским органам госбезопасности удалось обнаружить ряд документов, доказывающих участие украинских националистических соединений в массовых ре-

прессиях против мирных жителей на оккупированной территории. В качестве примеров стоит привести «Сообщение НКВД в ГлавПУРККА о создании германским командованием на территории Украинской ССР «Украинских армий» и формирований карательных отрядов из лиц украинской национальности, военнопленных и дезертиров» от 19 января 1942 г. В сообщении приводились факты организации украинских националистических батальонов, которые привлекались немцами к карательным акциям. «СМЕРШевцем» придётся с ними бороться уже в 1943 г. в ходе проведения оперативных мероприятий на освобождаемой территории.

Летом 1943 г. члену Военного совета Западного фронта Н.А. Булганину поступил протокол допроса при сопроводительном письме начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» 16-й армии Н.В. Митрофанова, в котором участник отряда «Укркомпания» [9] – А.С. Родин предоставил сведения о структуре данного объединения. В допросе, в частности, упоминалось о том, что немцы активно привлекали формирования украинских националистов к проведению карательных акций против партизан и поддерживающих их мирных жителей.

«Сообщение начальника Управления контрразведки «СМЕРШ» Центрального фронта генерал-майора А.А. Вадиса Военному совету Центрального фронта» от 26 сентября 1943 г. [10] посвящено установлению сведений о фактах военных преступлений немецких оккупантов в Черниговской области. Например, при отступлении немецко-фашистских войск было дотла сожжено село Костобобр Семёновского района. При этом, документируя факты злодеяний оккупантов, «СМЕРШевцы» тщательно опрашивали жителей пострадавших сел и окрестных районов. Это было нужно также для установления непосредственных виновников массовых злодеяний.

Сотрудниками «СМЕРШ» было установлено, что наиболее пострадали от геноцида восточные регионы Украинской ССР: Харьковская, Сталинская, Ворошиловградская, Полтавская, Запорожская, Херсонская области. При этом военные преступления против мирного населения, в виде нанесения экономического ущерба имели повсеместный характер, не исключая и западных регионов УССР.

Список источников и литературы:

1. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-1944 гг. М., 1945. 362 с.
2. К 80 – летию создания ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10439700%40fsbMessage.html> (Дата обращения: 10.12.2025 г.)
3. Постановление Государственного комитета обороны о преобразовании органов Третьего управления в Особые отделы. 17 июля 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/66013> (Дата обращения: 15.12.2025 г.)
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня-31 августа 1941 г. М.: Русь, 2000. 718 с.
5. Постановление Государственного комитета обороны о преобразовании органов Третьего управления НКВМФ в Особые отделы. 10 января 1942 г. [Электронные ресурсы]. URL: <https://istmat.org/node/66034> (Дата обращения: 15.12.2025 г.)
6. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР № 415-138сс от 19 апреля 1943 г. создавалось Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Smersh80.htm (Дата обращения: 24.12.2025 г.)
7. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о создании главного управления контрразведки «СМЕРШ» НКО СССР и приложение к нему об организационно-штатной структуре. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Smersh80.htm (Дата обращения: 24.12.2025 г.)
8. Докладная записка № 251/А начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО СССР о многочисленных фактах истребления гитлеровцами мирных советских граждан в Харькове. 28 сентября 1943 г. Москва. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Kharkov.htm (дата обращения: 28.10.2025 г.)
9. Протокол допроса участника карательного отряда «Укркомпания» в Орловской области А.С. Родина при сопроводительном письме начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» 16-й армии Н.В. Митрофанова члену Военного совета Западного фронта Н.А. Булганину от 23 июля 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/index.php/fsb-19-07-1943-protokol-doprosa->

- [uchastnika-karatelnogo-otryada-ukrkompaniya-v-orlovskoy-oblasti-rodina](#) (Дата обращения: 12.11.2025 г.)
10. Сообщение начальника Управления контрразведки «СМЕРШ» Центрального фронта генерал-майора А.А. Вадиса Военному совету Центрального фронта о немецких военнослужащих, при отступлении поджигавших села в Черниговской области Украинской ССР 26 сентября 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/index.php/fsb-26-09-1943-soobschenie-nachalnika-upravleniya-kontrrazvedki-smersh-centralnogo-fronta-general-mayora-vadisa> (Дата обращения: 16.11.2025 г.)
 11. *Васильев С.В.* Борьба с петлюровщиной и бандеровщиной в 20-50-х годах XX века: монография. М.: Блок-принт, 2024. 260 с.
 12. Ідея і чин. Орган Проводу ОУН, 1942-1946 рр. Т. 24. Торонто; Львів: Літопис УПА, 1999. 59 с.

Карпов Александр Владимирович

Военно-политическое значение Ясско-Кишинёвской операции

Аннотация. В работе анализируются ключевые факторы, повлиявшие на результативность Ясско-Кишинёвской стратегической наступательной операции. Автором с опорой на имеющуюся историографию и источники даётся оценка боеспособности и характеру взаимодействия немецко-румынской группы армий «Южная Украина» накануне наступления советских войск, а также рассматривается роль внутривосточных процессов в Румынии, повлиявших на развитие событий. Отдельное внимание отводится изучению замысла советского командования и основным этапам его реализации. Полученные результаты исследования позволяют комплексно охарактеризовать военно-политическое значение Ясско-Кишинёвской операции в контексте развития советского военного искусства и процесса упадка фашистских режимов.

Ключевые слова: Ясско-Кишинёвская операция, группа армий «Южная Украина», 2-й Украинский фронт, 3-й Украинский фронт, Румыния, Й. Антонеску, король Михайл, наступление.

The military and political significance of the Jassy-Kishinev strategic offensive operation (August 20-29, 1944)

Abstract. The work analyzes the key factors that influenced the success of the Jassy-Kishinev strategic offensive operation. The author, relying on the available historiography and sources, assesses the combat capability and nature of the interaction of the German-Romanian Army Group «South Ukraine» on the eve of the Soviet offensive, and also examines the role of domestic political processes in Romania that influenced the course of

events. Special attention is paid to the study of the Soviet command's plan and the main stages of its implementation. The obtained research results allow us to comprehensively characterize the military and political significance of the Jassy-Kishinev operation in the context of the development of Soviet military art and the process of the decline of fascist regimes.

Keywords: Jassy-Kishinev operation, Army Group «South Ukraine», 2nd Ukrainian Front, 3rd Ukrainian Front, Romania, I. Antonescu, King Michael, offensive.

Ясско-Кишинёвская стратегическая наступательная операция считается одной из наиболее успешных в ходе Великой Отечественной войны с точки зрения достигнутых военных и политических результатов. **Проблемой исследования** является определение военно-политических итогов Ясско-Кишинёвской стратегической наступательной операции.

Целью исследования выступает выявление предпосылок, сказавшихся на результативности Ясско-Кишинёвской операции, а также анализ её последствий в военной и политической плоскости. Для этого автор ставит следующие задачи: 1) осветить боеспособность и характер взаимодействия немецко-румынской группы армий «Южная Украина» накануне наступления советских войск; 2) рассмотреть роль румынского внутривосточного фактора в ходе этой операции; 3) определить замысел советского командования и ключевые этапы его реализации; 4) охарактеризовать военное и политическое значение Ясско-Кишинёвской операции.

Исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: какие факторы обусловили уникальный характер Ясско-Кишинёвской наступательной операции и определили ее особую военно-политическую значимость?

Статья опирается на отечественную историографию, которую можно разделить на советскую и современную российскую. Советская историография представлена обобщающим военно-мемуарным историческим очерком под общей редакцией Р.Я. Малиновского [10], исследованиями А.В. Антосяка [1], В.П. Крикунова [4] и некоторых других авторов. В работах данного периода раскрывается множество аспектов, касающихся истории Ясско-Кишинёвской операции. Однако авторы находились под влиянием

марксистских идеологических убеждений, а также обязательно делали акцент на том, что Румыния в конце Второй мировой войны стала союзником СССР, а впоследствии в этом государстве утвердился социалистический строй. В связи с этим советские историки особое внимание уделяли процессу перехода Румынии на сторону Советского Союза в августе 1944 г., а также изучению обстоятельств формального и вынужденного участия Королевства Румынии в боевых действиях на стороне Третьего Рейха против СССР. Также происходило преувеличение роли руководства Коммунистической партии Румынии в планировании и проведении национального вооружённого восстания 23 августа.

Современная российская историография с учётом рассекречивания огромного массива архивных материалов по истории Великой Отечественной войны освободилась от идеологических клише. Исследование Ясско-Кишинёвской операции в этот период получило отражение в целом ряде научных работ. Этим занимались такие специалисты, как Т.П. Малютина [6] и А.С. Гришина [2], которые проанализировали не только стратегию, но и тактику ведения боевых действий противостоящих сторон. Первый исследователь, основываясь на румынских документах из трофейного фонда ЦАМО РФ, проследила взаимоотношения между немецким и румынским командованием накануне и в ходе проведения советскими войсками наступления, вторая сконцентрировалась на детальном разборе тактических действий Красной Армии при проведении седьмого «сталинского удара», а также на военных действиях родов войск – артиллерии и авиации, стрелковых частей, тыловых служб и др. Особенности военного искусства и динамике развития политических процессов, происходивших в ходе проведения Ясско-Кишинёвской операции уделили значительное внимание в своих трудах С.Я. Лавренов [5], М.С. Полянский [8], Г.М. Ипполитов [3], Б.А. Шаповалов [9]. Внутривосточную ситуацию в Королевстве Румыния периода Второй мировой войны и роль короля Михая I в организации и проведении переворота 23 августа в период данного наступления рассмотрела Т.А. Покивайлова [7].

Объектом исследования выступают исторические аспекты Ясско-Кишинёвской стратегической наступательной операции. Предметом исследования являются предпосылки наступательных действий Красной Армии на южном

фланге советско-германского фронта, планирование и проведение седьмого «сталинского удара», а также его военно-политические результаты.

Методологическая основа исследования базируется на основополагающих принципах изучения общественных процессов: историзме и объективности. Это предполагает устранение анахронизмов и рассмотрение исторических событий с учётом конкретного общественно-исторического контекста, а также стремление минимизировать субъективные суждения и тенденциозные оценки. В статье был использован комплекс общенаучных и исторических методов: системного анализа, нарративный, ретроспективный, историко-генетический, сравнительно-исторический и другие.

Третий Рейх придавал колоссальное значение удержанию на своей стороне Румынии, что обуславливалось рядом факторов. Во-первых, экономическими соображениями, т.к. Бухарест являлся главным поставщиком нефти для нацистской Германии, обеспечивая около 25 % от общего потребления ей жидкого топлива. Кроме того, значительную роль играла сельскохозяйственная продукция, поступающая в Германию из балканских государств, включая Румынию. Она существенно влияла на поддержание стабильного продовольственного положения в гитлеровском Рейхе [9, с. 144]. Во-вторых, географическое положение Румынии имело военно-стратегическое значение, поскольку она обеспечивала прикрытие важных коммуникаций вермахта на Балканах и дорог, ведущих в Центральную Европу, обеспечивая удобный плацдарм для организации долговременной обороны [4, с. 7].

На территорию Румынии советские войска (2-й Украинский фронт) вступили ещё 27 марта 1944 г. в ходе Уманско-Ботошанской наступательной операции (5 марта – 6 мая 1944 г.). Результатом наступления стало освобождение значительной части Правобережной Украины и трети территории Молдавии, овладение более чем 800 населёнными пунктами северо-восточного региона Румынии и достижение города Яссы [2, с. 9-12; 5, с. 78-80].

Одновременно с вышеназванной операцией силы 3-го Украинского фронта осуществили Одесскую наступательную операцию (26 марта - 14 апреля 1944 г.). В ходе этой кампании оккупанты были изгнаны из Николаевской и Одесской областей Украинской ССР, части территории Молдавской ССР. Следует подчеркнуть важность этой операции для последующих событий, связанных с захватом плацдармов на западном берегу Днестра – в

частности, Кицканского плацдарма. Эти стратегические позиции сыграли существенную роль для наращивания войск и завершения освобождения Молдавии, а также для переноса боевых действий на Балканы [5, с. 81].

Таким образом, подразделения 2-го Украинского фронта заняли нависающее положение над главными силами группы армий «Южная Украина», а 3-го Украинского фронта – сковали их с востока. Образовался Кишинёвский выступ. В целом это напоминало обстановку, которая сложилась в районе Сталинграда накануне операции «Уран» [4, с. 8].

Группа армий «Южная Украина» включала в себя две армейские группы и оборонялась на протяжении 580-километрового фронта, простирающегося от Карпат до Чёрного моря. Первая, под названием «Вёлер», состояла из 8-й немецкой армии, 4-й румынской армии и 17-го отдельного германского корпуса и отвечала за оборону т.н. «Фокшанских ворот». Вторая, под названием «Думитреску», включала в себя 6-ю германскую и 3-ю румынскую армии и обороняла кишинёвское направление. Общая численность группы армий насчитывала порядка 900 000 солдат и офицеров. Она имела в распоряжении свыше 800 самолётов, около 400 танков и САУ, 7600 орудий и миномётов. Командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Г. Фриснер проявлял определённое недоверие к румынским войскам, что отразилось на размещении их частей в смешении с частями вермахта. Он интегрировал германские дивизии в структуру румынских корпусов и передавал управление румынскими корпусами германским командирам. Такое перераспределение сил и системы командования, по мнению немецких генералов, должно было стать своеобразным укрепляющим каркасом для румынских соединений [6, с. 29].

При этом имелся ряд факторов, снижающих боеспособность германской группы армий. Во время установившегося затишья (с конца июня до 19 августа 1944 г.) на южном участке Восточного фронта шла переброска 12 немецких дивизий из «Южной Украины» на другие участки советско-германского фронта, что вызывало беспокойство румынского диктатора, пытавшегося оспорить решение германского командования [3, с. 148]. К тому же, Й. Антонеску был недоволен организацией командования в армейской группе «Вёлера» и потребовал её пересмотра из-за того, что румынские офицеры унижались высшим германским комсоставом, которые, по мысли

румунского лидера, действовали неэффективно в деле подготовки оборонительных позиций. Также кондукэтор возмущился немецким приказом о реквизиции вооружения у румынских частей и намерении заменить личный состав 1-й бронетанковой дивизии румын на немецкий в случае начала советского наступления.

Со стороны германского военного руководства тоже наблюдалась подозрительность по отношению к своему союзнику [6, с. 29-30]. Командующий группой армий «Южная Украина» Г. Фриснер не доверял румынским офицерам, что подчёркивал в своих мемуарах. Особенно подозрительным ему показался случай, связанный с отзывом генерала М. Раковицэ, который командовал 4-й румынской армией [1, с. 44, 59]. Он был заменён по приказу из Бухареста, минуя германское военное руководство, прямо накануне советского наступления. В дальнейшем немецкий военачальник убедился в предательской деятельности Раковицэ и его саботажных действиях [1, с. 80]. Немецкий генерал отмечал низкий боевой дух румынских солдат, потерю воли к сопротивлению и отсутствие народного энтузиазма при массовой мобилизации для защиты своей страны [1, с. 34-35]. Также в целом внутри гитлеровской коалиции царил глубокая ненависть между двумя её участниками. Речь идёт о вражде между Венгрией и Румынией. Как отмечал Г. Фриснер, он был сильно удивлён, когда столкнулся с огромным уровнем взаимной неприязни двух народов [1, с. 54].

К этому времени румынские войска понесли тяжёлые потери под Одессой (около 98 000 человек) и особенно под Сталинградом (более 150 000 солдат и офицеров), что резко изменило настроения в обществе и подорвало боевой дух румынских военнослужащих. После катастрофы под Сталинградом король Михай I стал задумываться о выходе королевства из войны, его отношения с Антонеску постепенно ухудшались [11, с. 46].

По мере усугубления экономической ситуации в Румынии росла инфляция. К августу 1944 г. цены на продукты питания и товары первой необходимости выросли в 14 раз по сравнению с 1939 г., что негативно отражалось на уровне жизни румынского населения и способствовало росту антифашистских настроений [11, с. 45].

С учётом продолжающихся поражений вермахта на Восточном фронте румынская оппозиция активизировала деятельность по организации заку-

лисных переговоров со странами антигитлеровской коалиции в Каире и Стокгольме. В ходе дипломатических контактов лидеры оппозиции, как и Михай со своим окружением, придерживались проанглийского курса и обсуждали возможность заключения сепаратного мирного договора [11, с. 56-57]. Несмотря на осознание своего катастрофического положения, румынские политические деятели боялись предпринимать слишком радикальные шаги, опасаясь повторения «венгерского сценария», когда 19 марта 1944 г. вермахт осуществил свержение венгерского премьер-министра М. Каллаи и оккупировал эту страну [11, с. 61-62].

Серьёзное влияние на общественную атмосферу в Румынии оказали англо-американские бомбардировки, которые начались 4 апреля 1944 г. ВВС союзников преследовали стратегические цели: нанести урон военно-промышленному комплексу Румынии и железнодорожным путям, причинить ущерб центрам нефтяной промышленности – Плоешти и Брашову, а также Бухаресту. С этого времени налёты становятся более интенсивными, что приводит к дезорганизации румынской экономики, сокращению военного потенциала, крупным материальным потерям и многочисленным жертвам среди мирного населения. Этот фактор воздействовал на морально-психологическое состояние граждан Румынии и способствовал смене внешнеполитической ориентации определённых слоёв общества с прозападной на просоветскую [11, с. 65-68].

Королевский двор и оппозиция в связи со стремительным наступлением советских войск скорректировали свои действия, т.к. до этого они надеялись достичь договорённостей с западными державами, чтобы их войска успели первыми занять территорию Румынии и воспрепятствовать продвижению советских сил. Именно вступление советских войск на территорию северо-восточной Румынии в марте 1944 г. способствовало тому, что оппозиционные силы перешли к прямым действиям, заключив соглашение с монархом и группами военных, недовольных политикой кондукэтора [11, с. 68-69].

Король Михай в конце февраля 1944 г. собрал команду единомышленников для разработки плана выхода из войны и заключения перемирия. Под влиянием советов президента Чехословакии Э. Бенеша и западных держав, согласованных со Сталиным, король объединился с социал-демо-

кратами и коммунистами. В период с июня по август разрабатывался план государственного переворота. Акцию приурочили к наступлению советских войск. Был сформирован военный комитет, которому поручалась организация разрыва отношений с Третьим Рейхом и выхода королевства из войны против СССР [11, с. 70-71].

15 июля 1944 г. заместитель начальника советского Генерального штаба генерал А.И. Антонов направил командованию 2-го и 3-го Украинских фронтов указание подготовить к концу месяца свои расчёты и предложения о плане наступательной операции. 31 июля в Ставке с командующими этими фронтами состоялось совещание, где обсуждались планы предстоящего наступления. 2 августа была подписана директива Ставки ВГК №220170 2-му и 3-му Украинским фронтам на подготовку и проведение наступления с целью разгрома вражеской группировки в районе Яссы, Кишинёв, Бендеры [2, л. 435-437]. Она ставила перед двумя фронтами задачи на первый этап кампании, включавший разгром немецко-румынской обороны в упомянутом регионе и достижение района Фокшан. Впоследствии, по мере развития наступления, подробные задачи для советских войск были уточнены и дополнены посредством новых директив Ставки ВГК от 21 и 29 августа 1944 г. [7, с. 150].

Несмотря на обозначенные ранее трудности, группа армий «Южная Украина» сохраняла значительный потенциал. Враг сумел выстроить устойчивую и многоуровневую систему обороны с совершенной системой фортификационных укреплений, достигающей глубины до 80 км [13, с. 125]. Кроме переднего края обороны противник создал в глубине своей позиции дополнительные защитные линии, где ставка делалась на долговременные укрепления – преграда «Фокшанских ворот», превращение почти всех городов в мощные опорные пункты, устройство укрепленных районов в зоне Тыргу-Фрумаса и Ясс [7, с. 149].

Цель советского наступления – разгром сил группы армий «Южная Украина», освобождение Молдавской ССР, оказание поддержки румынскому народу в освобождении от фашистского гнёта и способствование выходу Королевства Румынии из войны на стороне стран Оси. Замысел Яско-Кишинёвской операции предполагал нанесение двух масштабных сокрушительных ударов, расположенных на расстоянии 200 км друг от друга,

силами 2-го и 3-го Украинских фронтов (командующие - Р.Я. Малиновский и Ф.И. Толбухин). К операции привлекались также Черноморский флот (адмирал Ф.С. Октябрьский) и Дунайская военная флотилия (контр-адмирал С.Г. Горшков). Советские войска должны были рассеять основные силы противника, после чего развивать наступление в направлении городов Хуши и Фэлчиу с целью разгрома основных соединений немецко-фашистских захватчиков и последующего продвижения вглубь территории Румынии. Координацией деятельности двух фронтов занимался маршал С.К. Тимошенко. Для проведения операции планировалось задействовать 1 250 000 военнослужащих, 16 000 артиллерийских орудий, 1870 танков и САУ, а также 2200 самолётов. Решающее значение в грядущем наступлении отводилось 2-му Украинскому фронту [7, с. 8; 5, с. 44]. Важную роль в подготовке операции сыграли действия партизанских отрядов, которых к августу 1944 г. было более 20. Они с началом наступления эффективно дезорганизовывали тылы вермахта [12, с. 167]. Так, в мае-августе 1944 г. ими было пущено под откос 13 воинских эшелонов, уничтожено 9 мостов [14, с. 157].

Яско-Кишинёвская наступательная операция делится на два этапа. Первый этап наступления (20-24 августа 1944 г.) начался в соответствии с планом 20 августа 1944 г. В первый же день войска 2-го и 3-го Украинских фронтов прорвали оборону противника на всю тактическую глубину, особенно большие потери понесли румынские войска. К исходу 21 августа войска 2-го Украинского фронта окончательно сломили оборону врага и, преодолев эшелонированные полосы его обороны, овладели городом Яссы с Тыргу-Фрумсом и вышли на оперативный простор. Ударные силы 3-го Украинского фронта также расширили прорыв и образовали значительный разрыв между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями. Советские войска, преодолевая упорное сопротивление и отбивая частые контратаки противника, к исходу 22 августа вышли к реке Прут раньше противника и почти замкнули кольцо окружения. Успех, достигнутый 22 августа, имел большое значение для дальнейшего развития операции, т.к. враг лишился шансов восстановить положение на фронте [7, с. 153].

Как отмечал генерал С.М. Штеменко, в течение 22 августа отчетливо обозначились контуры огромного окружения, которое составляло суть раз-

работанной Ставкой Верховного Главнокомандования операции по разгрому группы немецко-фашистских армий «Южная Украина» под Яссами и Кишиневом [4, с. 132]. 23 августа было завершено оперативное окружение кишинёвской группировки противника [3, Л. 219]. 24 августа был освобождён Кишинёв. Таким образом, за четыре дня были окружены 18 из 25 немецких дивизий группы армий «Южная Украина» [5, с. 48].

Разгром немецко-румынских войск привёл к государственному перевороту в Бухаресте, организованному королём Михаем и его сторонниками. 23 августа по личному приказу монарха в его дворце был арестован Йон Антонеску, т.к. последний категорически отказался заключить перемирие с Объединёнными Нациями. После него та же участь постигла его заместителя М. Антонеску, ключевых министров правительства. Румыния порвала с гитлеровской Германией и перешла на сторону антигитлеровской коалиции. События развивались на фоне успешного хода Яско-Кишинёвской операции и быстрого продвижения советских войск вглубь территории Румынии [11, с. 77-80].

В этих условиях советские войска форсировали наступление, чтобы помешать переброске немецких сил в Румынию для подавления восстания. Советское командование, оставив 34 дивизии для уничтожения окружённой в районе Ясс и Кишинёва вражеской группировки, направило вглубь Румынии более 50 дивизий. В развитии наступления на внешнем фронте окружения главная роль отводилась войскам 2-го Украинского фронта [12, с. 169].

Второй этап операции длился с 25 по 29 августа 1944 г. Темпы наступления советских войск на внешнем фронте все более нарастали. Красная Армия вела наступление на трёх направлениях: карпатском, бухарестском и дунайско-приморском. 26 августа были освобождены Фокшаны, к исходу 27 августа завершилась ликвидация окружённой группировки противника восточнее Прута, а 29-го - разрозненных групп вермахта на его западном берегу. Было уничтожено 18 немецких дивизий и разгромлено 4. 29 августа войска 3-го Украинского фронта овладели городами Тулча, Галац, Брэила, Констанца, Сулина. 31 августа советские войска вступили в Бухарест [5, с. 50-52].

Таким образом, всего за 10 дней была разгромлена почти миллионная группа армий «Южная Украина». Советские войска уничтожили 22 немецкие

дивизии и почти все румынские соединения. Безвозвратные и санитарные потери противника составили около 135 000 человек. Было взято в плен 208600 солдат и офицеров, уничтожено 490 танков и штурмовых орудий, 1500 орудий, 298 самолётов, 15 000 автомашин, захвачено огромное количество трофеев. В результате с юго-запада была охвачена группировка гитлеровцев в Северной Трансильвании и Закарпатской Украине, а также создана угроза коммуникациям противника на Балканах, что вынудило нацистов начать отвод своих войск из Греции, Албании и Югославии [8, с. 13-14].

Были освобождены Молдавская ССР и Измаильская область УССР. Поражение врага на фронте создало решающие условия для успеха переворота 23 августа. В Румынии потерпел крах режим Антонеску и образовалось новое коалиционное правительство во главе с генералом К. Сэнэтэску, которое разорвало отношения с Германией, объявив ей войну. На фоне победоносного наступления советских войск в фашистском блоке усилились противоречия, что повлияло на стремление сателлитов Третьего Рейха выйти из союза с Германией и заключить мир с антигитлеровской коалицией. Также со стороны СССР стало возможным оказание непосредственной помощи партизанам Югославии и Чехословакии в их борьбе за освобождение от немецкой оккупации [8, с. 14; 5, с. 49].

Уникальность военных итогов Яско-Кишинёвской операции заключается в исключительно низких потерях советских войск, несмотря на огромные масштабы сражения. Ширина фронта достигала 500 км, глубина продвижения - 300–320 км, а общие потери Красной Армии составили менее 1% (безвозвратные 13 197 человек, а санитарные – 53 933 человек). Такой показатель уникален для столь масштабных стратегических операций. Данная операция является образцом стремительного окружения и уничтожения значительных сил противника, что дало ей второе название - «Яско-Кишинёвские Канны». Окружение с последующей ликвидацией вражеской группировки прошли согласно плану и в сжатые сроки: на 5-й день наступления она была окружена, на 9-й – преимущественно уничтожена [7, с. 147, 156].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, противоречия между румынским и немецким командованием пагубно сказались на управлении группой армий «Южная Украина» и подготовке немецко-румынских войск к оборонительным боям. Во-вторых, предшествующие

советские наступательные операции предопределили неустойчивость румынских частей в ходе Ясско-Кишинёвской операции. В-третьих, свержение диктатуры Антонеску было обусловлено переориентацией румынских политических элит, происходившей на фоне ослабления влияния Третьего Рейха и низкой мотивации румынских частей к продолжению боевых действий. В-четвёртых, советский план стремительного масштабного наступления с последующим окружением и разгромом немецко-фашистских войск показал значительное развитие советского военного искусства. В-пятых, Красная Армия нанесла одно из самых катастрофических поражений нацистской Германии, при этом победа над врагом была достигнута сравнительно малыми жертвами. В-шестых, разгром группы армий «Южная Украина» обернулся полным коллапсом вражеской обороны на южном фланге советско-германского фронта, кардинально преобразовав военно-политическую ситуацию в регионе.

Благодаря триумфу советских войск в Ясско-Кишинёвской операции Красная Армия открыла себе путь на Балканы. К основным военно-политическим итогам операции относятся: разгром группы армий «Южная Украина», свержение режима Антонеску в Румынии и переход этого государства на сторону антигитлеровской коалиции. Успехи советских войск способствовали усилению кризисных процессов среди союзников Третьего Рейха, что привело к ухудшению экономического и военно-стратегического положения Германии

Список источников и литературы

1. Фриснер Г. Проигранные сражения. М.: Вече, 2011. 288 с.
2. ЦАМО РФ. Ф. 148А. Оп. 3763. Д. 166.
3. ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2769. Д. 1.
4. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1973. Кн. 2. 510 с.
5. Антосяк А.В. Ясско-Кишиневская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии // История СССР. 1986. №4. С. 36-55.
6. За мир без нацизма: Красная Армия – освободитель Европы. 1944–1945 гг. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. 632 с.
7. Ипполитов Г.М. «Канны» для Гитлера летом 1944 г.: к семидесятипятилетию Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции Красной армии

(20-29 августа 1944 г.) // Клио. 2019. № 8(152). С. 146-159.

8. Крикунов В.П. Разгром группы армий «Южная Украина» // Военно-исторический журнал. 1989. №10. С. 7-19.
9. Лавренов С.Я. Ясско-Кишинёвские Канны. К 75-летию одной из наиболее успешных операций Великой Отечественной войны // Обозреватель - Observer. 2019. №9(356). С. 78-92.
10. Малютин Т.П. Август 1944 г. Последний бой кондукэтора Й. Антонеску // История: факты и символы. 2019. №2(19). С. 27-37.
11. Покивайлова Т.А. Румынский король Михай I. Жизнь и судьба на фоне истории страны. СПб: Алетейя, 2025. 312 с.
12. Полянский М.С., Лавренов С.Я. Ясско - Кишиневская операция. Седьмой «сталинский удар» завершающего этапа Великой Отечественной войны // Вестник Академии военных наук. 2019. №4(69). С. 164-170.
13. Шаповалов Б.А., Гайчук В.В. Освобождение. Ясско-Кишинёвская операция. Бендеры: Полиграфист, 2024. 436 с.
14. Ясско-Кишиневские Канны. М.: Наука, 1964. 280 с.

Секция III. Военная история XX – XXI вв.

Литвин Вероника Владимировна

Окопная война в период Галицийской битвы: Ужасы фронта глазами солдат и анализ историков

Аннотация. В работе рассматривается Галицийская битва как один из ключевых эпизодов Первой мировой войны, положивший начало эпохе окопной войны. Исследование охватывает период лета 1914 г., когда на территории Галиции развернулось масштабное противостояние между армиями Российской империи и Австро-Венгрии. Основная цель исследования заключается в комплексном изучении особенностей становления окопной войны в период Галицийской битвы через призму исторического анализа и личных свидетельств участников событий.

Ключевые слова: Первая мировая война; Российская империя; Австро-Венгрия; Галицийская битва; позиционная война; солдатская психология; историография.

Trench Warfare during the Battle of Galicia: Frontline Horrors through the Eyes of Soldiers and Historians' Analysis

Abstract. The article examines the Battle of Galicia as one of the key episodes of the First World War, which marked the beginning of the era of trench warfare. The study covers the summer of 1914, when a large-scale confrontation between the armies of the Russian Empire and Austria-Hungary unfolded in Galicia. The main objective of the study is to comprehensively examine

the development of trench warfare during the Battle of Galicia through historical analysis and personal accounts of participants.

Keywords: World War I; Russian Empire; Austria-Hungary; Battle of Galicia; trench warfare; soldier psychology; historiography.

Галицийская битва, одно из крупнейших сражений Первой мировой войны, развернувшееся летом 1914 г. на просторах Галиции (современная Западная Украина, в то время – часть Австро-Венгерской империи), стала предвестником той самой окопной войны, которая на несколько лет сковала фронты и принесла неисчислимые страдания миллионам солдат. Этот период ознаменовался не только грандиозными маневрами и стремительными наступлениями, но и довольно быстрым переходом к позиционной борьбе, где окопы, колючая проволока и артиллерийский огонь стали главными действующими лицами.

В работе рассматривается **Галицийская битва** как один из ключевых эпизодов Первой мировой войны, положивший начало эпохе окопной войны. Исследование охватывает период лета-осени 1914 г., когда на территории Галиции развернулось масштабное противостояние между армиями Российской империи и Австро-Венгрии.

Цель исследования заключается в комплексном анализе перехода от маневренной к позиционной войне, изучении условий жизни солдат в окопах и последствий этого периода для дальнейшего развития военного искусства.

В работе анализируются следующие аспекты: исторический контекст перехода к позиционной войне; причины стабилизации фронта и формирования окопной системы; условия жизни и психологическое состояние солдат; технологические и тактические факторы, способствовавшие переходу к окопной войне.

Методология исследования включает анализ исторических документов, мемуаров участников событий и научных трудов историков. Особое внимание уделяется свидетельствам солдат, описывающим ужасы окопной жизни.

Научная новизна работы заключается в систематизации и анализе материалов, демонстрирующих, как Галицийская битва стала предвестником масштабной окопной войны, определившей характер дальнейших военных действий в Первой мировой войне.

Исследование показывает, что именно в ходе Галицийской битвы проявились все основные черты позиционной войны: превосходство обороняющейся стороны, проблемы снабжения, психологические травмы солдат и технологические ограничения наступательных операций.

Исторический контекст: от маневра к позиционной войне

Галицийская битва, начавшаяся 12 августа 1914 г., представляла собой масштабное столкновение армий Российской империи и Австро-Венгрии. Первоначальные планы обеих сторон предполагали активные наступательные действия и стремительное продвижение вглубь территории противника. Однако, как отмечают историки, уже в ходе первых недель войны стало очевидно, что достичь решительного перелома в короткие сроки не удастся.

Начальный этап Галицийской битвы – это период ожесточенных боев, где «маневр еще играл роль» [2, с. 105]. Однако, по мере того как обе стороны несли огромные потери и не могли прорвать оборону противника, фронт начал стабилизироваться.

Именно Галицийская битва стала одним из первых примеров военных действий, где проявились черты будущей позиционной войны. «Несмотря на начальные маневры, к концу августа 1914 года на многих участках фронта установилась статичная линия обороны, предвещающая ужасы окопной войны», – отмечает историк Д. Киган. [3, с. 120]. Это было связано с рядом факторов, которые затем будут определять весь ход Первой мировой войны.

- Прежде всего, стоит отметить **развитие артиллерии и пулеметного огня**. Новые виды вооружений сделали фронтальную атаку пехоты чрезвычайно сложной. Наступающая сторона несла большие потери. Пулеметы могли косить наступающих рядами, а артиллерия – разрушать любые укрепления.
- Во-вторых, речь шла **о недостатке мобильности наступавших частей**. Несмотря на наличие кавалерии, она не могла эффективно действовать против хорошо организованной пехотной обороны.
- Сказалась также **ограниченность логистики на театре военных действий**. Обе армии столкнулись с проблемами снабжения и подвоза боеприпасов на большие расстояния, что затрудняло проведение длительных наступательных операций.

Таким образом, Галицийская битва, начавшись как сражение маневренной войны в стиле XIX в., постепенно трансформировалась в преддверие «окопной мясорубки».

Ужасы окопной войны глазами солдат

Если историки анализируют причины и последствия как всей Первой мировой войны, так и Галицийской битвы в частности, то мемуары и записки солдат позволяют нам погрузиться в самую гущу событий, почувствовать страх, отчаяние и физические страдания, которые сопровождали окопную войну. Галицийская битва, несмотря на свою относительную кратковременность по сравнению с последующими годами войны, уже продемонстрировала весь спектр ужасов, присущих позиционной борьбе. Какие же факторы солдаты и младшие командиры отмечали в качестве решающих?

Прежде всего, непрекращающийся артиллерийский обстрел. Одной из самых страшных реалий окопной войны был постоянный, изматывающий артиллерийский огонь. Солдаты жили в постоянном ожидании следующего снаряда, который мог обрушиться на них в любой момент, превращая землю в месиво и погребая под собой живых и мертвых. «Снаряды рвались повсюду. Земля дрожала, как от землетрясения. Казалось, сам ад разверзся над нашими головами. Осколки летели с такой скоростью, что мы не успевали даже увидеть их. Многие просто замирали в своих окопах, молясь, чтобы их не заметили. Это было невыносимо», – вспоминал рядовой Иван Петров из 12-го стрелкового полка [6, с. 34].

Историк Норман Стоун отмечает, что артиллерия стала «главным убийцей» на фронте, а ее разрушительная мощь психологически подавляла солдат [9, с. 88].

Во-вторых, окопной войне сопутствовали грязь, сырость и болезни. Окопы, вырытые в земле, становились рассадником болезней. Постоянная сырость, грязь, отсутствие элементарной гигиены приводили к распространению тифа, дизентерии и других инфекций. Холодные зимы и дождливые осени превращали окопы в непроходимые болота, где солдаты жили, ели и спали, не имея возможности даже высушить свою одежду. «Мы жили в грязи по колено. Вода стояла везде. Холод пробирал до костей. Болезни косили людей быстрее, чем пули. Многие умирали просто от истощения и холода,

не успев даже увидеть врага», – писал в письме домой солдат австро-венгерской армии Франц Мюллер [5, с. 56].

Солдаты испытывали чувство страха перед «ничейной землей». Пространство между окопами, известное как «ничейная земля», стало символом смерти и ужаса. Это было открытое поле, усеянное воронками от снарядов, колючей проволокой и телами погибших. Любая попытка пересечь его, будь то для атаки или для эвакуации раненых, была сопряжена с огромным риском. «Когда приходилось идти в атаку, сердце замирало. Ты знаешь, что тебя ждет. Пулеметы, винтовки, артиллерия. Ты бежишь, падаешь, ползешь. Вокруг тебя падают товарищи. А ты все равно ползешь, потому что назад нельзя. А потом, когда все стихает, ты видишь, сколько там осталось лежать. Это зрелище никогда не забыть», – делился своими воспоминаниями поручик Николай Смирнов [8, с. 78].

Все это довольно быстро приводило солдат к психологическому истощению. Постоянный стресс, страх смерти, вид изувеченных тел, бессмысленность происходящего – все это приводило к резкому падению сил, физических и моральных, у сидевших в окопах и пытавшихся наступать солдат. Многие страдали от «снарядного шока» (контузии), теряли способность мыслить и действовать. «Мы перестали быть людьми. Мы стали машинами, которые выполняют приказы. Страх стал нашим постоянным спутником. Мы боялись всего: снарядов, пуль, но больше всего – того, что нас ждет завтра. Многие просто сходили с ума», – писал в своем дневнике неизвестный солдат [1, с. 112].

Анализ историков: причины и последствия окопной войны

Историки, анализируя Галицийскую битву и ее последствия, выделяют ряд ключевых факторов, способствовавших переходу к окопной войне.

- **Технологическое превосходство** обороняющейся стороны. Как уже упоминалось, развитие артиллерии, пулеметов и колючей проволоки давало огромное преимущество обороняющейся стороне. Атакующий пехотинец становился легкой мишенью. Историк Бэзил Лиддел Гарт отмечает, что «технологии войны опередили тактику» [4, с. 95], во многом трансформировав и изменив ее по сравнению с классическими войнами XIX в.

- **Недостаток стратегической инициативы.** Обе армии, и российская, и австро-венгерская, несмотря на начальные успехи, не смогли разработать эффективные наступательные стратегии, способные прорвать оборону противника. Отсутствие гибкости у командования и нежелание рисковать, страх перед большими потерями приводили к затягиванию боевых действий.
- **Психологическая инерция.** Солдаты и офицеры, привыкшие к маневренной войне XIX в., с трудом адаптировались к новой реальности. Идея приобретения военного опыта «через тернии к звездам» в условиях окопной войны превращалась в метафору – «через окопы к смерти».
- **Географические особенности.** Галиция, с ее холмистым рельефом и развитой сетью дорог, способствовала созданию австрийцами глубоко эшелонированной обороны. Прорвать ее для русских войск было чрезвычайно трудным делом.

Историк Александр Самсонов подчеркивает, что Галицийская битва стала «первым крупным испытанием для армий, столкнувшихся с новой реальностью «индустриальной войны» [7, с. 45]. Он также отмечает, что именно здесь были заложены основы будущей позиционной войны, которая привела к колоссальным человеческим жертвам.

Какие можно сделать выводы? Галицийская битва, будучи одним из первых масштабных столкновений Первой мировой войны, наглядно продемонстрировала ужасы зарождающейся окопной войны. Анализ исторических трудов и пронзительные свидетельства солдат позволяют нам понять, что это было не просто военное противостояние, а настоящая трагедия человечества. Непрерывающиеся обстрелы, грязь, болезни, страх перед «ничейной землей» и психологическое истощение – все это стало неотъемлемой частью жизни солдат в окопах. Ужасы Галицийской битвы стали предвестниками тех страданий, которые еще предстояло пережить миллионам людей на полях сражений Первой мировой. Этот период войны навсегда остался в истории как символ бессмысленной жестокости и человеческой трагедии, где окопы стали символом смерти, а война – синонимом ада на земле.

Список источников и литературы

1. Конец старого мира. Забытые страницы Первой мировой. М.: Вече, 2014. 384 с.
2. Керсновский А.А. История русской армии. Том 4. М.: Голос, 1994. 362 с.
3. Киган Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2004. 572 с.
4. Лиддел Гарт Б. История Первой мировой войны. М.: АСТ, 2001. С. 95
5. Мюллер Ф. Письма с фронта. Сборник. Вена: Издательство «Австрийская история», 1928. 120 с.
6. Петров И. Записки солдата. Неизданные рукописи // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. С. 1 – 44.
7. Самсонов А.М. Галицийская битва 1914 года: причины и последствия // Военно-исторический журнал. 1984. № 8. С. 40 – 50.
8. Смирнов Н. Воспоминания о Галицийской битве // «Военная мысль», 1935. № 3. С. 75-81.
9. Стоун Н. Первая мировая война: новый взгляд. М.: Центрполиграф, 2017. 219 с.

Тихомиров Александр Александрович

Взгляд не первого после Бога: воспоминания Георга фон Хазе как источник о Ютландском сражении 1916 г.

Аннотация. Ютландское сражение является крупнейшим морским сражением Первой Мировой войны. На данный момент весьма точно и подробно изучена фактология, хронология Ютланда; проанализированы итоги. Однако в тени остаётся вопрос людей во время сражения: психологии во время боя, эмоциональной окраски; субъективного взгляда. В последнее время; в исторической науке наблюдается возрастание интереса к военной антропологии – то есть к вопросу человека на войне – в рамках которого особый интерес для исследователей представляют источники личного происхождения: письма, дневники, воспоминания. Большинство работ по военной антропологии посвящено армиям и сухопутным сражениям; представленная же статья посвящена морскому сражению. Источником выступили воспоминания Георга фон Хазе – немецкого флотского офицера, старшего артиллериста линейного крейсера «Дерфлингер». В статье рассматриваются особенности воспоминаний фон Хазе; а также психологии в морском бою.

Ключевые слова: Первая Мировая война, Ютландское сражение, Георг фон Хазе, Дерфлингер, военная антропология, историческая психология, источниковедение.

The View of not the first after God: Georg von Hase's Memoirs as a Source on the Battle of Jutland in 1916

Abstract. The Battle of Jutland is the largest naval battle of the First World War. At the moment, the factual history and chronology of Jutland have been studied very accurately and in detail; the results have been analyzed. However, the issue of people during the battle remains in the shadows:

psychology during the battle, emotional coloring; subjective view. Recently, there has been an increasing interest in military anthropology in historical science – that is, in the question of man at war – in which sources of personal origin are of particular interest to researchers: letters, diaries, memoirs. Most works on military anthropology are devoted to armies and land battles; the present article is devoted to naval warfare. The source was the memoirs of Georg von Hase, a German naval officer, senior gunner of the battlecruiser Derfflinger. The article examines the features of von Hase's memoirs; as well as psychology in naval combat.

Key words: World War I, The Battle of Jutland, Georg von Hase, Derfflinger, military anthropology, historical psychology, source studies.

Уже больше века назад замолчали орудия Первой мировой войны. Та война похоронила под собой 4 империи; не говоря уже о жизнях простых людей. Первая мировая затронула не только сушу, но и моря: можно сказать, практически всю акваторию Мирового океана. Одним из центральных сражений, но не ставшим генеральным, в Первой мировой можно считать Ютландское сражение 31 мая – 1 июня 1916 г. между британским флотом и флотом Германии. Описанию этого сражения посвящены многочисленные труды историков из разных стран.

Статья позволит продолжать изучать субъективную сторону сражений Первой мировой войны в рамках военной антропологии. Новизна заключается в том, что в центре внимания оказывается сюжет, связанный с военно-морским флотом и сражением на море. Цель – рассмотреть воспоминания Георга фон Хазе как исторический источник о Ютландском сражении с применением современных методов исторической науки. Задачи: рассмотреть уже имеющуюся историографическую традицию использования воспоминаний фон Хазе в качестве исторического источника; провести источниковедческий анализ воспоминаний фон Хазе в рамках военной антропологии; изучить психологический аспект воспоминаний фон Хазе применительно к Ютландскому сражению. Работа выполнена в направлении военной антропологии, которая изучает человека на войне; отсюда следует включение в перечень традиционных для исторической науки методов ещё и междисциплинарного подхода – изучение психологии человека.

Описанию Ютландского сражения посвящены многочисленные труды историков из разных стран. Попытки осмыслить несостоявшийся Трафальгар начались практически сразу после возвращения двух эскадр в родные базы. Одним из первых трудов, пытающихся осмыслить Ютланд, можно считать так называемые «Ютландские депеши» (Battle of Jutland, 30th May to 1st June 1916. Official Dispatches with Appendices), хотя сами они представляют из себя сборник источников о Ютландском сражении. Как пишет доктор исторических наук Д.В. Лихарев: «Для историков они стали бесценным источником информации, но представляли собой «грудю сырого фактического материала» [8, с. 27]. Сами «депешки» содержат рапорты и донесения командиров кораблей; выдержки из журналов артиллерийских стрельб, сводные таблицы переданных сигналов.

Среди классических специализированных трудов можно выделить работы Вильсона [7] и Тарранта [3]. Из наиболее актуальных и полных – работа Д. Брукса 2014 г. [2]. В отечественной историографии наиболее полная информация о Ютландском сражении содержится в работе А.Г. Больных 2010 г. [5]. При этом данная историография скорее относится к классическому подходу к истории, цель которой – создание объективной картины прошлого.

В последнее время в исторической науке наблюдается поворот в сторону изучения истории ментальности, исторической антропологии. В военной истории наблюдается рост интереса к военной антропологии – изучению поведения человека на войне. Основные источники – материалы личного происхождения: воспоминания, дневники, письма, зарисовки. Особое внимание уделяется субъективному восприятию войны: особенностям психологии в бою и между боями. Если и не непосредственно в рамках военной антропологии, то где-то рядом – «длинная рука войны» - изучение феномена посттравматического стрессового расстройства и прочих нарушений психики человека или даже влияния на общество в целом.

Не обошла стороной военная антропология и изучение Первой мировой войны, однако подавляющее большинство работ посвящено сухопутным сражениям, армиям и фронтам, быту солдат и армейских офицеров. Интерес военной антропологии к вопросу военно-морского флота ниже, но при этом флот также заслуживает внимания. Источником данной статьи выступают воспоминания Георга фон Хазе.

Историография самих мемуаров Георга фон Хазе – под историографией в данной случае понимаются научные или научно-популярные труды, изучающие прошлое – хоть и немногочисленна, но позволяет выделить два основных аспекта, интересующих историка. Первый аспект – использование материалов из воспоминаний в качестве «текстовой иллюстрации» происходящего. Это проявляется в работе М.А. Петрова [9, с. 31]. Вторым же аспектом можно считать «историографическим проклятием» воспоминаний Георга фон Хазе, потому что исследователи обращают внимания лишь на «источник источника» – журналы стрельбы корабля «Дерфлингер», которые Георг использует в своих воспоминаниях. При этом роль и место самого автора остаются как бы за рамками изучения. Хотя роль автора необычайно важна при работе с источниками личного происхождения, к которым относятся воспоминания.

Мемуары фон Хазе можно охарактеризовать фразой: «Воспоминания не первого после Бога». В этой игре слов отображается то, что фон Хазе будучи офицером, не занимал крупных руководящих постов. Отчасти это связано и с возрастом – фон Хазе на момент написания мемуаров 40–42 года. Точнее сказать сложно. Родился Георг в 1878 г. А его воспоминания впервые были изданы в 1920 г. Сколько фон Хазе их писал и когда начал, нигде не говорится, но точно после окончания войны. Об этом говорит наличие в тексте отрывка из эссе У. Черчилля, которое было опубликовано в 1918 г. [2, с. 153–163]. Мы можем предположить, что фон Хазе начал писать воспоминания в 1919 г. – после затопления немецкого флота в Скапа-Флоу 21 июня. Тогда же к фон Хазе в руки мог попасть и журнал артиллерийский стрельб «Дерфлингера».

Фон Хазе не был командиром корабля или тем более соединения, из чего проистекает смещение акцента в сюжетах. Как артиллерист, Георг в первую очередь пишет про артиллерию. Его интересуют процедурность стрельбы, результаты попаданий, состояние подчинённых ему офицеров и матросов. Фон Хазе находился не в самой боевой рубке, а чуть за ней и выше и наблюдал за боем через артиллерийский перископ, что позволяло ему видеть картину боя лучше, недели его сослуживцам, которые находились в боевой рубке и наблюдали за боем через смотровые щели, не говоря уже о людях, которые находились в «недрах» бронированного корабля.

Источником воспоминаний являются журналы артиллерийских стрельб, о которых Георг пишет следующее: «Я также записывал все приказы и донесения, полученные на других важных боевых постах, таких как орудийные башни и передающая станция для вспомогательного вооружения (видимо имеется ввиду противоминный калибр – А.Т.), или отправленные с них. Кроме того, я записывал все важные события на вспомогательном посту управления. Вторым артиллерийским офицером, моим заместителем, и четвёртым артиллерийским офицером, заместителем третьего артиллерийского офицера, были люди, с которыми я наиболее тесно общался. На практике я неоднократно подчеркивал, какое большое значение придаю ведению этих записей в действии. Во время битвы при Скагерраке записи велись во всех названных местах и все это даёт мне возможность дать точный отчет почти о каждом произведенном выстреле. Кроме того, эти записи позволяют легко составить математически точную схему действий, если зафиксировать положение вражеских кораблей в тех точках, куда, как известно, попали залпы, или в непосредственной близости от них. Мой отчет о сражении основан на этих записях, которые все еще находятся у меня, а также на моем дневнике и письмах домой. К сожалению, записи из башен «Цезарь» и «Дора» были утрачены с полным разрушением этих башен» [2, с. 64]. (перевод – А.Т.)

Остается открытым вопрос, когда журналы с «Дерфлингера» могли попасть в руки к Хазе. Это могло произойти во время – или сразу после – затопления немецкого флота в Скапа-Флоу в июне 1919 г. Немецкий флот перестал существовать. Официальная документация потерял юридический смысл. В самой Германии нарастали упадок и разруха. И кому в такой ситуации было дело до какого-то журнала с корабля, который лежит на дне моря? И если переводить данный вопрос из области риторически-безответного в область конкретного, то возникает ответ: журналы были нужны человеку, который имел к ним в свое время непосредственное отношение.

Интересна дальнейшая судьба журнала стрельб и судового журнала «Дерфлингера». Судя по воспоминаниям Дитера Аммера – внука Георга фон Хазе – журналы действительно были у его деда. В 1968 г. фон Хазе попросил своего внука вывести журналы из ГДР в ФРГ. Однако Аммер был пойман пограничниками. Самого молодого человека – на момент событий

ему было 18 лет – опустили, однако журналы были изъяты и их нынешнее местоположение неизвестно. Возможно, они хранятся в каком-нибудь немецком архиве.

В воспоминаниях фон Хазе – что особенно явно видно в главах, посвящённых Ютланду - существует 3 «слоя» текста: журналы стрельб; дневник и письма; а также воспоминания постфактум, которые были написаны непосредственно во время написания книги.

Первый слой текста - записи стрельб. Это непосредственно материалы журналов стрельб. Записи синхронны, то есть пишутся непосредственно во время стрельбы. Записи объективны: это всего лишь запись цифр для служебного пользования. Записи относительно точны: угол наведения орудий по вертикали и горизонтали, время выстрела, временные интервалы между выстрелами известны составителям непосредственно; результаты попаданий относительно точны: возможны ошибки составителей при наблюдении из-за расстояния, дыма, стресса. Записи узкоспециализированы: фиксируется только стрельба.

Второй слой текста - дневники и письма. В дневниковых записях появляется субъективный фактор. Пишутся дневники не синхронно бою, а в ночь с 31 мая на 1 июня и/или утром 1 июня. Дневники и письма шире по сюжетам: фиксируется если и не всё происходящее на борту «Дерфлингера», то самые яркие и важные – для фон Хазе – сюжеты. В первую очередь то, что происходило на «Дерфлингере», с его экипажем в целом и с самим Георгом в частности. И третий слой текста - воспоминания постфактум, то есть написанные после войны. Хотя относительно Ютланда, подобный слой мало используется и свойственен вступлению и заключению.

Сюжетно, воспоминания о Ютланде делятся на два типа: внешние и внутренние. Внутренние – это события, произошедшие непосредственно на «Дерфлингере». Внешние – это события, произошедшие с другими кораблями. Большинство внутренних событий описывается в дневниковом слое текста, за исключением попаданий британских снарядов в «Дерфлингер». Внешние – за исключением эмоций от потопления британских кораблей – фиксируются в первом слое текста.

Внешние сюжеты, разумеется, важны для исследователей, однако внутренние сюжеты могут пролить свет на такой аспект сражения, как психоло-

гия в бою. Остановлюсь на описании двух сюжетов. Первый сюжет – описание самого начала боя, когда фон Хазе обнаружил, что по его кораблю всё ещё не открыт огонь, хотя бой уже идёт.

«Меня поразило, что мы, по-видимому, еще ни разу не встречались. Лишь в редких случаях снаряд пролетал рядом с нами. Я внимательно рассмотрел орудийные башни нашей цели и обнаружил, что этот корабль не стрелял по нам. Он выстрелил в наш флагман. Я мельком взглянул на третий вражеский корабль, он стрелял в наш тыл. Нет сомнений! Мы перепрыгнули через него из-за какой-то ошибки. Я мрачно рассмеялся и теперь в полной тишине, как на тренировке по стрельбе, вел огонь по противнику со все возрастающей точностью. Все воспоминания о смерти или гибели как ветром сдуло. Чисто спортивное удовольствие от стрельбы пробудилось, все во мне взревело от дикого боевого азарта, и каждая мысль сосредоточилась только на одном желании: ударить, быстро и хорошо, снова и снова, и нанести урон надменному противнику, как только возможно и где только возможно. Ему должно быть нелегко» [2, с. 92]. (Перевод – А.Т.)

Из данной цитаты можно сделать следующий вывод. На момент описываемых событий противники уже встретились, опознали друг друга и открыли огонь. При этом прозвучала тревога, раздалась команда занять места согласно боевому расписанию. Сопровождалось это выбросом адреналина в кровь, когда когнитивные способности мозга несколько ухудшаются. Но от паники и неразберихи немцев спасли тренировки и слаженность действий экипажа, которые отрабатывались на многочисленных учениях. Человек действует как бы на автомате, не особо пытаясь осмыслить происходящее. Но вот спустя некоторое время адреналин несколько спадает и человек – касательно данной ситуации сам Георг – начинает осмысливать происходящее вокруг него и обнаруживает, что по нему не стреляют в ответ. Это положительно сказалось на психологическом состоянии фон Хазе.

А вот второй сюжет уже касается всего экипажа: «Я чувствовал, как наша стрельба успокаивает нервы нашей команды. Если бы мы не стреляли сейчас, весь экипаж корабля почувствовал бы в эти моменты огромную безнадежность, потому что все понимали: ещё несколько минут и мы потеряны. Но пока мы продолжали стрелять, с нами всё ещё не могло быть совсем плохо» [2, с. 129].

Из данной цитаты можно сделать выводы о психологии в бою. В ситуации сильного стресса человек может впасть в панику и/или ступор. Предотвращением подобной пагубной ситуации может быть работа по заранее определённой и отработанному алгоритму. В целом, действия согласно боевому расписанию и выполнение служебных обязанностей – которые многократно отработаны на учениях – могут быть определены как алгоритм. Согласно психологии, работая по алгоритму – переходя от одного этапа к другому – человек уберегает себя от ступора, так как знает, что делать. В случае Хазе, это стрельба, то есть отработанная процедура подачи снарядов, заряжания, наводки, выстрела. Но есть фактор, отличающий Хазе от большей части экипажа корабля. Как старший артиллерист, Хазе наблюдал за боем через свой перископ. То есть он видел бой своими глазами; в то время как большая часть экипажа находилась внутри корабля: механики, коцегары, комендоры не имеют представления о происходящем снаружи. Даже офицеры, находящиеся внутри боевой рубки, наблюдают за боем лишь через смотровые щели в рубке.

Воспоминания Георга фон Хазе известны исторической науке, но являются заложником «историографического проклятия» - в центре внимания не сами воспоминания, а «источник источника» - журналы стрельб «Дерфлингера». Воспоминания фон Хазе сложны в своей структуре и имеют разные по хронологии слои, которые можно использовать для исследований в разных сферах истории: от имагологии¹ до психологии экстренных ситуаций. Дневниковый слой воспоминаний необычайно полезен для исследований в области военной антропологии, в частности, в вопросе о роли психологии в бою.

Журналы стрельб «Дерфлингера» и дневниковые записи фон Хазе являются ценными источниками о Ютландском сражении, которые служат для всестороннего изучения и уточнения хронологии и фактологии битвы. Воспоминания Георга фон Хазе до сих пор не полностью изучены исследователями. Личная и субъективная часть воспоминаний Георга фон Хазе остаётся слабоосвещённой и должна стать источником для последующих исследований, посвященных различным аспектам фронтового быта в эпоху Первой мировой войны.

¹ Имагология – научная дисциплина о законах создания, функционирования и интерпретации образов «других», «чужих», инородных для воспринимающего объектов.

Список источников и литературы

Источники

1. Battle of Jutland, 30th May to 1st June 1916. Official Dispatches with Appendices. L.: 1920. 603 p.
2. Hase G. Kiel and Jutland. L.: 1921. 233 p.
3. Hase G. v. Die zwei weissen Volker! Leipzig. 1920. 166+X s.
4. Some special conversations with Georg von der Hase's grandson // <<https://www.jutland1916.com/ships-stories/sms-derflinger/>> (26.06.2024)
5. Хаазе Г. На «Дерфлингере» в Ютландском сражении // Корабли и сражения. №11. 1995. С. 38-73.
6. Хаазе Г. На линейном крейсере «Derflinger» в Ютландском сражении // Морской сборник. 1921. №7-12. С. 56-91.

Литература

1. Bennett G. M. Naval battles of the First World War. Barnsley. 2005. 319 p.
2. Brooks J. The Battle of Jutland. Cambridge. 2016. 571 p.
3. Tarrant V. E. Jutland: The German Perspective: A New View of the Great Battle, 31 May 1916. L.: 1995. 318 p.
4. The Cambridge History of the First World War. Volume I: Global War., 2014. 1097 p.
5. Больных А.Г. Величайшее морское сражение Первой Мировой. Ютландский бой. М.: Эксмо, 2010. 288 с.
6. Его же. Морские битвы Первой мировой: Схватка гигантов. М., 2003. 512 с.
7. Вильсон Х. Линейные корабли в бою 1914-1918 гг. М., 1936. 463 с.
8. Лихарев Д.В. Обобщение опыта Первой мировой войны на море в Великобритании в 1920–1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2019. №7. С. 25-30.
9. Петров М.А. Ютландский бой. М. 1997. 48 с.
10. Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М.; СПб., 2014. С.8-16.
11. Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 3-16.
12. Флот в Первой мировой войне. М., 1964. Т.2. 364 с.
13. Ютландский бой. Л., 1925. 168 с.

Галимов Никита Альбертович

Локальные сражения Гражданской войны на территории Удмуртского Прикамья

Аннотация. В период Гражданской войны территория Удмуртского Прикамья стала ареной боёв, где можно выделить три основных этапа: восстание и формирование ИНА (август–декабрь 1918), период затишья (декабрь 1918 – апрель 1919) и наступление войск Колчака (апрель–июль 1919). Исследование также включает анализ вещественных источников – оборонительных сооружений, обнаруженных в Прикамье, которые свидетельствуют о важности некоторых участков на стратегической карте региона. Анализ подобного рода вещественных источников позволяет взглянуть на события Гражданской войны более подробно, в том числе установить более подробную картину боя на той или иной местности.

Ключевые слова: Гражданская война 1918–1922 гг.; Ижевско-Воткинское восстание (мятеж); Прикамский КОМУЧ; окопы, оборонительные сооружения; бронепоезда; фортификации; тактика окружения; логистика.

Local battles of the Civil War on the territory of the Udmurt Prikamye

Abstract. During the Russian Civil War (1918–1922), the territory of Udmurt Prikamye became a battleground, where three main stages can be distinguished: the uprising and formation of the Izhevsk People's Army (August–December 1918), a period of relative calm (December 1918–April 1919), and the offensive of Kolchak's troops (April–July 1919). The study also includes an analysis of material sources—defensive structures discovered in Prikamye, which testify to the strategic importance of certain areas in the region. The examination of such material sources allows for a more detailed perspective on the events of the Civil War, including the reconstruction of a more precise picture of battles in specific locations.

Keywords: The Civil War of 1918–1922; the Izhevsk-Votkinsk Uprising (Rebellion); The Kama Committee of Members of the Constituent Assembly; trenches, defensive structures; armored trains; fortifications; encirclement tactics; logistics.

Тема Гражданской войны в России 1918-1922 гг. широко представлена в разных исследованиях. В научной литературе не обделено вниманием и Ижевско-Воткинское восстание. Данная тема вызывала и будет вызывать интерес исследователей по причине важности самого события для истории России. Начало XX в. является переломным этапом в российской истории. События, происходившие столь недавно, оказывают наиболее заметное влияние на Россию и проживающие на ее территории народы и по сей день.

Гражданская война, как явление, само по себе вызывает обширный интерес, вне зависимости от страны и времени ее происшествия. Само это явление представляется нам парадоксальным, так как происходит сугубо внутри одной страны и на полях сражений гибнут люди, некогда жившие под одним флагом, если не в одной семье. В связи с этим внимание исследователей чаще всего сосредотачивается на причинах возникновения конфликта. Но в контексте интересующего нас региона и событий августа 1918 – июня 1919 гг., уже имеется ряд работ, которые составляют собой фундамент для более детального изучения аспектов ведения боевых действий Гражданской войны в Прикамье.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных Гражданской войне в России и, отдельно, на территории современной Удмуртии, локальные особенности боевых действий требуют дополнительного изучения. Особенно актуальным является исследование вещественных источников и их сопоставление с литературными данными.

Текущее исследование выступает с проблематикой изучения локальных боевых действий Гражданской войны на территории удмуртского Прикамья. Именно бои местного значения чаще всего не входят в поле зрения большинства исследований, так как зачастую авторы описывают другие аспекты войны (идеологические, политические, стратегические и др.).

Применение в исследовании широкого спектра подходов познания истории позволяет уточнять хронику событий, происходивших на конкрет-

ной местности. Благодаря этому полотно истории Удмуртии становится более цельным. Кроме того, применение этих методов может быть полезно за пределами нашей республики, ведь Гражданская война была всеобъемлющей и охватывала значительную территорию бывшей Российской империи.

Объектом исследования выступает Гражданская война в России 1918-1922 гг. **Предметом исследования** являются локальные бои Гражданской войны на территории удмуртского Прикамья.

Целью работы является изучение локальных сражений на территории удмуртского Прикамья.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- провести анализ источников и литературы по Гражданской войне на территории современной Удмуртии;
- проанализировать характер боевых действий в регионе, оценить стратегическое значение территории Удмуртского Прикамья в контексте военных операций;
- выявить потенциальные места сражений по архивным источникам и имеющейся литературе;
- провести полевые разведочные исследования по поиску мест сражения на территории удмуртского Прикамья;
- проанализировать и обобщить полученные данные.

Основное внимание в исследовании сосредоточено на военной составляющей, включая ход сражений, стратегические решения, тактические особенности и их последствия. В работе использованы различные методы исторического исследования. Историко-хронологический метод позволил выстроить последовательность событий в их временной последовательности и выявить причинно-следственные связи. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить различные источники информации, выявить общие и особенные черты боевых действий в регионе. Историко-системный метод способствовал рассмотрению событий как части общего исторического процесса Гражданской войны в России. Историко-типологический метод позволил классифицировать различные аспекты боевых действий и их участников.

Также применяются некоторые методы из археологической науки, в частности, полевые разведки, необходимые для изучения окопов на местности. Само их изучение подразумевает: фиксацию их размеров, местоположения и в целом тактико-технических характеристик оборонительных сооружений. Именно благодаря такому подходу становится возможным прояснение нюансов боевых действий, а это позволяет составить картину сражений, несколько отличную от той, которая представлена в наиболее широко распространяемых литературных источниках.

Подробно о предпосылках к началу Ижевско-Воткинского восстания пишет в своей работе К. И. Куликов «В боях за советскую Удмуртию». В этой монографии историк уделял внимание социально-экономическим факторам, которые способствовали началу мятежа. Подробно описывается портрет ижевского пролетария, его заработка и причины недовольства Советской властью. Именно К.И. Куликов и П.Н. Дмитриев одними из первых стали исследовать Ижевско-Воткинское восстание в контексте изучения тактики противоборствующих сторон. Большой упор был сделан на разбор планов РККА по разработке плана наступления в регионе для подавления мятежа и также были справедливо отмечены провальные операции (действия красных на заре восстания или высадка в Гольянах 19 августа 1918 г.). В монографии присутствует некоторый идеологический перекосяк в симпатиях авторов, хотя планы красного командования были расписаны достаточно подробно. Но в описании планов и в целом стратегии противоборствующей стороны – Ижевской Народной армии или Русской армии, наблюдается некоторая избирательность в подаче материала. Например, чтобы описать первичный успех армии А.В. Колчака весенней компании 1919 г., автор делает акцент не на плане наступления, а на факте помощи Антанты, приводится обширный список поставок и даже число предоставленного воинского контингента. Эта информация, безусловно важна, но стоит подчеркнуть, что победы не достигаются исключительно благодаря вооружению и огромному числу солдат [11, с.167].

Ход Ижевско-Воткинского восстания также обширно описал П.Н. Дмитриев. В своей работе «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» он проводит комплексный анализ событий, выходя за рамки военной истории и изучая социальные, экономические и политические причины выступления рабо-

чих и крестьян против Советской власти. В отличие от предыдущих исследований, работа опирается на рассекреченные архивные документы (включая материалы следственных дел и воспоминания участников с обеих сторон), что позволяет реконструировать мотивацию повстанцев [6, с. 47].

Для изучения событий Гражданской войны могут помочь источники личного происхождения. Ценность представляют воспоминания А.Г. Ефимова, ветерана Гражданской войны, полковника Русской армии Колчака и начальника штаба 18-й стрелковой Ижевской дивизии. Характер подобного рода источников часто подразумевает определенную степень субъективности в отношении описания событий. Но ценность этого материала заключается в его авторе, который ввиду своего положения во время Гражданской войны, после ее завершения достаточно подробно описал действия своей дивизии и в целом всей армии с точки зрения тактики и стратегии [7, с. 34].

В исследовании используются некоторые архивные документы, которые необходимы для определения и локализации возможных мест боестолкновений для дальнейшего полевого исследования. Кроме того, для исследования нужны источники, добываемые непосредственно во время полевой разведки:

- чертежи, сделанные на основе сохранившихся окопов и других фортификационных сооружений;
- GPSметки окопов, которые позволяют соотнести с картой местности реальные размеры оборонительной линии. Также GPSметки позволяют вести учёт числа самих сооружений;
- фотосъёмка укреплений, которая необходима для фиксации размеров конкретного сооружения и для наглядности. На фотографии видно, в какой местности располагаются укрепления.

Таким образом, изучение боевых действий Гражданской войны на территории Удмуртского Прикамья представляет собой важный этап в понимании локальных особенностей этого масштабного конфликта. Несмотря на наличие фундаментальных исследований, посвящённых Ижевско-Воткинскому восстанию и операциям РККА и Белой армии в регионе, многие аспекты требуют более детального анализа, особенно в контексте тактики, стратегии и материальных свидетельств эпохи. Комплексный подход, соче-

тающий анализ письменных источников, архивных данных и полевые исследования, позволит не только уточнить хронологию и характер боевых столкновений, но и выявить их влияние на последующее развитие региона.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской работе при изучении истории Гражданской войны, в образовательном процессе при преподавании истории России, в краеведческой работе, при создании музейных экспозиций, в подготовке научно-популярных публикаций, при разработке туристических маршрутов по историческим местам, в создании документальных фильмов и публикаций.

Ижевск и весь исследуемый регион Прикамья был спокоен после програвшей 7 ноября 1917 г. революции. Большевицкая власть установилась здесь относительно мирным образом. Однако ввиду некоторых противоречий между молодой властью и населением в этом регионе вскоре вспыхнуло восстание, позже за ним в историографии закрепилось название Ижевско-Воткинского мятежа. Сами причины восстания не были столь уникальными в диапазоне событий по всей стране. Похожие восстания вспыхивали и в других уральских губерниях. Таковыми причинами многие исследователи называют: подразвёрстку, запрет любых рыночных отношений, отмену зарплат труженикам заводов (они были переведены на натуральное снабжение) и самое ключевое — натиск антибольшевистских сил, угрожающих взятием региона. Но всё же факт того, что подобные восстания имели место не только в Прикамье, но и в других губерниях, упустить нельзя. Например, всего за две недели до бунта в Ижевске мятеж поднялся в Екатеринбурге. Предпосылки там были практически те же: приближение к городу антибольшевистских сил, недовольство подразвёрсткой и в целом политикой большевиков, не ориентированной на местную специфику.

Последний фактор выступает столь существенным по причине проводившейся большевиками принудительной мобилизации заводчан на Казанский фронт. 6 августа 1918 г. Казань переходит под контроль белых [6, с. 70]. Сам город имел существенное стратегическое значение на фронте: его захват давал контроль над судоходством по Каме и Волге, также важна была его близость к предприятиям оборонной промышленности Вятской губернии. Соответственно, у большевиков была необходимость в сосредоточении значимых сил на фронте, чего они и хотели достичь при помощи

мобилизации. Однако рабочие и простые горожане восприняли это совсем иначе. В Ижевске и Воткинске люди собирались на митинги и демонстрации, они выдвигали требования к власти, удовлетворив которые, рабочие отправились бы на фронт. Однако во всём обширном списке большевики не смогли согласиться лишь с одним требованием — вооружить призывников в Ижевске и Воткинске непосредственно. Они пошли на компромисс и пообещали сделать это на станции Агрыз. Однако атмосфера среди населения и без того была накалена, и это решение стало искрой, которая разожгла пламя восстания. Стремительно мирные шествия переросли в вооружённое восстание. Рабочие вооружились на своих же заводах и свергли Советскую власть. К концу августа весь регион Прикамья был под контролем новой власти — Прикамского Комитета членов Учредительного Собрания (КОМУЧа).

Действия Народной армии Прикамья в августе 1918 г. отличались высокой эффективностью и продуманностью. Повстанцы сосредоточились на закреплении в регионе, установив контроль над ключевыми транспортными узлами. В короткие сроки они овладели водными путями и железнодорожными линиями, захватив порт Гольяны, снабжавший Ижевск и Воткинск, а также стратегический железнодорожный узел Агрыз [6, с. 82].

Особое значение имело взятие Сарапула — важного промышленного и транспортного центра на Каме. Город не только служил ключевым портом, но и находился на строящейся с 1914 г. железнодорожной ветке Екатеринбург–Казань, связывающей Урал и Поволжье. Хотя официально дорога ещё не функционировала, её использование для переправы через Каму уже было возможно, что усиливало стратегическое значение Сарапула.

Самое сильное из всех поволжских антибольшевистских правительств — Самарский КОМУЧ поддерживал ижевских повстанцев до тех пор, пока сам существовал. Большевики не хотели терять Удмуртское Прикамье, но полноценную операцию организовать не могли из-за сложной ситуации в Поволжье и Приуралье (потеря Казани, Екатеринбургское восстание).

19 августа отряд В.А. Антонова-Овсеевко высадился в Гольянах, закрепился и двинулся к Ижевску, дойдя до Завьялово [6, с. 216]. Однако повстанцы оказали ожесточённое сопротивление: по некоторым данным, применили психологическую атаку (бойцы Ижевской Народной армии шли в

полный рост со знамёнами), а также использовали два отремонтированных бронепоезда. В итоге красноармейцы отступили.

Подготовка к полномасштабной операции по подавлению мятежа началась в конце сентября 1918 г. Сам план подразумевал стремительное окружение сил Прикамской Народной Армии (ПНА) и её локализацию в двух основных городах — Ижевске и Воткинске. Войсками РККА командовал бывший полковник Русской Императорской армии В.И. Шорин. Также в операции принимала участие 28-я стрелковая дивизия В.М. Азина. План подразумевал стремительный захват азинскими частями ключевых точек с юга и востока от основного очага восстания — Агрыза и Сарапула. Также было необходимо полностью отрезать ПНА от Камы. Таким образом, азинцы также должны были взять Шаркан, что к северо-востоку от Воткинска. 2-я армия Шорина шла от Вятских Полян прямо на Ижевск, отвлекая основные силы противника на себя. В конечном итоге повстанцы должны были попасть в окружение. Для претворения этого плана в жизнь было необходимо взятие Казани и высвобождение ресурсов РККА для новой операции. 10 сентября Казань перешла под контроль красных.

Также немалую роль во всех событиях восстания играл Северный фронт. Большевики всеми силами сдерживали повстанцев от продвижения на север, так как через эту часть Удмуртии проходит ещё одна важная транспортная артерия — Сибирский тракт и железнодорожная ветка Вятка–Пермь. От наступления на север повстанцев сдерживала 3-я сводная армия РККА Восточного фронта. И этот фронт в 1918 г. так практически и не был прорван. Самой северной точкой, где повстанцы смогли закрепиться, было село Чепца в 149 км от Ижевска. Взятие Чепцы произошло 13 сентября 1918 г., и это стало последним успехом повстанцев в Удмуртии.

В конце сентября — начале октября началось наступление красных. 2-я армия прорвала оборону повстанцев, а 1 октября вместе с 3-й армией взяла Игру. 4 октября части Азина захватили Агрыз, лишив Ижевск железнодорожного сообщения и ограничив зону действия их бронепоездов. 5 октября пал Сарапул. 7 октября был взят Шаркан, перекрыт путь к Каме [11, с. 120].

К началу ноября Ижевск оказался в кольце, а 7 ноября (в годовщину революции) пал. Повстанцы бежали в Воткинск, но оставили его без боя 13 ноября. Остатки их отрядов отступили к Каме, где держались до конца

месяца, переправляя раненых и беженцев по временному мосту, а позже — по льду. К концу ноября последние мятежники покинули край, и наступило зимнее затишье.

Данный этап характеризуется практически полным отсутствием боевых действий в исследуемом регионе. Большевики проводили работу по нормализации обстановки, а выжившие повстанцы, переправившись за Каму, присоединились к Русской армии А.В. Колчака. Как раз в ноябре началось наступление белогвардейцев на Пермь под командованием генерала В.Г. Болдырева. Изначально планировалось дальнейшее наступление на Глазов, однако этому помешала приближающаяся зима и наступление красных на Уфу. Поэтому была отдана директива, приказывающая закрепиться на устойчивейшей линии фронта.

Весеннее наступление армии Колчака в 1919 г. началось с впечатляющих успехов, но завершилось стратегическим поражением, став переломным моментом в Гражданской войне на Восточном фронте. К началу года линия фронта стабилизировалась по направлению Пермь–Златоуст–Орск. Колчак разработал план двойного удара: Сибирская армия под командованием генерала Р. Гайды должна была наступать на севере в направлении Вятки, в то время как Западная армия генерала М.В. Ханжина получила задачу освободить Уфу и прорваться к Волге через Казань и Самару.

Наступление белых войск в марте 1919 г. развивалось стремительно и успешно. Уже 13 марта была взята Уфа, а в апреле последовательно освобождены ключевые центры Ижевско-Воткинского восстания — Воткинск (8 апреля), Сарапул (11 апреля) и Ижевск (13 апреля). К 25 апреля войска Колчака вышли к Чистополю, создав непосредственную угрозу Казани. Эти успехи вызвали серьёзную тревогу у советского руководства, о чём свидетельствует личная телеграмма В.И. Ленина с требованием принять экстренные меры по защите Чистополя.

Однако впечатляющие первоначальные успехи сменились серьёзными проблемами. Главными факторами, приведшими к провалу наступления, стали деморализация колчаковских войск, логистический кризис и ошибки командования. Особенно тяжёлые последствия имел массовый уход с фронта ижевских и воткинских формирований — численность Ижевской бригады сократилась с 4400 до 452 бойцов, когда бойцы, поверив обеща-

ниям командования, что воевать на стороне белых они будут до изгнания большевиков из Прикамья, потребовали отпустить их по домам после освобождения родных мест [7, с. 29]. Весенняя распутица полностью парализовала систему снабжения — обозы и артиллерия увязли в грязи, отстав от наступающих частей. Серьёзные просчёты допустило и белогвардейское командование, не сумевшее обеспечить согласованность действий между армиями и выполнить данные бойцам обещания.

Красная Армия, получившая столь необходимую передышку, в мае–июне перешла в решительное контрнаступление. Уже 26 мая был успешно форсирован важный рубеж — река Вятка. В первых числах июня последовательно освобождаются ключевые пункты: 1 июня — Агрыз, 2 июня — Сарапул, и к 7 июня вся территория Удмуртии, включая Ижевск, была очищена от белых войск. Эти события стали переломным моментом в ходе Гражданской войны на Восточном фронте [11, с. 239].

Таким образом, первоначальные успехи колчаковского наступления сменились стратегическим поражением, вызванным сочетанием природных факторов, кадровых просчётов и возросшей боеспособностью Красной Армии, получившей грамотное руководство в лице М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевского. Этот перелом во многом predetermined окончательный исход противостояния на Восточном фронте Гражданской войны.

Изучение окопов и других оборонительных сооружений представляет интересный аспект в установлении точных координат мест сражений Гражданской войны. В отличие от статичной окопной войны Первой мировой, укрепления Гражданской войны часто были импровизированными и временными, отражая динамичный характер конфликта. Методология исследования этих сооружений включает несколько этапов.

Команды Удмуртского государственного университета проводили полевые исследования в ключевых зонах сражений, таких как окрестности деревень Нечкино, Гольяны и Шолья. Эти исследования выявляют и документируют окопы, земляные укрепления и блиндажи [14, с. 42–48]. Слои почвы и мусора в окопах могут раскрыть их конструкцию и использование. Например, глубина и форма окопа указывают на его предназначение — для пехоты или артиллерии. Окопы наносятся на карту относительно природных и искусственных объектов, таких как реки, дороги и железнодорожные

пути. Это помогает реконструировать их стратегическое назначение – например, контроль переправ или железнодорожных линий. Полученные данные сверяются с архивными документами и мемуарами для сопоставления физических свидетельств с историческими отчётами.

Примечательным примером является оборонительная линия возле Шольи, обнаруженная в 2009 г. и позже детально изученная. Эта двухкилометровая сеть окопов и блиндажей была расположена для наблюдения за рекой Камой и близлежащими железнодорожными путями. Вероятно, данная линия относится к периоду разгара весеннего наступления Русской армии 1919 г.: 10 апреля по некоторым данным белогвардейцы полностью контролировали левобережье Камы, и, вероятно, шла подготовка к её форсированию. Исходя из этих данных, необходимость в такого рода фортификациях на данном участке становится ясна.

Гражданская война в Удмуртском Прикамье была частью более широкого конфликта, характеризующегося быстрыми сменами контроля территории и локальными боями. Изучение окопов и других материальных остатков прошедших сражений дополняет письменные источники, предлагая более детальное понимание военной тактики и жизненного опыта солдат. Будущие исследования должны расширить полевые обследования и интегрировать передовые технологии, такие как георадар, для обнаружения дополнительных свидетельств противостояния красных, белых и ижевско-воткинских повстанцев на территории современной Удмуртии в 1918 – 1919 гг.

Список источников и литературы

1. Архив В.М. Чернова. Обращение В.М. Чернова от 22 октября 1918 года. // I.I.S.G, д. 45 (е), л. 4.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Р-548. Оп. 1. Л. 34.
3. Бузилов Т.А. Железнодорожному мосту 50 лет // Красное Прикамье. 1969. № 6 (10 января). С. 3.
4. Вебер В.И. Деятельность антибольшевистского подполья на Урале по организации городских восстаний в 1918 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки

России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина: материалы. Екатеринбург, 4-5 декабря 2014 г. С. 10 – 17.

5. Гражданская война в России: Энциклопедия катастрофы. М.: Сибирский цирюльник, 2010. 400 с.
6. Дмитриев П.Н. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия, 1992. 390 с.
7. Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 422 с.
8. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2012. 637 с. – С. 419.
9. Кашкин А.Д. Чертежи войсковому саперу для памяти в поле. СПб., 1887. 208 с.
10. Коробейников А.В. Ижевско-Воткинское восстание: правда победителей. Ижевск: Иднакар, 2017. 17 с.
11. Куликов К.И. В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск: Удмуртия, 1982. 260 с.
12. Кузьмина Н.В. Понятие «педагогическая система» и критерии ее оценки // Методы системного педагогического исследования. Л., 1980. С. 16-17.
13. Морозова О.П. Теоретико-методологические основы развития профессиональной деятельности учителя. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 546 с.
14. Перевозчикова С.А. Гражданская война в Удмуртии глазами археолога // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2017. № 2 (35). С. 42–93.

Семченков Лев Александрович

Производство винтовки Мосина на Ижевском оружейном заводе в межвоенный период

Аннотация. Исследование посвящено малоизученному вопросу – производству и модернизации винтовки Мосина на Ижевском оружейном заводе в 1920–1930-е гг. Исследование построено на системном подходе, в рамках которого производство стрелкового оружия на ИОЗ рассматривается как целостная система. Анализируются её ключевые элементы: процесс производства винтовки Мосина, её техническая модернизация в 1930 году и специфика деятельности завода в указанный период. Методологическую основу дополняют историко-генетический и нарративный методы, позволяющие проследить эволюцию процессов и интерпретировать архивные данные. Показано, как технологические усовершенствования, унификация деталей и оптимизация производства позволили не только восстановить, но и качественно преобразовать выпуск «трёхлинейки», заложив основу для обеспечения Красной Армии перед Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: Винтовка Мосина, Ижевский оружейный завод, межвоенный период, модернизация 1930 года, оружейное производство, системный метод, унификация, технологии производства, советская промышленность, стрелковое оружие.

The production of the Mosin rifle at the Izhevsk Arms Factory during the interwar period

Abstract. The study focuses on a little-studied topic - the production and modernization of the Mosin rifle at the Izhevsk Arms Factory during the 1920s and 1930s. It employs a systematic approach that views the production of small arms at IOZ as an integrated system, analyzing its key elements such as the production process, technical modernization, and

the specific activities of the factory during this period. The methodology is supplemented by historical, genetic, and narrative methods, allowing us to trace the evolution of events and interpret archival data. Through this lens, we can see how technological improvements, standardization of parts, and optimization of production not only restored but also transformed the production of the Mosin rifle, laying the groundwork for supplying the Red Army prior to World War II.

Keywords: Mosin rifle, Izhevsk Arms Factory, interwar period, 1930s modernization, weapons production, systematization, unification, manufacturing techniques, Soviet industry, small arms.

Вопрос о производстве винтовки Мосина на Ижевском оружейном заводе в межвоенный период остаётся малоизученным. В основном взор исследователей был направлен на другие стороны истории винтовки Мосина, например, особенности её производства в XIX в. или в годы Великой Отечественной войны, тогда как межвоенный период оставался без должного внимания. Данная тема является крайне актуальной для города Ижевска, как одного из крупнейших центров производства стрелкового оружия нашей страны.

Историческая литература, посвящённая винтовке Мосина, обширна. Это работы как общего плана, рассказывающие о специфике производства винтовки в разные годы на предприятиях нашей страны, так непосредственно и исследования, посвящённые практическому применению данного оружия российской армией.

Переходя к конкретике, следует выделить следующие работы, наиболее значимые в контексте данного исследования. Конечно же, на первом плане стоят книги, посвящённые оружейной истории в целом, как рамках нашей страны, так и мира. Здесь можно выделить работы А.Б. Жук «Стрелковое оружие. Револьверы, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулемёты, автоматы» и В.Г. Фёдорова «История винтовки». В них в полной мере раскрываются особенности эволюции стрелкового оружия, в том числе винтовки Мосина. Важны также и региональные исследования, такие как книги Н.А. Родионова «История оружейного производства в Удмуртии (XIX - XXI вв.)», Е.Ф. Шумилова «Два века “Ижмаша”: Истоки. Лидеры. Технологии. Кон-

струкции. Династии. Культура. Быт. (Том второй.)», М.Е Драгунова «Ижевское оружие: шаги истории». Данные работы освещают становление и развитие Ижевского оружейного завода, рассказывают о продукции, которую он выпускал. Безусловно, говоря об оружии, важно понимание функционирования его составных частей. Эти вопросы освещены в труде И.П. Родина «Материальная часть и ремонт 7,62 мм. винтовки обр. 1891-1930 г.». О специфике работы завода можно узнать из воспоминаний В.Н. Новикова «Накануне и в дни испытаний». В 1930-х гг. он являлся первым заместителем директора завода, в дальнейшем – заместителем наркома вооружения СССР, в послевоенные годы – председателем Госплана СССР, заместителем председателя Совета Министров СССР. Его воспоминания проливают свет не только на особенности производства винтовки Мосина в межвоенный период, но и предоставляют ценнейшие сведения по её модернизации в 1930-е гг.

Объектом исследования выступает производство стрелкового оружия на Ижевском оружейном заводе. Предметом – производство винтовки Мосина в межвоенный период.

Основным методом исследования выступает системный, который предполагает рассмотрение производства стрелкового оружия на Ижевском оружейном заводе в межвоенный период как целостной производственной системы. Это подразумевает вычленение и анализ её ключевых элементов (производство винтовки Мосина, особенности её модернизации в 1930-е гг., специфика деятельности завода), как по отдельности, так и в их взаимодействии в рамках целого. Историко-генетический метод позволяет отчётливо проследить основные этапы эволюции производства и модернизации винтовки Мосина в межвоенные годы, указать на особенности, характерные для того или иного периода. Нарративный метод помогает точно передать те сведения, которые были описаны в архивных документах, для их дальнейшей интерпретации и анализа.

Назначение винтовки Мосина и её модернизация в 1930 г.

Винтовка Мосина, известная также как «трехлинейка» (официальное название – «3-линейная винтовка образца 1891 года»), стала одним из самых массовых и узнаваемых образцов стрелкового оружия в истории

России и СССР. Разработанная в конце XIX в., она прошла через несколько войн, сохранив свою актуальность вплоть до середины XX в.

После революции 1917 г. и Гражданской войны Советская Россия столкнулась с необходимостью восстановления оружейного производства. Ижевский оружейный завод, обладавший богатыми традициями и мощным промышленным потенциалом, стал ключевым предприятием по выпуску винтовок Мосина. В 1920–1930-е гг., в условиях индустриализации и подготовки к возможным военным конфликтам, завод не только возобновил массовое производство «трехлинейек», но и провел их модернизацию, обеспечив Красную Армию надёжным и технологичным оружием.

Наставление по стрелковому делу РККА так определяет назначение винтовки: «Наилучшие результаты стрельбы из винтовок получаются на расстояниях до 400 м. Сосредоточенный огонь стрелков применяется для поражения групповых целей на расстояниях до 800 м, и штурмующих самолётов на расстояниях до 500 м. Снайперы поражают цели на расстояниях до 800 м. Снайперы своими меткими выстрелами выбивают офицеров, пулеметчиков, ведущих солдат, поражают мелкие, хорошо замаскированные и малозаметные цели, уничтожение которых весьма важно для внесения замешательства в ряды противника» [12, с. 24].

Хотя использование винтовки находило положительный отклик у солдат, она нуждалась в доработке, особенно в условиях, когда все передовые страны также проводили перевооружение своих вооруженных сил. Кроме того, сохранялась угроза начала новой большой войны. Советский Союз должен был подойти к этой будущей войне максимально подготовленным.

В 1930 г. после широких испытаний и различных предложений, в винтовку Мосина были введены следующие усовершенствования.

1) Все недостатки прежнего штыкового хомутика, при котором в войсках постоянно имелось весьма значительное количество штыков со слабым закреплением и с качкой, были устранены принятием особой защёлки Кабакова и Камарницкого, прочно закреплявшей штык на стволе.

2) Прежняя дуговая рамка, несмотря на её термическую обработку, давала при службе погибы, тем более что рамка не имела особых предохранителей, наподобие принятых к некоторым иностранным винтовкам. Погибы эти по форме рамки не могли быть обнаружены на-глаз и требовали более

частой проверки особым калибром. В новой рамке вновь разработанного секторного прицела этот недостаток был в корне устранён: рамка сделана прямой, более прочной и несколько защищённой от внешних ударов боковыми секторными стенками прицельной колодки. Для снайперских винтовок был принят особый оптический прицел.

3) Мушка также была защищена от внешних повреждений и смещений особым предохранителем, первоначально расположенным на штыковой трубке штыка Кабакова и Камарницкого, а затем перенесённым на самый корпус мушки.

4) Пружинные кольца совершенно устраняли все недостатки прежних колец - раздвижных, при которых всегда можно было получить или излишнее стягивание колец или, наоборот, болтание, а также и глухих колец, весьма затруднявших надевание их при разбухании дерева ложи или, наоборот, требовавших исправления (напайки) при усушке ложи.

5) Шомпольный упор также был изменён принятием особого к нему стержня, который не давал упору возможности перекашиваться, что являлось причиной поломки завинтовки шомпола при его изгибе.

6) Для облегчения производства меткого выстрела усилие на спуск было установлено в пределах от 2 до 3,2 кг.

7) Из экономических соображений наружная форма ствольной коробки вместо гранёной была принята округлённая, отсечка-отражатель раздельная, состоящая из двух более простых в обработке частей пружинной части и лопасти [15, с.102].

Все эти нововведения позволили поставить винтовку Мосина на один уровень с иностранными образцами.

Производство винтовки Мосина

на Ижевском оружейном заводе в межвоенный период

Производство винтовки Мосина на Ижевском оружейном заводе имеет давнюю традицию. К концу Гражданской войны завод переживал сложные времена, производство винтовок падало. На май 1922 г. Ижевский оружейный завод должен был изготовить 12 000 винтовок, вместо 20 000, которые предполагалось произвести ранее [16, с. 184]. Но уже к концу 1920-х гг. объёмы производства неуклонно росли. За 1927-1928 гг., при работе в

одну смену, на Ижевском заводе было выпущено 106 782 винтовки [13, с. 139]. К концу 1930-х гг. завод вышел на производство 2000 винтовок в сутки, в то время как в прошлом десятилетии ежесуточно производилось 1200 винтовок [11, с. 49]. Помимо этого, те изменения, которые модифицировали винтовку, быстро внедрились на производство, и уже с 1930 г. Ижевский оружейный завод начал выпускать винтовку С.И. Мосина образца 1891/1930 гг. К февралю 1933 г. на заводе создали цех, задачей которого было производство основных деталей снайперской винтовки [16, с. 265]. В том же 1933 г. прошли испытания винтовки на надёжность основных деталей, которые показали, что нововведения не ухудшили её живучесть.

В протоколе испытаний винтовки образца 1891/1930 гг. говорится: «Все изменённые детали, за исключением штыка и насадного основания мушки, имеют вполне достаточную прочность, не имея на 2000 т. выстрелов не одного случая поломки этих деталей» [6, с. 8].

Попытки интенсификации производства спускались не только сверху, но и исходили от инициативных трудящихся самого предприятия. Важной новацией стала попытка введения диспетчерского управления производством. Началось это в октябре-ноябре 1934 г. в оружейных цехах и должно было охватить все цеха. Главной целью такого нововведения должен был стать поточный метод производства, который бы укоротил замысловатые встречные потоки деталей, уменьшил объёмы «незавершёнки», способствовал сокращению брака [16, с. 265].

О новом способе обработки ствола, который был разработан на Ижевском оружейном заводе, рассказывает В.Н. Новиков (на период 1930-х гг. первый заместитель директора завода): «Изначально нарезы в стволе винтовки создавали медленно: режущим инструментом на длинном стержне скоблили канал ствола, тратя на одну операцию около пятидесяти минут. За смену на станке обрабатывали всего 6-7 стволов. Такие темпы не могли удовлетворить военные нужды, когда Ижевскому заводу поставили задачу выпускать двенадцать тысяч винтовок в сутки.

Мысль об ускорении операции возникла по аналогии с инструментальным цехом, где отверстия калибровали и полировали, протаскивая через них металлический шарик. Эта операция занимала секунды. Возник вопрос: нельзя ли подобным способом получить нарезы?

Сафонов Н.А. (руководитель лаборатории) горячо поддержал эту идею, и мы с коллегами начали эксперименты. Задача была невероятно сложной: нужно было не просто расширить метровый ствол с отверстием менее 7,5 мм до калибра 7,62 мм, а выдавить винтообразные нарезки. Возникло множество проблем: форма и материал пуансона (шарика), его крепление, выбор смазки. Главной трудностью было добиться стабильного калибра, так как металл после прохода пуансона немного пружинил. Сотни типов масел были перепробованы, чтобы достичь идеальной чистоты канала.

Несмотря на сомневающийся, работу поддерживала дирекция. Только Ижевский гигант мог позволить такие масштабные эксперименты, в ходе которых были «стёрты» тысячи пуансонов и отправлено в переплавку около 50 тысяч стволов.

К началу 1936 года желаемый результат был достигнут: нашли нужную форму пуансона, подобрали смазку и определили толщину ствола. Время нарезки сократилось с 50 минут до одной, а производительность выросла с 6-7 до 240-250 стволов за смену. Разница была разительной» [11, с. 16-19].

Помимо создания непосредственно модернизированной винтовки, Ижевский завод также должен был создать атлас чертежей по изменённым деталям, который бы использовался другими оружейными предприятиями нашей страны для производства винтовки Мосина. В этот атлас должны были войти следующие элементы: общий вид винтовки, общий вид винтовки в разрезе с указанием допусков на главнейшие соединения и взаимодействия частей до выстрела, после выстрела и при постановке на предохранительный взвод, чертежи собранных механизмов винтовки (кусты): затвор, магазин, ствол с прицелом, коробка со спусковым механизмом и отсечкой отражателем, ложа с наконечником, затылком, пружинами, глазками, негелем, шомполом и шомпольным упором, ствольная накладка, штык с защёлкой и, наконец, чертежи отдельных деталей винтовки [4, с. 10].

Особенности работы Ижевского оружейного завода в межвоенный период

Важной задачей молодого советского государства стало восстановление промышленности после окончания Гражданской войны. Большое место уделялось Ижевскому заводу. По прогнозам, к 1924 г., когда должно было

произойти оздоровление предприятия, выпуск винтовок в месяц должен был составить 25 000 штук [3, Л. 130-131]. Однако, в том же 1924 г. было выявлено некондиционное изготовление винтовок заводом [8, Л. 50-54], что может говорить о том, что восстановление предприятия ещё не было закончено и те мощности, которыми оно располагало, не позволяло изготавливать высококачественный продукт.

В 1930-е гг. значительным достижением при производстве винтовок стало то, что произошла унификация деталей, потому как ранее ситуация была в этом отношении была очень сложной [2, Л. 66-73]. Для проверки того, что детали, производимые на заводах, являются одинаковыми, был установлен следующий порядок: «винтовки – каждый квартал Ижевский завод должен посылать 10-20 винтовок на Тульский завод, где их разбирают, смешивают с деталями 10-20 винтовок Тульского завода. Из всех смешанных деталей собираются 20-40 винтовок, которые должны удовлетворять всем требованиям технических условий» [2, Л. 66-73]. Это нововведение значительно облегчило ремонт оружия в полевых условиях, а значит, и эффективность боевых действий.

Помимо этого, когда был осуществлён переход на винтовку образца 1891/1930 гг. завод испытывал нехватку квалифицированных рабочих, о чём говорит докладная записка начальнику технико-производственного управления оружейного объединения, написанная директором Ижевского завода: «Перед заводом стоят большие трудности, так как завод располагает крайне незначительным количеством слесарей, фрезеровщиков и токарей для их (винтовок) изготовления» [8, Л. 50-54].

Интересно отметить, что, по официальным данным, в 1938 г. в Кирове возникла антисоветская организация. Особое внимание ее члены уделяли Ижевскому заводу, организации на нем диверсий, аварий, выпуска массового брака [7, Л. 130-145]. Такая деятельность была особенно опасна в условиях приближающейся войны. Производство некачественной стали, не соответствовавшей стандартам, могло негативно сказаться на выпуске в целом всей продукции, в том числе и вооружения. С другой стороны, можно предположить, что органы государственной безопасности сознательно сфабриковали это дело в рамках организации массовых репрессий против выявленных «врагов народа».

Важное место в 1920-е гг. имело сотрудничество СССР с иностранными промышленниками, например, концерном Круппа, чьи специалисты посещали Ижевский оружейный завод с целью проведения консультаций и выдвигению предложений по реорганизации производства [1, Л. 4-10].

Подводя итоги, важно сказать, что производство винтовки Мосина на Ижевском оружейном заводе в межвоенный период (1920–1930-е гг.) стало важным этапом в развитии советской оружейной промышленности. Несмотря на трудности послереволюционного восстановления, завод не только возобновил массовый выпуск «трехлинейек», но и провёл их глубокую модернизацию, адаптировав оружие к требованиям времени. Введение унифицированных деталей, автоматизация производства, внедрение новых технологий (таких как дорнирование стволов) и оптимизация производственных процессов позволили значительно повысить качество и объёмы выпуска. Модернизация 1930 г. устранила многие недостатки винтовки, сделав её более надёжной и удобной в эксплуатации.

Однако производственный процесс сталкивался с проблемами, включая некондиционную продукцию в 1920-х гг., вредительство (хотя этот вопрос требует детального выяснения) и необходимость постоянного контроля качества. Тем не менее, Ижевский завод успешно справился с этими вызовами, став ключевым поставщиком стрелкового оружия для СССР к началу Второй мировой войны.

Таким образом, межвоенный период стал временем не только восстановления, но и качественного преобразования производства винтовки Мосина, что заложило основу для дальнейшего развития советской оружейной промышленности в преддверии глобальных военных конфликтов.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8418. Оп. 4. Д. 84. Л. 4–10.
2. ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 10. Д. 30. Л. 66-73.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 2. Д. 17. Л. 98-119, 121-128, 130-131.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 803. 40.

5. ЦГА УР Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 744. 191.
6. ЦГА УР Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 1068. 74
7. Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 845. Л. 130–145.
8. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 377. Л. 50-54,43 об.-44 об.
9. *Драгунов М.Е.* Ижевское оружие: шаги истории Ижевск, 2024. 120 с.
10. *Жук А.Б.* Стрелковое оружие. Революция, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулемёты, автоматы. М.: Воениздат, 1992. 735 с.
11. *Новиков В.Н.* Накануне и в дни испытаний. М.: Политиздат, 1988. 398 с.
12. *Родин И.П.* Материальная часть и ремонт 7,62 мм. винтовки обр. 1891-1930 г. М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1939. 242 с.
13. *Родионов Н.А.* История оружейного производства в Удмуртии (XIX - XXI вв.) Ижевск, 2009. 320 с.
14. *Устинов Д.Ф.* Во имя Победы. М.: Воениздат, 1988. 319 с.
15. *Фёдоров В.Г.* История винтовки. М.: Военное издательство народного комиссариата обороны Союза ССР, 1940. 256 с.
16. *Шумилов Е.Ф.* Два века «Ижмаша»: Истоки. Лидеры. Технологии. Конструкции. Династии. Культура. Быт. (Том второй.) Завод заводов. 1917 - 2007. Ижевск: ЗАО «Ижмашпринт», 2007. 721 с.

Федотов Рашид Ризванович

Военно-историческое наследие Б.М. Шапошникова

Аннотация. В статье предпринята попытка кратко охарактеризовать обширное военно-историческое наследие советского маршала и военного теоретика Б.М. Шапошникова, представленное его изданными работами. Источниковая база исследования репрезентована опубликованными трудами военачальника и неопубликованными материалами Российского государственного военного архива (РГВА). По результатам исследования был сделан вывод о значимости работ Б.М. Шапошникова в контексте развития советской военной и военно-исторической науки 1920-х – 1930-х гг. Его научно-публикационная активность представляет собой несколько этапов, отличающихся как по масштабу, так и по направлению рассматриваемых им вопросов.

Ключевые слова: Б.М. Шапошников, военная история, военная теория, «Военное дело», Гражданская война, советско-польская война, «Мозг армии», А.Е. Снесарев, Генеральный штаб РККА, «Военно-исторический журнал».

The military historical legacy of Marshal B. M. Shaposhnikov

Abstract. The article attempts to briefly characterize the extensive military historical legacy of the Soviet marshal and military theorist B.M. Shaposhnikov, represented by his published works. The source base of the research is represented by the published works of the military commander and unpublished materials of the Russian State Military Archive (RGVA). Based on the results of the study, it was concluded that the work of B.M. Shaposhnikov was significant in the context of the development of Soviet military and military historical science in the 1920s - 1930s. His scientific

and publishing activity consists of several stages, differing both in scale and in the direction of the issues he considers.

Keywords: B.M. Shaposhnikov, military history, military theory, “Military affairs”, Civil War, Soviet-Polish War, “The Brain of the army”, A.E. Snesev, General Staff of the Red Army, “Military Historical Journal”.

Борис Михайлович Шапошников (1882-1945 гг.) – видный представитель советской военной элиты первой половины XX в. Он трижды возглавлял один из ключевых органов управления Вооруженными Силами Советского Союза – в 1928-1931 гг. Штаб РККА, в 1937-1940 гг. Генеральный штаб РККА. Третье его пребывание на этой должности пришлось на 1941-1942 гг., т.е. на начальный период Великой Отечественной войны.

Помимо административной деятельности не меньший интерес представляют работы Б. М. Шапошникова в области отечественной военной науки. Так, его фундаментальный труд «Мозг армии» стал одним из классических произведений, заложивших основу советской военной высшей школы. Однако его военно-историческое наследие представлено значительно более широким спектром работ: монографии, очерки, сборники документов, некрологи и др.

Направления и динамика научно-исследовательской деятельности Б. Шапошникова не могли не испытывать влияние тех тенденций и трансформаций, которые происходили в Рабоче-Крестьянской Красной Армии с момента начала ее формирования в 1918 г. Общественная актуальность темы обоснована тем, что к осмыслению результатов творческой деятельности Б.М. Шапошникова на современном этапе активно продолжают обращаться в российских военных учебных заведениях различных уровней [8], что подчеркивает необходимость изучения и обновления представлений о роли выдающихся военачальников и их вкладе в развитие военно-исторической науки.

Цель статьи – охарактеризовать военно-историческое наследие Б.М. Шапошникова, представленное в основном его изданными работами. Источниковую базу исследования составляют как опубликованные труды Б.М. Шапошникова, так и неопубликованные, представленные материалами Российского государственного военного архива (РГВА). Методологическую

основу работы составляют историко-нарративный, историко-биографический и контент-анализа методы исторического исследования.

В советский период попытку осмысления военно-исторического наследия Б.М. Шапошникова с точки зрения марксистско-ленинской теории предпринял П.Г. Жилин [14], а также коллектив Института военной истории Министерства обороны СССР, издав соответствующий сборник [5]. На современном этапе особый интерес представляет работа отечественного историка А.В. Ганина [11], посвященная анализу инцидента, связанного с публикацией на страницах журнала «Военное дело» в разгар советско-польской войны в 1920 г. статьи Б.М. Шапошникова «Первые боевые шаги маршала Пилсудского». Отдельным аспектом его научной работы, в частности, разбору его ключевого труда «Мозга армии», посвятили свои работы А.А. Кривопапов [16], А.Ю. Голубев [13], П.М. Иванихин, И.И. Желнов, Н.М. Кирсанова [18] и др. Однако не менее интересной представляется попытка составить комплексную картину полного публикационного наследия Б.М. Шапошникова.

По признанию самого Б.М. Шапошникова, интерес к военной истории зародился у него в 1907-1910 гг., т.е. в годы обучения в Николаевской академии Генерального штаба [56, с. 169]. Дальнейшее свое развитие эта склонность получила во время прохождения им службы в Туркестанском и Варшавском военных округах. Например, весной 1914 г. старший адъютант штаба 14-й кавалерийской дивизии Б.М. Шапошников выступил в Варшаве на собрании офицеров Генерального штаба Русской императорской армии с докладом по теме «Действия конницы в Балканской войне 1912–1913 гг.». Период участия в Первой мировой войны в качестве офицера штаба как армейского, так и фронтового уровней стал для Б.М. Шапошникова ценным практическим опытом для будущих теоретических изысканий.

Начало публикационной деятельности Б.М. Шапошникова пришлось на 1918 г., когда он приступил к тесному сотрудничеству с редакцией ново-созданного журнала «Военное дело» [19], ориентированного на рядовой и командный состав РККА. Журнал публиковал работы, посвященные как актуальным событиям Гражданской войны, так и попыткам осмысления до-революционной отечественной и зарубежной военной истории. Публикации второй направленности превалировали, за что журнал впоследствии подвергся критике со стороны военачальника М.Н. Тухачевского.

Основная и наиболее важная в содержательном отношении часть статей по тематике Гражданской войны в России принадлежала именно перу начальника Оперативного отдела Полевого штаба Реввоенсовета РСФСР Б.М. Шапошникова. Ввиду своей профессиональной и практической осведомленности о текущем состоянии дел на фронтах он в своих «Обзорах боевых действий Красной Армии» [24-30] представлял краткую, но понятную для целевой аудитории характеристику действий РККА на различных театрах военных действий, разделяя их по географическому признаку.

Военно-исторические публикации Б.М. Шапошникова в «Военном деле» были посвящены кавалерийским частям с использованием и учетом опыта Гражданской войны в США, а также Первой мировой войны. В 1920 г., в разгар советско-польской войны, увидела свет статья Б.М. Шапошникова «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» [31], которая вызвала серьезный политический резонанс со стороны советского военно-политического руководства. Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий серьезным образом отреагировал на публикацию подобного рода «полонофобской статьи», что привело к закрытию журнала и расследованию в отношении деятельности сотрудников и авторов редакции. Как подчеркивает доктор исторических наук А.В. Ганин, Б.М. Шапошников вряд ли руководствовался какими-либо острыми политическими соображениями при написании статьи, он просто не учел контекста и не разобрался в хитросплетениях политических аспектов партийных доктрин [10, с. 192].

В период Гражданской войны из-под пера Б.М. Шапошникова также вышли статьи, ставившие своей задачей осмыслить опыт действий красной конницы в войне, а также конницы Русской императорской армии в Первой мировой войне [33-34].

В период 1921-1927 гг. Б.М. Шапошников в своих статьях, с одной стороны, продолжал прежнюю исследовательскую линию, а, с другой, обратился к более крупным военно-теоретическим вопросам. Так, под его редакцией, совместно с В.А. Антоновым-Овсеенко, выходит обобщающая аналитическая работа действий различных советских фронтов в период Гражданской войны [6]. В 1923 г. Б.М. Шапошников подготовил работу «Абрис современной стратегии», являющуюся, по существу объемной рецензией на лекции по стратегии профессора и видного военного историка А.М. Зайончковского [4].

В 1924 г. печатается первая крупная научная работа Шапошникова в жанре монографии «На Висле. К истории кампании 1920 года» [44], в которой Борис Михайлович старается выявить причины поражения РККА в 1920 г. под Варшавой и пытается определить предпосылки для польской победы – т.н. «чуда на Висле». В работе автор подверг обоснованной критике действия командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского. Как подчеркивает отечественный исследователь А.А. Кривопапов, такая критика «... не в последнюю очередь была продиктована стремлением самого Шапошникова снять ответственность за неудачу с Полевого штаба Реввоенсовета Республики» [15, с. 128].

Следующий период научного творчества Б.М. Шапошникова связан с пребыванием его в должности командующего Московским военным округом в 1927-1928 гг., и назначением его на должность начальника Штаба РККА (1928-1931 гг.). Находясь на высоких военно-административных должностях и накопив значительный практический опыт, а также сформировавшись как историк-исследователь, Б.М. Шапошников выпустил в 1927 г. первую книгу своего центрального и фундаментального труда «Мозг армии» [45], в которой на основе опыта функционирования Генерального штаба Австро-Венгрии в 1914-1918 гг. разбирает ключевые вопросы принятия решений и их реализации органами военно-политического руководства. Исследователь привлек значительную источниковую базу, представленную отечественными и зарубежными публикациями архивных документов и источников личного происхождения. Выбор в качестве примера для анализа именно австро-венгерского опыта выглядел менее вызывающим в сравнении с германским [16, с. 213].

В 1929 г. увидели свет вторая и третья книги «Мозг армии» [46-47]. В этой работе Б.М. Шапошников смог серьезно подчеркнуть прямую и неразрывную взаимосвязь между принятием политических решений и организацией военных мероприятий, из них вытекающих. Как считает А.А. Кривопапов, основная мысль, которую стремился донести автор, это опасность выхода военно-политической обстановки из-под контроля правительственных кругов [16, с. 212]. Подобный подход к проблеме виделся Б.М. Шапошникову актуальным для молодого советского государства.

В 1927 г. в журнале «Война и революция» бывший генерал и видный военный теоретик А.Е. Снесарев опубликовал свою рецензию на первый

том «Мозга армии». Он высоко оценил данный труд с точки зрения вклада в развитие советской военной мысли, вместе с тем, выявив ряд недостатков технического и источниковедческого свойства. В целом, А.Е. Снесарев высоко оценивал работу Б.М. Шапошникова, сравнив ее с «богато снаряженным кораблем», который «не перемывает лишь на тысячу ладов, как и другие труды, чисто техническое наследие мировой войны» [57, с. 801].

Следующий период научной публикационной деятельности Б.М. Шапошникова, а именно 1930-1939 гг., характерен спадом его активности, скорее всего, по причине загруженности военно-административной деятельностью. В рассматриваемый период Б.М. Шапошников подготовил ряд статей для советской периодической печати, в частности, для газет «Правда» и «Известия». Выходят написанные им некрологи на П.П. Лебедева, С.С. Каменева, М.В. Фрунзе, людей, с которыми он имел тесные профессиональные отношения в период Гражданской войны и в 1920-е гг. Также выходит ряд публикаций, связанных с Военной академией им. М.В. Фрунзе, которой Б.М. Шапошников в 1932-1935 гг. руководил. Не обошел он стороной и деятельность своего непосредственного начальника К.Е. Ворошилова, которому он посвятил отдельную статью [3]. Дальнейшее развитие в виде полноценной научной работы у Б.М. Шапошникова получила тема советско-польской войны 1920-1921 гг. [51].

В 1930 г. Б.М. Шапошников уже сам выступает рецензентом на книгу А.А. Свечина «Будущая война и наши военные задачи» [1]. Полемика, завязавшаяся между двумя видными военными теоретиками, представляется отдельной темой для исследования.

В 1939 г. приказом Народного комиссариата обороны был создан «Военно-исторический журнал», первым ответственным редактором которого был назначен начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников [7, с. 53], в предыдущие годы уделявший вопросам военной истории серьезное внимание. По свидетельству военного историка А.Е. Болтина, занимавшего пост заместителя ответственного редактора, Б.М. Шапошников, ввиду загруженности по линии Генерального штаба, не мог уделять журналу значительного времени, однако готовившиеся номера просматривал и утверждал, на что указывает случай с подготовкой первого номера в августе 1939 г. [7, с. 54]. В совокупности статьи первого номера журнала имели ярко выражен-

ный антигерманский характер. Б.М. Шапошников как ответственный редактор, учитывая изменения международной обстановки, отдал необходимые распоряжения в конце августа 1939 г. о пересмотре состава текущего номера и подготовке принципиально нового по структуре и содержанию издания «Военно-исторического журнала».

Отдельное внимание Б.М. Шапошников в 1939-1945 гг. уделял работе реорганизованного 1-го отдела Генерального штаба РККА, занимающегося военно-историческими исследованиями и разработкой военной теории. По его инициативе изучение сотрудниками этого отдела опыта Великой Отечественной войны началось уже в 1941 г. Линия работы сотрудников военно-исторического отдела, заложенная начальником Генерального штаба в начале войны, сохранялась вплоть до 1945 г. [9, с. 31]. Создаваемые коллективом отдела научные работы в 1941-1942 гг., несмотря на колоссальную нагрузку, Б.М. Шапошников тщательно просматривал с редакторской и фактической точки зрения (например, работы «Оборона Севастополя» (1942 г.) и «Оборона Одессы» (1942 г.) [9, с. 29]. Кульминацией работы Б.М. Шапошникова в этом направлении можно считать изданную в 1943 г. работу «Разгром немецких войск под Москвой» [17], в последние годы выдержавшую ряд переизданий. В работе стиль Б.М. Шапошникова ярко выражен – и в лаконичности текста, и в манере изложения.

В последние годы жизни и работы, в 1943-1945 гг., Б.М. Шапошников работал над своими воспоминаниями, в которых нашла отражение его жизнь и военная служба до 1915 г. Рукопись впоследствии была опубликована в «Военно-историческом журнале» [54-55], а в начале 1970-х гг. издана полноценным книжным вариантом [56]. Воспоминания Б.М. Шапошникова – ценный источник для изучения службы и повседневности офицеров Русской императорской армии начала XX в., а также образец научного труда, посвященного начальному этапу участия Российской империи в Первой мировой войне.

Подводя итог, стоит сказать, что научно-публикационная активность Б.М. Шапошникова представляет собой несколько этапов, отличающихся как по масштабу, так и по направлению рассматриваемых им вопросов: 1918-1920 гг., 1921-1927 гг., 1927-1929 гг., 1930-1939 гг. и 1939-1945 гг. Б.М. Шапошников внес значительный вклад в развитие отечественной военно-истори-

ческой науки первой половины XX в. В своих работах он освещал широкий спектр вопросов, включая как разбор конкретных аспектов военного опыта прошлого, так и рассмотрение актуальных вопросов военной и военно-исторической науки 1920-х – 1930-х гг.

Список источников и литературы

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 5. Оп. 1. Д. 123.
2. РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 176. Л. 107-108.
3. РГВА. Ф. 30219. Оп. 1. Д. 9. Л. 5-10.
4. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 347. Л. 31-71.
5. Б.М. Шапошников и его военно-теоретическое наследие. М.: Воениздат, 1983. 215 с.
6. Боевая работа Красной армии и флота, 1918-1923 / Под общ. ред. В.А. Антонова-Овсеенко и Б.М. Шапошникова. М.: Высш. Воен.-ред. совет, 1923. 95 с.
7. *Болтин Е.А.* Командарм 1 ранга Б.М. Шапошников: «Такой номер сейчас нельзя выпускать, он поссорит нас с Германией!» // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 53-58.
8. *Верлуп С.В.* Военно-теоретическое наследие маршала Б.М. Шапошникова в современном осмыслении // Вестник Академии военных наук: ежеквартальный военно-научный журнал. 2017. № 1. С. 67 - 77.
9. *Воробьев Ф.Д.* На службе в Генеральном штабе. Воспоминания военного историка. 1941-1945 гг. М.: Центрполиграф, 2024. 223 с.
10. *Ганин А.В.* 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917-1922 гг. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 704 с.
11. *Ганин А.В.* Дело о «природном «езуитстве» ляхов». Лев Троцкий против полонофобии военспецов // Славянский альманах. 2017. № 1-2. С. 121-143.
12. *Ганин А.В.* Недоучились «Военному делу» настоящим образом... // Родина. 2023. № 1. С. 110-113.
13. *Голубев А.Ю.* Состояние военной научной мысли в СССР (1930-1940 гг.) // Военная мысль. 2022. № 7. С. 16-22.
14. *Жилин П.А.* О войне и военной истории. М.: Наука, 1984. 543 с.
15. *Кривопапов А.А.* В тени теории глубокой операции. Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926-1941 гг. М.: Яуза: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», 2022. 400 с.
16. *Кривопапов А.А.* Научное наследие маршала Б.М. Шапошникова и проблемы

- современной стратегии // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16, № 5. С. 204-221.
17. Разгром немецких войск под Москвой. (Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г.-31 янв. 1942 г.) / Под глав. ред. маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова. М.: Воениздат, 1943.
 18. Уроки стратегии Маршала Шапошникова // Военная мысль. 2023. № 11. С. 136-145.
 19. Шапошников Б.М. Месяц в тылу противника // Военное дело. 1918. № 27.
 20. Шапошников Б.М. Мираж и действительность // Военное дело. 1919. № 2.
 21. Шапошников Б.М. Обзор боевых действий Красной Армии (с 7 ноября по 1 декабря) // Военное дело. 1919. № 34-35.
 22. Шапошников Б.М. Рейды конницы // Военное дело. 1919. № 28-29.
 23. Шапошников Б.М. Конные массы // Военное дело. 1919. № 34-35.
 24. Шапошников Б.М. Обзор боевых действий Красной Армии за декабрь 1919 г. // Военное дело. 1920. № 1.
 25. Шапошников Б.М. Обзор боевых действий Красной Армии в январе 1920 г. // Военное дело. 1920. № 2.
 26. Шапошников Б.М. Обзор боевых действий Красной Армии в феврале 1920 г. // Военное дело. 1920. № 4.
 27. Шапошников Б.М. Обзор боевых действий Красной Армии в марте 1920 г. // Военное дело. 1920. № 9.
 28. Шапошников Б.М. Милиционная конница // Военное дело. 1920. № 10, 12.
 29. Шапошников Б.М. Обзор боевых действий Красной Армии в апреле 1920 г. // Военное дело. 1920. № 11.
 30. Шапошников Б.М. Обзор боевых действий Красной Армии в мае 1920 г. // Военное дело. 1920. №13.
 31. Шапошников Б.М. Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. №13.
 32. Шапошников Б.М. Польская армия // Военное дело. 1920. №15.
 33. Шапошников Б.М. Очерки из действий русской конницы в мировую войну // Военное дело: Сборник статей по военному искусству / М.: ред. «Военное дело», 1919. Вып. 1.
 34. Шапошников Б.М. Современное значение конницы и ее задачи // Военное дело: Сборник статей по военному искусству / М.: ред. «Военное дело», 1920. Вып. 2.

35. Шапошников Б.М. Армейская конница в маневренной войне // Сборник статей по военному искусству / Высш. воен. ред. сов. М.: Гос. изд., 1921. 219 с.
36. Шапошников Б.М. Кавалерийские очерки // Военный вестник. 1921. № 6, 8, 10.
37. Шапошников Б.М. Конные массы на фланге армии // Революция и война. 1921. № 1, 2.
38. Шапошников Б.М. Конница в Гражданской войне // Революция и война. 1921. № 6, 7.
39. Шапошников Б.М. Два опыта // Военный вестник. 1922. № 7.
40. Шапошников Б.М. Красная конница // Политработник. 1923 № 1-2.
41. Шапошников Б.М. Свержение богов // Военный вестник. 1923. № 7.
42. Шапошников Б.М. Мечты Мюрата наших дней // Военный вестник. 1923. № 9, 10.
43. Шапошников Б.М. Конница (Кавалерийские очерки). М.: Высш. воен. ред. сов., 1923. 266 с.
44. Шапошников Б.М. На Висле. К истории кампании 1920 года. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 206 с.
45. Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн. I. М.: Военный вестник, 1927. 259 с.
46. Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн. II. М.: Военный вестник, 1929. 263 с.
47. Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн. III. М.: Военный вестник, 1929. 379 с.
48. Шапошников Б.М. Первый выпуск особой группы // Красная звезда. 26.08.1932. № 197.
49. Шапошников Б.М. Кузница командных кадров // Красная звезда. 23.11.1933. № 269.
50. Шапошников Б.М. Он давал пример подлинно кипучей деятельности (памяти П.П. Лебедева) // Красная звезда. 04.07.1933. № 152.
52. Шапошников Б.М. На пороге 16-ого года // Известия. 18.01.1934. № 16.
53. Шапошников Б.М. Жизнерадостный и неутомимый (памяти С.С. Каменева) // Красная звезда. 27.08.1936. № 197.
54. Шапошников Б. М. Пройденный путь, 1882-1915 гг. // Военно-исторический журнал. 1966. № 6-9.
55. Шапошников Б. М. Пройденный путь, 1882-1915 гг. // Военно-исторический журнал. 1967. № 1, 3, 6.
56. Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. 574 с.
57. Шапошников Б.М. Мозг армии. М.: О-во сохранения литературного наследия, 2016. 823 с.

Харина Виктория Михайловна

Музейная выставка как катализатор исследования: реконструкция истории семьи Палкиных по вновь открывшимся источникам

Аннотация. Исследование посвящено истории семьи Палкиных из села Хлыновского – ныне части города Кирова. На основе писем времён Первой и Второй мировых войн, семейных фотографий и воспоминаний потомков восстановлены биографии Василия, Михаила, Аркадия и Евгения Палкиных. В научный оборот введены новые источники – личные документы, фотографии, устные свидетельства. Показано, что музейная выставка может выступать не только формой экспозиции, но и исследовательским инструментом, объединяющим архив, предмет и человеческую память. Создана цифровая копия семейного архива, ставшая основой новой исследовательской базы Кировского краеведческого музея и Музея воинской славы.

Ключевые слова: Палкины; Вятка; Киров; Кировский краеведческий музей; Музей воинской славы; Письма; Первая мировая война; Великая Отечественная война; Семейная память; Литературный кружок.

Abstract. The study explores the history of the Palkin family from Khlynovskoe, now part of the city of Kirov. Based on wartime letters, family photographs, and oral testimonies, the research reconstructs the biographies of Vasili, Mikhail, Arkady and Yevgeniy Palkin. New sources – personal documents, photographs, and interviews – have been introduced into scholarly use. The project demonstrates that a museum exhibition can serve not only as a display form but also as a research tool connecting archives, material culture, and personal memory. A digital copy of the family archive was created as a basis for a new research database of the Kirov Regional Museum of Local Lore and the Museum of Military Glory.

Keywords: Palkin family; Vyatka; Kirov; Kirov Regional Museum of Local Lore; Museum of Military Glory; Letters; World War I; Great Patriotic War; Family memory; Literary circle.

В последние годы в музейной сфере всё более очевидной становится тенденция расширения традиционных функций. От статуса хранителя и коммуникатора культурного наследия музей постепенно превращается в активный исследовательский центр, где инициируется поиск новых источников и формируется научное знание. Особенно ярко этот потенциал проявляется в выставочных проектах, объединяющих документальные, личные и вещественные свидетельства.

Одним из таких проектов стала выставка «Письма твои получаю», проходившая в Музее воинской славы города Кирова – отделе Кировского областного краеведческого музея им. П. В. Алабина – с ноября 2024 по февраль 2025 гг. Экспозиция была посвящена письмам как особому виду исторического источника, фиксирующему не только факты, но и эмоциональный опыт эпохи. На примере переписки солдат и их семей, охватывающей периоды Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, музей стремился показать, как личное слово становится частью коллективной памяти народа.

Одной из центральных историй выставки стала судьба семьи Палкиных, члены которой участвовали в обеих мировых войнах. Первоначально в экспозиции были представлены лишь отдельные письма и одна фотография, но именно эти фрагменты частной истории запустили исследовательский процесс, приведший к обнаружению новых материалов и реконструкции широкого историкокультурного контекста.

Актуальность данного исследования заключается в том, что оно демонстрирует музей как катализатор научного поиска, в котором взаимодействие выставочной и исследовательской деятельности рождает новое знание о прошлом. Опыт музея воинской славы показывает, что даже небольшая экспозиционная инициатива может стать отправной точкой для значимых открытий – в данном случае для восстановления биографии Михаила Ивановича Палкина, вятского поэта, фотографа, книголюбителя и организатора кружка чтения начала XX в., а также его семьи.

Цель статьи – показать, каким образом музейная выставка способна не только представлять экспонаты, но и породить исследовательский процесс, приводящий к уточнению и расширению представлений о конкретной исторической личности и её окружении.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. Проанализировать эпистолярное наследие участника Первой мировой войны Василия Палкина как первоисточник для реконструкции его фронтовой биографии и основу для создания музейной выставки «Письма твои получаю».

2. Проследить, как организация указанной выставки послужила катализатором для установления контакта с живущими в настоящее время членами этой семьи, что привело к выявлению и последующему введению в научный оборот ранее неизвестного комплексного источника – семейного альбома Палкиных.

3. На основе сопоставительного анализа эпистолярных источников и материалов вновь открытого семейного альбома комплексно реконструировать историю нескольких поколений семьи, определив роль Михаила Палкина как связующего звена и проследив преемственность воинского долга у его сыновей в период Великой Отечественной войны.

4. Обосновать на данном примере роль музея не только как хранителя, но и как активного агента по выявлению и актуализации источников личного происхождения для современной исторической науки.

Основной исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом музейная выставка может выступать катализатором историкокраеведческого исследования, объединяя профессиональных музейщиков, исследователей и потомков участников событий?

Таким образом, настоящее исследование находится на пересечении музейной практики, источниковедения и локальной истории, что придаёт ему актуальность в современной гуманитарной повестке и подчёркивает многообразие исследовательских функций региональных музеев.

Историография, связанная с изучением биографии Михаила Ивановича Палкина и его семьи, на сегодняшний день остаётся фрагментарной и во многом опирается на краеведческую традицию. Первые сведения о Михаиле Палкине появились в 1960-е гг. благодаря работам вятского исследователя и библиофила Е.Д. Петряева, чьи публикации заложили основу последующего осмысления культурной жизни Вятки начала XX в. В газетной статье «Берегите стариков» (1969 г.) [31] и особенно в монографиях

«Люди. Рукописи. Книги» (1970) [32, с. 262-265] и «Записки книголюба» (1978) [34, с. 66,151-153] Петряев представил Михаила Ивановича как страстного собирателя книг, организатора кружка чтения и человека, вокруг которого формировалось просветительское сообщество вятских рабочих и ремесленников. Эти труды до сих пор остаются единственным системным источником сведений о личности Палкина и дают ценные контекстуальные ориентиры для реконструкции его деятельности.

Вопрос о творческом наследии Михаила Палкина как поэта впервые был затронут в местной периодике начала XX в. («Вятская жизнь», «Вятский край», «Вятская речь» и др.) [6-30]. Однако в историографии долгое время эти публикации не рассматривались в совокупности, а имя автора оставалось малоизвестным. Лишь исследование Э.Г. Касимовой, опубликованное в сборнике «Первая мировая война и Вятка» (Киров, 2016) [35, с. 119-153], обозначило новый подход к музейным источникам личного происхождения. В статье «Письма из музея» автор раскрыла значение фронтовых писем как материала для изучения исторической памяти региона. Этот пример стал основой для дальнейшего обращения к семейным источникам, в том числе к переписке и фотодокументам Палкиных.

Совокупность этих публикаций задаёт научно-источниковую основу для последующей реконструкции биографии главного героя и выявления его вклада в культурную жизнь Вятского края.

Объектом исследования выступает деятельность музея как культурно-просветительского и исследовательского пространства, где выставочные проекты становятся инструментом выявления и научного осмысления новых исторических источников. Конкретным примером такого опыта служит выставка «Письма твои получаю», реализованная в Музее воинской славы города Кирова.

Предметом исследования является процесс реконструкции истории семьи Палкиных, основанный на анализе и введении в научный оборот личных документов – фронтовых писем, фотографий и устных свидетельств, выявленных в ходе подготовки и проведения выставочного проекта.

Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем источниковедческий, биографический и микроисторический методы. Такой синтез позволил рассматривать личные документы не только как

фактографический материал, но и как проявление культурной и социальной среды своего времени.

Основу анализа составили принципы историко-антропологического подхода: внимание к индивидуальному опыту, интерпретация писем, воспоминаний, фотографий и устных рассказов как полноценных исторических источников. Каждый вид свидетельств рассматривался в контексте личной и семейной истории, что обеспечило целостное восприятие биографии Михаила Палкина и его потомков.

Ключевое значение имела музейно-архивная методика, включающая оцифровку подлинных артефактов, фотоидентификацию. В исследовательский процесс привлекались потомки семьи Палкиных, чьи уточнения, воспоминания и личные материалы рассматривались как часть совместного акта реконструкции – форма «коллективного авторства» памяти.

Для установления подлинности и происхождения источников применялся сравнительно-исторический метод. Он использовался при атрибуции фотографий и писем – сопоставлении надписей, дат, изображённых лиц и деталей униформы с аналогичными материалами из музейных и архивных собраний.

Семья Палкиных: биографическая реконструкция

Семья Палкиных происходила из села Хлыновского – бывшего пригорода Вятки, ныне входящего в состав города Кирова. История этой семьи стала стержнем музейной выставки «Письма твои получаю», отражая судьбы нескольких поколений – от Первой мировой войны до послевоенных десятилетий.

Василий Иванович Палкин

Старший брат Михаила Палкина, уроженец Хлыновского. В начале 1915 г. он был мобилизован и направлен на обучение в Петергоф, где проходил обучение во 2м сводном гвардейском запасном батальоне (4я рота, 1й взвод). С марта 1915 г. Василий подробно описывает в письмах брату Михаилу и матери Ольге Ильиничне Палкиной учёбу, быт, армейскую дисциплину, долгие месяцы ожидания отправки на фронт: «Некоторые будут встречать Пасху с мамками и со всей семьей, а я буду лежать на нарах да думать о том, да о

другом. Миша, я не жалею Петрограда, потому что там очень строго и некуда не отпускают, и там очень много начальства. Нас учат уже с винтовками, а пока еще не обмундировали. ...у меня прививали воспу, от воспы на руке сделалось воспаление, потом болит голова и горло, пока хожу в околоток» [35, с. 125].

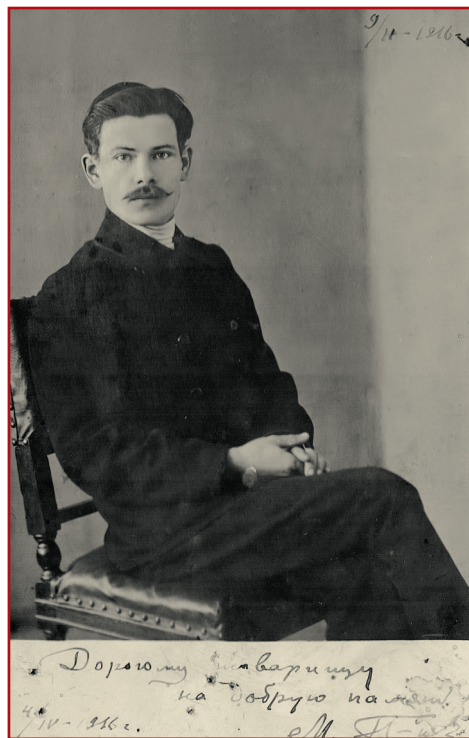
На передовой Василий оказывается только через четыре месяца после его призыва, хотя обучение должно было занимать всего 6 недель. Весной его переводят в Кексгольмский лейб-гвардии полк, а к лету – в Павловский полк, в составе которого он принимает участие в Виленской операции.

Виленская операция была оборонительной операцией, проведенной 10-й и 5-й армиями русского Западного фронта во время Первой мировой войны в районе Вильно (современный Вильнюс) в августе-сентябре 1915 г. Она стала частью более крупной стратегии обороны против немецкой армии, которая планировала окружить русские войска в районе Вильно. Одним из ключевых эпизодов операции стал Свенцянский прорыв, когда немецкие силы пытались прорваться между русскими армиями.

Цель Виленской операции заключалась в защите стратегически важного города Вильно и предотвращении окружения и уничтожения находящихся там русских войск. Немецкие войска, под руководством генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга, стремились прорвать русскую оборону, окружить и разгромить основную часть русских сил в этом регионе. Однако русское командование ответило на эту угрозу, усилив свои силы и предпринимая контратаки, чтобы удержать территорию и не допустить полного окружения.

Под Вильной Василий был тяжело ранен шрапнелью (в голову, руки, ноги и спину) и доставлен в Витебский госпиталь, где 29 сентября 1915 г. умер от ран. Его гибель была подтверждена документально [31, с. 9784], письмами сестёр милосердия и сослуживцев: «Его ранило в последнем бою. Его ранило сначала в ногу выше колени, в правую ногу. ...Он был у нас наблюдателем в окопах, в аккурат только меня сменил. Он просидел не более 20 минут. Когда его ранило, он из окопов хотел приползти к нам в землянки, и его в это время шрапнелью и осыпало. На нем всю шинель избило в дыры. Когда его шрапнелью осыпало, его воздухом выбросило к нашим землянкам, и он сильно кричал нас по фамилии...» [35, с. 152].

30 сентября Василий был похоронен на военном кладбище Витебска. Данная биография составлена на основе писем Василия домой в Вятку брату Михаилу и их матери. Цикл сохранившихся писем – редкий пример фронтовой эпистолярной хроники Первой мировой войны – стал основой экспозиционного раздела о братской памяти.

**Михаил Иванович Палкин,
Вятка, 1916 г.**

Михаил Иванович Палкин

Брат Василия Михаил родился в 1887 г. Окончил три класса церковно-приходской школы, с тринадцати лет работал столяром, как и его отец. После непродолжительной службы в армии вернулся к ремеслу, работал в свечной лавке, а с 1923 г. перешёл на бухгалтерскую работу, которую продолжал до выхода на пенсию.

Отличался глубоким стремлением к самообразованию: вместо отдыха в рабочие перерывы копил деньги на книги, создавая собственную библиотеку. Так появилась «читальня Палкина» – домашний кружок соседей и единомышленников, действовавший ещё до революции, существовавший и после Великой

Отечественной войны. На собраниях обсуждали литературу, социальные вопросы, читали вслух. В этих встречах принимал участие краевед Е.Д. Петряев. На книгах своей библиотеки Михаил ставил личный оттиск «М.И.П» [5].

Писатель и поэт-самоучка, он опубликовал около 30 стихотворений в четырёх вятских газетах («Вятский край», «Вятская жизнь», «Вятская речь», др.) в 1906 – 1926 гг. Самое первое стихотворение [6] было опубликовано под псевдонимом «Рабочий М. П-н»:

**Михаил Иванович
Палкин
в свечной лавке.
Вятка, к. 1910-х**

**Предположительное
место работы
М. И. Палкина –
Вятская губернская
касса социального
страхования,
1920-е гг.**

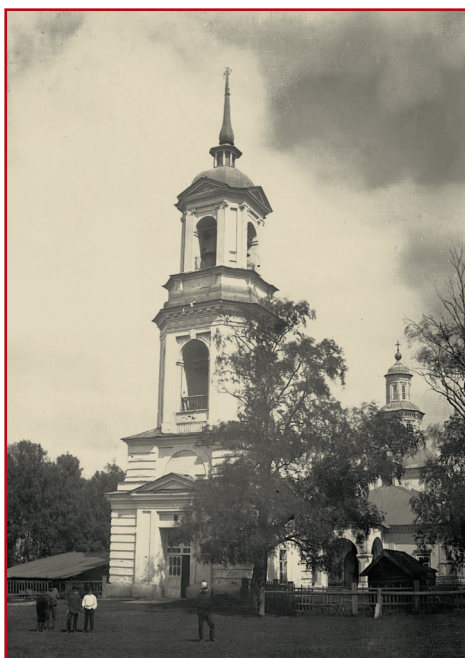
Не рабство – тупую покорность –
Взлелеял я в юной груди:
За братьев трудящихся вольность
Решил я хоть на смерть идти.
И смело я выйду бороться

С неправдой и тьмой вековой,
И много трудящихся братьев
Идет уж дорогою той...

В 1907 г. Михаил направил свои стихи редактору журнала «Русское богатство» поэту П.Ф. Якубовичу, который дал ему отзыв – этот контакт подтверждён мемуарами Е. Петряева. [33, с. 262] Сообщения о знакомстве с А. М. Горьким и А. С. Грином основаны на устных свидетельствах внучки. Переписка с ними, по её словам, была передана краеведу А. Реве и утрачена.

Елена Анатольевна в детстве

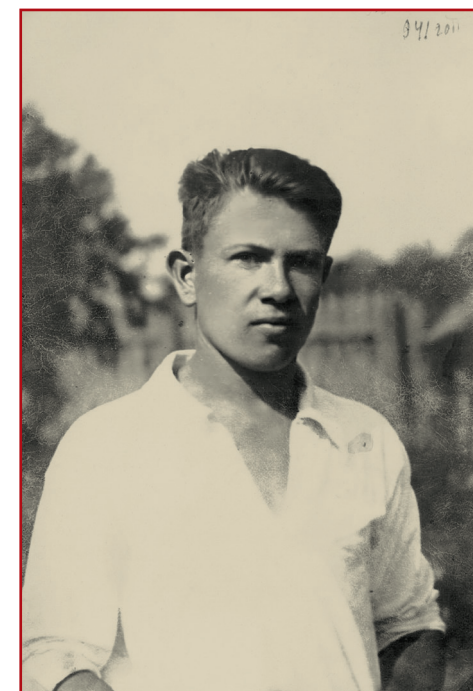

Спасская Хлыновская церковь, колокольня. г. Вятка, 1890-е гг.

Помимо литературы Михаил увлекался фотографией – снимки он, возможно, пересылал брату Василию на фронт [35, с.130]. В быту проявлял черты собирателя и экспериментатора: занимался садоводством, разводил редкие сорта яблонь и помидоров (удобрения высылала сестра из Санкт-Петербурга), продавал урожай на местном базаре [5]. В 1930е гг. семью раскулачили; первая жена Михаила, Елена Анатольевна Палкина, происходила из дворянской семьи. Умер

Елена Анатольевна в юности,
г. Вятка

Аркадий Михайлович Палкин,
июль 1941 г., Киров

Михаил Иванович Палкин 9 декабря 1972 г. Шкаф, в котором он хранил книги, обещан семьёй к передаче в музей; он рассматривается как предмет-символ, воплощающий идею личного просвещения.

Аркадий Михайлович Палкин

Старший сын Михаила Ивановича. Родился в 1923 г. Окончил Севастопольское военное училище, с первых дней Великой Отечественной войны – на фронте. Командир взвода 13-й гвардейской механизированной бригады, гвардии лейтенант. Погиб 19 июля 1943 г. в бою за село Мариновка Донецкой области. Незадолго до гибели написал отцу: «...находимся в степи, скоро тронемся с места и будем бить немцев, как требует Родина» [1]. Позднее был перезахоронен в Ростовской области, на хуторе Исаев [5].

Евгений Михайлович Палкин на фронте во время Великой Отечественной войны с командиром отделения

Евгений Михайлович Палкин.
6 июля 1945 г.

Евгений Михайлович Палкин

Младший сын Михаила, родился в 1925 г. Во время Великой Отечественной войны – сначала водитель, позже связист, отличился в разведке, доставив «языка» в штаб, за что был поощрён командованием. На его долю выпало рассказать о гибели брата отцу: «Добрый день, здравствуй папа! Шлю свой горячий красноармейский привет. Папа на днях я получил от тебя письма, а вчера получил письмо от Аркашинова товарища – Петренко Влад. Васильевича, в котором он сообщил, что его убило осколком при отражении авиации противника. Еще он пишет, что они послали тебе вкладную книжку Аркаши.

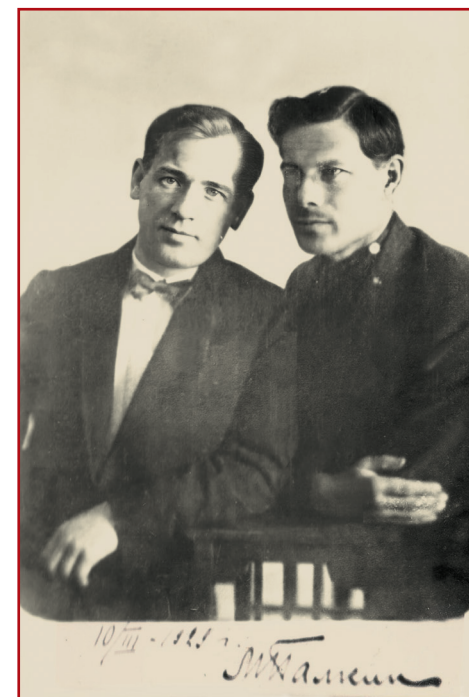
Я живу хорошо, машина у меня на ремонте в Калуге. Воронцов Ген-

надий живет тоже хорошо, часто ездит на машине. Погода здесь часто меняется, то идет дождь, то бывает очень жарко. Живем мы в леску, где недавно были фрицы. Обо мне не беспокойся, я жив здоров. 21/8 43 (подпись) Е. Палкин.» [2]. Служил Евгений до конца войны, был награжден орденом Отечественной войны II степени (1985 г.) и медалью «За Победу над Германией». После войны жил в Кирове, избирался депутатом городского Совета [5].

Новые сведения, полученные от внучки Михаила Палкина

Весной 2025 г. в музей обратилась Ольга Евгеньевна Долгих – внучка Михаила Палкина, дочь Евгения Михайловича. Она принесла семейный фотоальбом, ранее неизвестный, который был оцифрован и введен в музейную базу данных. В ходе интервью и анализа материалов уточнен ряд важных деталей:

- установлено, что Валентиной Николаевной Палкиной, второй женой Михаила Ивановича, были переданы письма в музей в 1978 г.;
- определена история библиотеки: книги приобретались на сэкономленные средства от столярного труда, детям их не разрешалось брать – они хранились в том самом шкафу, ныне обещанном музею;
- на сегодняшний день семьей Палкиных сохранена подборка журнала «Пробуждение» за 1913 г., с печатью Михаила Ивановича;
- скорректирована датировка фотографии – снимок, показанный на выставке «Письма твои получаю» и считавшийся

И. Н. Скопин (слева)
с М. И. Палкиным, г. Вятка, 1929 г.
(а не 1916 г., как считалось ранее)

относящимся к 1915 г., идентифицирован как 1929 г., благодаря подписи родственников;

- уточнено, что на фотографии вместе с Михаилом изображён Иван Николаевич Скопин – друг семьи, предположительно родственник; от него сохранилось письмо Михаилу с поздравлением с Победой в 1945 г.;
- выявлены фотографии первой жены Елены Анатольевны Палкиной, которой в 1941–1943 гг. писали с фронта сыновья, а также фотографии самих сыновей;
- представлены к осмотру награды Евгения Михайловича – они остаются в семейном хранении.

Эти данные уточнили хронологию жизни семьи, происхождение коллекции и личные связи Михаила Палкина. Важным результатом стало восстановление контекста его культурной среды и предметного мира, что может придать экспозиции целостный сюжет – от первого письма Василия до семейного альбома, пришедшего через столетие.

Исследование истории семьи Палкиных показало, что музей способен быть не только хранителем памяти, но и активным производителем исторического знания. Экспозиция, основанная на частных письмах, фотографиях и предметах повседневности, превратилась в самостоятельную форму научного исследования. Опыт работы с этой темой подтвердил: музейная практика включает аналитический, интерпретационный и социокультурный компоненты и способна выступать равноправным инструментом исторической реконструкции.

Семья Палкиных стала примером того, как локальный сюжет может раскрывать масштабную историческую картину. Судьбы Василия, Михаила, Аркадия и Евгения соединяют эпохи двух мировых войн, революционных событий и последующих десятилетий, а письма, фотографии и воспоминания позволяют увидеть, как общая история преломляется в опыте конкретного человека. Через реконструкцию частной биографии музей формирует новый уровень эмпатии и понимания исторического процесса.

Перспективы исследования очевидны: создание полного каталога писем Михаила и Василия Палкиных, формирование цифровой исследовательской базы, которая позволит расширить доступ к материалам; подго-

товка онлайн-публикации и организации передвижной выставки по музеям региона. Эти шаги станут продолжением работы по осмыслению роли человека в истории и укрепят представление о музее как о месте, где частная память превращается в достоверное историческое знание.

Выражаем благодарность потомкам Михаила Ивановича Палкина – Ольге Евгеньевне Долгих и её семье – за предоставленные материалы.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники

1. Материалы из фондов Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина. КОКМ 19197.
2. Материалы из фондов Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина. КОКМ 19198.
3. Материалы из фондов Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина. НВФ 3381.
4. Семейный фотоархив семьи Палкиных.
5. Устные свидетельства. Воспоминания дочери участника Великой Отечественной войны Долгих Ольги Евгеньевны.

Опубликованные источники

Периодическая печать

6. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1906. № 102. С. 3.
7. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1906. № 116. С. 4.
8. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1906. № 127. С. 3.
9. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 153. С. 3.
10. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 173. С. 4.
11. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 174. С. 3.
12. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 188. С. 3.
13. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 206. С. 4.
14. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 207. С. 3.
15. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 211. С. 4.
16. Палкин М. Без названия // Вятская жизнь. 1907. № 212. С. 3.
17. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1906. № 8. С. 3.
18. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1906. № 65. С. 4.

19. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1906. № 98. С. 3.
20. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1907. № 114. С. 3.
21. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1907. № 119. С. 4.
22. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1907. № 126. С. 3.
23. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1907. № 131. С. 4.
24. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1907. № 142. С. 3.
25. Палкин М. Без названия // Вятский край. 1907. № 144. С. 4.
26. Палкин М. Без названия // Вятская речь. 1907. № 1. С. 3.
27. Палкин М. Без названия // Вятская речь. 1907. № 11. С. 4.
28. Палкин М. Без названия // Вятская речь. 1908. № 19. С. 3.
29. Палкин М. Без названия // Вятская речь. 1908. № 71. С. 4.
30. Палкин М. Без названия // Родина Халтурина. 1926. № 2. С. 3.
31. Петряев Е. Д. Берегите стариков // Кировская правда. 1969. № 52. С. 3.

Справочник

32. Именной список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам. № 601–620. 1915. С. 9601-9920.

Литература

33. Петряев Е. Д. Люди. Рукописи. Книги. Киров: отделение Волго-Вятского книжного издательства, 1970. 287 с.
34. Петряев Е. Д. Записки книголюбца. Киров: отделение Волго-Вятского книжного издательства, 1978. 278 с.
35. Касимова Э. Г. Письма из музея // Первая мировая война и Вятка: сб. науч. трудов и документов. Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, науч.-исслед. Центр регионоведения. Киров: ИД «Герценка», 2016. С. 119-153.

Лельевр Марк Константинович

Альтернативный взгляд на причины происхождения вооруженного конфликта на Корейском полуострове 1950 - 1953 гг.

Аннотация. В статье делается попытка проследить глубинные причины зарождения гражданской войны на Корейском полуострове, в которую будут вовлечены мировые сверхдержавы. Особый акцент делается на выявлении роли лидеров двух корейских общественно-политических блоков в развязывании войны – Ким Ир Сена и Ли Сын Мана. В результате анализа источниковой базы автор приходит к выводу, нехарактерному для классической историографии Корейской войны 1950-1953 гг.: вина Ким Ир Сена в начале войны не была абсолютной. Значительная вина в провоцировании конфликта лежит на преступной политике Ли Сын Мана и его окружения, включая американскую военно-политическую верхушку. Для анализа привлекались сведения Центрального Архива Министерства обороны России, в которых содержатся сведения о попытке фальсификация американской стороной истинных причин начала Корейской войны.

Ключевые слова: Корейская война, Ли Сын Ман, Ким Ир Сен, 38 параллель, КНДР, Республика Корея.

An Alternative View of the Origins of the 1950-1953 Armed Conflict on the Korean Peninsula

Abstract. This article attempts to trace the underlying causes of the outbreak of civil war on the Korean Peninsula, which would eventually involve the world's superpowers. Particular emphasis is placed on identifying the roles of the leaders of two Korean socio-political blocs in the outbreak of war – Kim Il-sung and Syngman Rhee. Based on an analysis of the source material, the author reaches a conclusion unusual in classical historiogra-

phy of the Korean War of 1950-1953: Kim Il-sung's guilt at the start of the war was not absolute, and significant blame for provoking the conflict lies with the criminal policies of Syngman Rhee and his entourage, including the American military and political elite. The analysis utilized data from the Central Archive of the Russian Ministry of Defense, which contains evidence of an attempt by the American side to falsify the true causes of the outbreak of the Korean War.

Keywords: Korean War, Syngman Rhee, Kim Il Sung, 38th parallel, DPRK, Republic of Korea.

Вопрос происхождения Корейской войны 1950 – 1953 гг. до сих пор остается в центре внимания российских и зарубежных историков. Традиционно историография возлагает ответственность за начало этого вооруженного конфликта на руководство КНДР. В то же время нельзя не отметить, что еще советская историография пыталась уйти от такого подхода, который представляется однобоким. В современных реалиях данная тема имеет особую актуальность, так как именно сейчас происходит расширение двусторонних отношений между Российской Федерацией и Северной Кореей.

Современная северокорейская историография считается многими исследователями маргинальной, однако представляется интересным отметить точку зрения ученых из КНДР. Они полагают, что Ким Ир Сен был не единственным и далеко не основным виновником начала военных действий. Во многих источниках встречается версия о том, что именно Ким Ир Сен и его огромное желание объединить Корейский полуостров под своим руководством стали основным негативным фактором для южнокорейских властей, побудившим их начать провокации в отношении северной части прежде единой страны.

Объектом моего исследования являются первопричины Корейской войны, а предметом исследования – личности Ким Ир Сена и Ли Сын Мана и их роль в начале Корейского конфликта. В качестве методов исследования мною был применен сравнительно-исторический метод, позволивший сравнить роль двух лидеров в развязывании войны.

После поражения Японии во Второй мировой войне было принято решение о разделе Кореи. Сами корейцы надеялись на то, что их страна получит

независимость. Однако проблема была в том, что они не участвовали в освобождении своих территорий от японской армии. Судьбу корейских земель решали страны-победительницы. США и СССР договорились о разделе Кореи по 38-й параллели. Дело в том, что 38-я параллель уже служила линией раздела во время японской оккупации. На север от неё стояла Квантунская армия, а на юге располагалась 17-я армия. Таким образом, административное деление полуострова по этой линии представлялось наиболее простым.

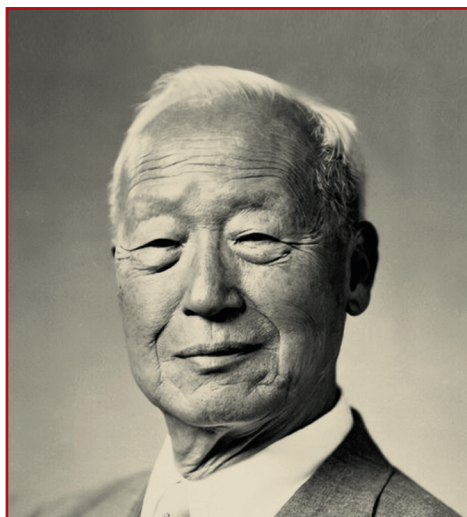
Америке выгодно было взять под свой контроль столицу Кореи – Сеул, поэтому США настаивали на том, чтобы территории южнее 38-й параллели отошли им. И.В. Сталин не возражал против такого деления. Выработанный в декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел проект заключался в том, что поначалу советская и американская администрации обеспечивают опеку подконтрольных им территорий, а потом в Корею проводятся выборы, которые сформируют демократически избранное правительство.

Но в тот момент, когда между Вашингтоном и Москвой возникли противоречия, на каждой половине полуострова администрации потребовался местный лидер, который был бы достаточно популярен, харизматичен, надёжен и лоялен. На Севере выбор был сделан в пользу Ким Ир Сена. Ким был командиром коммунистических партизанских отрядов, которые сражались против японцев еще в 1930-е гг.

Судя по воспоминаниям тех, кто общался с Кимом, это был человек большой харизмы, достаточно упорный, умевший грамотно выстраивать психологический климат вокруг себя, популярный среди своих солдат. На Юге выбор был сделан в пользу Ли Сын Мана. Ли Сын Ман в молодости

Ким Ир Сен в 1946 г.

Ли Сын Ман

участвовал в движении против японской оккупации, за что был арестован японцами и приговорён к пожизненному заключению. Однако спустя пять лет его при странных обстоятельствах выпускают из тюрьмы и дают возможность уехать в США. Здесь он получает образование, становится протестантским проповедником и сотрудничает с администрацией нескольких американских президентов.

Об отношении к нему корейской либерально-демократической эмиграции, говорит тот факт, что в 1925 г. большинством голосов его

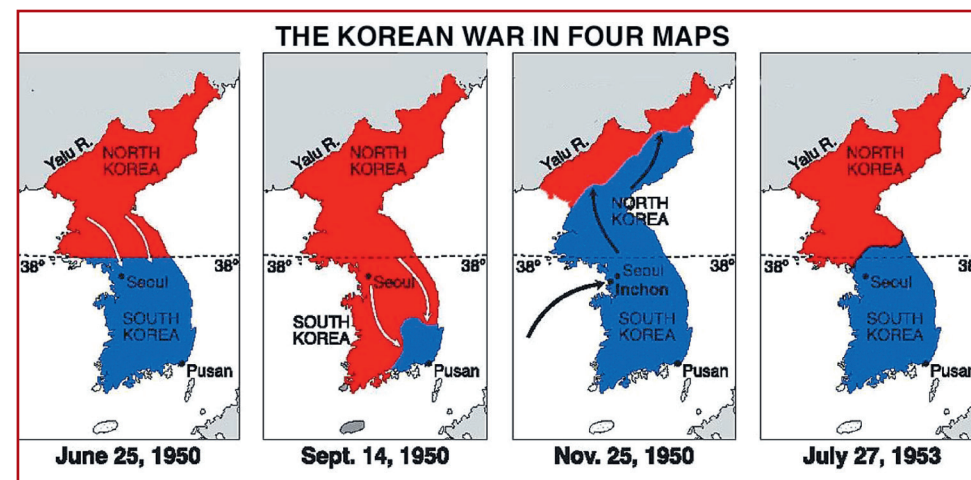
лишают поста президента Временного правительства Республики Корея за злоупотребление властью и коррупцию. Его заискивание перед американским руководством приносит свои плоды в 1945 г., когда с одобрения американского военного командования его спешно перебрасывают в Сеул и навязывают южнокорейскому обществу в качестве будущего лидера. Вскоре Ли Сын Ман понял, что его авторитет человека, не участвовавшего в реальной борьбе с японскими оккупантами (как многие коммунисты и националисты) крайне низок. Для поднятия своего авторитета он создаёт систему сложного и изощрённого террора.

Как посчитали либеральные историки начала 2000-х гг., количество жертв «белого террора» в Южной Корее в 1948-1953 гг. было примерно в два раза больше, чем жертв «красного» на Севере [2]. При этом значительную роль в этих чистках сыграли и различные парамилитарные организации, известные под общим названием «молодёжные корпуса».

Впрочем, и официальный режим вполне практиковал репрессии. Речь идёт о так называемом «подо ёнмэн». Это объединение состояло из расквашенных левых, отошедших от политической деятельности или находящихся под подозрением. В нём состояло около 100 000 человек. С началом

Корейской войны все они были репрессированы как «потенциальная красная агентура». Любые несогласные с террором Ли Сын Мана и с тем, что он выступает за войну, немедленно объявлялись коммунистами. Эта практика продолжилась и после войны.

Размах террора был настолько серьёзным, что некоторые американские кураторы Ли Сын Мана стали бить тревогу. Так, Д. Маччио (посол США в Сеуле) прямо писал в своих депешах, что правительство Ли Сын Мана не имеет поддержки в народе и с каждым витком террора количество недовольных растёт. Ли Сын Ман понимал, что в народе он не пользуется авторитетом и в армии зреет недовольство, поэтому он подталкивал и армию, и американское командование к войне с северянами. Он демонстративно назначил в феврале 1949 г. пять губернаторов северных провинций (у каждого была своя резиденция в Сеуле и административный штат), лично курировал как переброску шпионов и диверсантов на север, так и переходы через границу армейских подразделений вплоть до полка. Одновременно с этим он убеждает американское руководство через советника Р. Оливера, что будущая война с Севером закончится очень быстро и южнокорейская армия за месяц-два дойдет до естественных границ Кореи, к рекам Туманган и Амноккан.

Карта хронологии Корейской войны

В феврале 1950 г. Советский Союз и КНР заключили Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Успешное развитие экономического и военного потенциала КНДР, решающую роль в котором играла помощь со стороны Советского Союза, создавало в представлении северокорейского руководства материальную основу для объединения корейской нации. В то же время, США постепенно стали утрачивать сферу влияния на Дальнем Востоке, и американская администрация решила передислоцировать свои вооружённые силы так, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения позиций. В руководящих кругах Вашингтона формировалось убеждение в необходимости отказа от вовлеченности в дела на материковой части Восточной Азии и закрепления на цепи островов, расположенных вдоль азиатско-тихоокеанского побережья. Объединённый комитет начальников штабов (ОКНШ) предложил, чтобы США установили «оборонный периметр» на Тихом океане вне азиатского континента и определили некий рубеж для целей стратегического планирования. По оценке ОКНШ, американские вооружённые силы, распылённые по всему миру, не располагали ресурсами для защиты южнокорейского режима. Поначалу ОКНШ рекомендовал вывести американские войска из Кореи, а президент Г. Трумэн одобрил эти рекомендации.

В итоге, в июне 1949 г. США вывели свои боевые части из Южной Кореи. В свою очередь, Ли Сын Ман яростно выступал против вывода американских войск [8, с. 384]. Южнокорейский лидер всячески стремился привлечь внимание Соединённых Штатов к положению в Корее и с этой целью санкционировал сотни вооружённых провокаций в районе 38-й параллели, что потенциально могло втянуть США в войну помимо их желания. Только после этих провокационных действий Вашингтон пообещал Сеулу дополнительную военную и экономическую помощь.

Когда начались вооружённые действия, оказалось, что армия Ли Сын Мана в большинстве своём не собирается драться за почтенного протестантского проповедника и «демократа». Она очень скоро потерпела поражение, значительная часть солдат дезертировала, и, если бы не прямое вмешательство американских войск, которые были вынуждены спасти своего ставленника, то уже в ноябре 1950 г. политическая карьера Ли Сын Мана должна была закончиться.

А.В. Самохин, опираясь на архивные материалы, проанализировал два документа, представленных американской стороной в ООН в мае 1951 г., с помощью которых США пытались доказать, что КНДР является виновником войны, и пришел к выводу, что они были фальсифицированы. Наиболее полно версию о том, что КНДР была инициатором войны, разработал А.В. Торкунов, но открытые для историков документы не позволяют сделать столь привычные сегодня выводы об исключительной виновности руководства КНДР в развязывании войны. Находящийся в Центральном архиве Министерства обороны России доклад посла СССР в КНДР Т.Ф. Штыкова заместителю начальника Генерального штаба от 26 июня 1950 г. о подготовке и ходе военных действий Корейской народной армии (КНА) также не даёт однозначного ответа на вопрос о том, кто начал войну. В нём отмечено, что «план и сроки начала действия войск удалось сохранить в секрете», но Т.Ф. Штыков сообщил, что «южнокорейская армия спровоцировала военное нападение, нарушив 38-ю параллель». Некоторые документы показывают, что инициатором войны был южнокорейский режим Ли Сын Мана. Началу военных действий предшествовали многочисленные приграничные вооружённые конфликты, которые провоцировала южнокорейская сторона. Только в 1949 г. её воинские части и полицейские подразделения совершили 2617 вооружённых вторжений за 38-ю параллель, было зафиксировано 71 нарушение воздушной границы и 42 вторжения в территориальные воды КНДР. В среднем по 7 вторжений на территорию КНДР совершалось ежедневно.

2 мая 1951 г. представитель США в ООН У. Остин предъявил доклад командующего союзными войсками в Корее, якобы подтвердивший американскую версию об интервенции войск КНДР в Южную Корею. Первый документ – т.н. «приказ начальника штаба 4-й дивизии КНА № 1 от 18 июня 1950 года», предусматривавший организацию разведки главных сил южнокорейской армии до начала наступления, определение целей и мест дислокации основных сил противника. Второй документ – «боевой приказ командира 4-й дивизии КНА Ли Вон Му №1 от 22 июня 1950 года», которым определена задача дивизии в ходе наступления – захват рубежа Ыйчжонбу – Сеул. Подготовку к наступлению якобы требовалось закончить к 23 июня 1950 г. В анализе документов приводится большое количество

грубых ошибок, которые позволяют судить о том, что предъявленные представителем США документы являются довольно спорными и их представление в ООН указывает на то, что у руководства США не было реальных доказательств того, что вина за развязывание военных действий лежит целиком на КНДР.

По мнению К.В. Асмолова, неверно представлять Корейскую войну как конфликт США и СССР, внутренние причины лежали глубже, это был прежде всего конфликт двух народов некогда единой страны. И говоря о вине Ли Сын Мана необходимо отметить, что он выдвигал территориальные претензии не только к Северу, но и к китайской Маньчжурии и советскому Приморью как частям будущей Великой Кореи. В течение войны Ли Сын Ман срывал всякие попытки мирных переговоров.

А.В. Торкунов в книге «Загадочная война» вторит мнению К.В. Асмолова по поводу причин начала войны: «Считать, что Пхеньян и Сеул были просто заложниками в большой игре великих держав, было бы неправильно. К войне на полуострове тщательно готовились и обе корейские стороны. И, готовясь к этой войне, они никак не стремились оказаться в роли пешек, обслуживающих глобальные амбиции Москвы и Вашингтона. В основе их политики лежали, прежде всего, властные и националистические устремления. Можно с определенностью сказать, что Корейская война изначально носила характер войны гражданской с той лишь особенностью, что раздел страны по 38-й параллели географически обусловил и раздел противостоящих политических сил» [11].

Подводя итоги нашему исследованию, необходимо отметить, что фигура Ли Сын Мана сыграла значительную роль в развязывании войны на Корейском полуострове. Доказательством этому служат и массовые репрессии, развязанные против сторонников социалистической идеи на Юге с огромным числом жертв, и его экспансионистские идеи «Великой «Кореи», и провокации на границе, и, наконец, отношение к Ли Сын Ману самой американской военной и политической элиты, которые рассматривали даже вариант его насильственного смещения с поста лидера Республики Корея, т.к. он провоцировал вовлечение Соединенных Штатов в полномасштабный конфликт. Подлинным эпилогом его политики стал политический кризис, который привел к его отставке в 1960 г.

Безусловно оба лидера – и Ким Ир Сен, и Ли Сын Ман – хотели объединить Корею под своим руководством, и оба готовились к военным действиям, рассчитывая на поддержку СССР и США соответственно. Однако нельзя обвинять Ким Ир Сена в единоличном развязывании конфликта. Южнокорейские власти также несут большую ответственность за начало войны. Ким Ир Сен считается основателем современного северокорейского государства и остается культовой фигурой в Северной Корее даже спустя годы после его смерти. Что касается Ли Сын Мана, первого президента Южной Кореи, он был вынужден покинуть страну после массовых протестов против его правления в 1960 г. Его режим обвиняли в коррупции и подавлении демократических свобод. После свержения Ли Сын Ман уехал на Гавайи, где прожил остаток своей жизни до самой смерти в 1965 г.

Список источников и литературы

1. Асмолов К.В. Был ли в Корее фашистский режим // Интернет-журнал Новое восточное обозрение: [сайт]. 12.10.2023. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/10/12/byl-li-v-koree-fashistskij-rezhim/> (дата обращения 06.10.2025).
2. Его же. Историческая правда о резне в Чечжудо постепенно восстанавливается // Интернет-журнал Новое восточное обозрение: [сайт]. 14.04.2019. URL: <https://history.milportal.ru/vojna-v-koree-istoriya-falshivki/> (дата обращения 06.10.2025).
3. Его же. Современная российская историография Корейской войны 1950-1953 годов // Журнал «Самиздат»: [сайт]. 05.07.2013. URL: https://samlib.ru/a/asmolow_k_w/09kks.shtml (дата обращения 25.10.2025).
4. Его же. Современное состояние и перспективы отношений РФ и КНДР // Российский Совет по международным делам: [сайт]. 23.04.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-otnosheniy-rf-i-kndr/> (дата обращения 12.11.2025).
5. Ким Ир Сен. В Водовороте Века». Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1993. Т. 1. 432 с.
6. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. // Викичтение: [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/178461?ysclid=m4qywnr2r777401902> (дата обращения 15.10.2025).
7. Ланьков А. После санкций: почему не стоит ждать оживления экономических связей России и КНДР // Форбс: [сайт]. 20.06.2024. URL: <https://www.forbes.ru/>

- [mneniya/515135-posle-sankcij-pocemu-ne-stoit-zdat-ozivlenia-ekonomiceskih-svazej-rossii-i-kndr](#) (дата обращения 12.11.2025)
8. Лотоцкий С.С. Война в Корее. 1950–1953 гг. Военные тайны XX века. М.: Вече, 2024. 384 с.
 9. Самохин А.В. Война в Корее: история фальшивки // Военно-исторический журнал: [сайт]. 12.06.2015. URL: <https://history.milportal.ru/vojna-v-koree-istoriya-falshivki/> (дата обращения 25.10.2025).
 10. Суевин А. Бой после победы // Информбиржа: [сайт]. 17.08.2017. URL: <https://ibirzha.kz/boj-posle-pobedy-10/> (дата обращения 10.11.2025).
 11. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 312 с.

Симанов Егор Сергеевич

Внутренний вооруженный конфликт и колумбийское государство: смена стратегий в XXI в.

Аннотация. Несмотря на формальное подписание в 2016 г. мирных соглашений, противостояние между правительством и незаконными вооруженными формированиями различной идеологической направленности не утихает и продолжает уносить жизни солдат, рядовых граждан и партизан. В этой связи представляется чрезвычайно актуальным анализ политики различных президентских администраций, который позволяет лучше понять изменчивую природу насилия и первопричины успехов и неудач в постконфликтном урегулировании. Так, политика «жесткой руки» президента Альваро Урибе позволила подавить силовую составляющую леворадикальной герильи и разоружить ультраправые воензированные формирования (т.н. парамилитарес), что позволило его преемнику Хуану Мануэлю Сантосу провести масштабную военную реформу, которая оказала давление на наметившийся мирный процесс с позиции силы. Иван Дуке, в свою очередь, сместил акценты политики безопасности, фактически отказавшись от реализации мирных соглашений, а Густаво Петро предпринял попытку возобновления переговорного процесса с субъектами конфликта.

Ключевые слова: Колумбия, гражданская война, внутренний вооруженный конфликт, силовые структуры, леворадикальная герилья, ультраправые группировки, безопасность, доктрина «Дамаск».

Internal Armed Conflict and the Colombian State: Shifting Strategies in the 21st Century

Abstract. Despite the formal signing of peace agreements in 2016, the confrontation between the government and illegal armed groups of various

ideological persuasions persists and continues to claim the lives of soldiers, ordinary citizens, and guerrillas. In this regard, an analysis of the policies of various presidential administrations is extremely relevant, as it allows for a better understanding of the changing nature of violence and the root causes of successes and failures in post-conflict resolution. For example, President Álvaro Uribe's «strong hand» policy suppressed the violent component of the left-wing guerrillas and disarmed far-right paramilitary groups (the so-called paramilitaries), allowing his successor, Juan Manuel Santos, to implement a large-scale military reform that exerted pressure on the emerging peace process from a position of strength. Iván Duque, in turn, shifted the focus of security policy, effectively abandoning the implementation of the peace agreements, while Gustavo Petro attempted to resume negotiations with the parties to the conflict.

Key words: Colombia, the Civil War, internal armed conflict, security forces, left-wing guerrilla warfare, far-right groups, security, Damascus doctrine.

На протяжении более 60 лет внутренний вооруженный конфликт в Колумбии продолжает определять стратегическую обстановку в сфере безопасности и влияет на политический ландшафт этой республики. При этом интенсивность конфликта, как и средства ведения противоборства со стороны основных вооруженных субъектов претерпевают постоянные изменения. Нестабильность обстановки в сфере безопасности и крупные реформы политической системы в связи с принятием конституции 1991 г., а затем заключением мирных соглашений 2016 г. между правительством Колумбии и руководством леворадикальных Революционных вооруженных сил Колумбии (FARC, ФАРК) требовали от силовых структур постоянной адаптации к новым условиям. В связи с этим цель данной работы – выявление изменений в стратегии и действиях основных президентских администраций Колумбии, направленных на установление мира на всей национальной территории. Объектом исследования выступает внутренний вооруженный конфликт, а предметом – деятельность президентских администраций в сфере обеспечения безопасности.

Изучению внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии посвящен обширный пласт отечественной и зарубежной латиноамериканистики

и конфликтологии (security studies). Различным аспектам экономической и социально-политической ситуации в Колумбии посвящены монографии З.В. Ивановского «Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности» [4] и М.Л. Чумаковой «Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора и поиски мира» [13], а также фундаментальные коллективные исследования, изданные Институтом Латинской Америки РАН, прежде всего «Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности» [6], «Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности» [7], а также исследование «История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века» [5], подготовленное Институтом всеобщей истории РАН при участии специалистов из других научных центров. Этой же проблематике посвящены статьи О.Н. Докучаевой [2], А.А. Селезнева [10], В.Л. Хейфеца [11], М.Л. Чумаковой [14].

Среди западной академической традиции можно выделить работы Томаса Маркса, руководителя департамента исследований войн и конфликтов Национального военного университета США, посвященные операциям вооруженных сил Колумбии в последней декаде XX в – начале XXI века [21; 28]. Наиболее ценными представляются исследования колумбийских военных аналитиков и политологов, опубликованные в профильных журналах³.

Если западные исследователи акцентируются на военных аспектах, то российские специалисты уделяют приоритетное внимание политической составляющей внутреннего вооруженного конфликта. В данной статье предпринимается попытка выявить влияние политического пространства конфликта на характер ведения боевых действий и наоборот, а также ввести в отечественный научный оборот новые источники и зарубежные исследования.

Внутренний вооруженный конфликт в Колумбии представляет собой противоборство между правительственными силовыми структурами (армией и полицией) с одной стороны, и различными незаконными вооруженными формированиями с другой. К последним относятся как леворадикальная герилья, так и ультраправые организации, и организованная преступность

³ «Ensayos sobre defensa y seguridad», «Revista Estrategia, Poder y Desarrollo», «Fuerzas Armadas», «Revista Estudios en Seguridad y Defensa»

(наркокартели и группировки, занимающиеся незаконной добычей полезных ископаемых).

Леворадикальная герилья ставила своей целью изменение государственного строя в Колумбии [8], установление справедливого социального порядка и проведение аграрной реформы [9]. Ультраправые вооруженные формирования первоначально создавались для защиты местного населения на территориях, не контролируемых полностью или частично государственными институтами и не обеспечивавшими защиту граждан от леворадикальной герильи [29]. Антиправительственные группировки занимались рэкетом, незаконной добычей полезных ископаемых, грабежами, похищениями людей для получения выкупа, производством и распространением наркотиков и т.д. [22].

До начала 1990-х гг. эти формирования мало контактировали между собой, существенно отличались как цели их деятельности, так и методы борьбы с государственными структурами. После ликвидации двух крупнейших наркокартелей (картель Кали и Медельинский картель) в середине 1990-х гг. постепенно размывалась граница между указанными вооруженными группами. Как ультраправые парамилитарес, так и леворадикальные партизаны начали прямо или опосредованно вовлекаться в различные звенья цепи выращивания, производства и распространения наркотиков, получая прибыль в контролируемых их отрядами районах [12; 19].

Наибольшую угрозу для национальной безопасности представляли FARC и иные леворадикальные группы, прежде всего, геваристская Армия национального освобождения (ELNO). Руководство ФАРК воспользовалось новой ситуацией, сложившейся в стране после вступления в силу Конституции 1991 г., и аккумуляцией ресурсов, оставшихся после разгрома картелей, для перехода к полномасштабным военным действиям [20; 27]. По итогам VII конференции, ФАРК объявили о переходе к новому этапу революционной партизанской борьбы, на смену спорадическим атакам правительственных учреждений, инфраструктуры и военных баз с целью распространения своего влияния и пропаганды, и накопления ресурсов пришло систематическое развертывание боевых действий на территории большинства департаментов страны для установления над ними полного контроля [8; 18].

К 2002 г. численность ФАРК достигала 17 000 человек [25] (численность Вооруженных сил Колумбии в 2003 г. составляла ориентировочно 158 000 человек, из которых 74 000 солдат являлись призывниками) [23]. Это позволяло руководству герильи строить планы по блокированию столицы Колумбии - Боготы и дальнейшему возможному захвату власти. Разница в численности армии и ФАРК нивелировалась благодаря тактике партизанской борьбы, позволявшей осуществлять внезапные нападения и избегать прямых столкновений [1]. Так, повстанцы могли концентрировать свои силы в определенных районах для нанесения ударов, в то время как правительственные силы были ограничены (за исключением элитных спецподразделений) в мобильности и возможности разведки действий партизан.

Таблица 1. Субъекты внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии в начале XXI в.

Правительство Колумбии	Вооруженные организованные группировки
ВС Колумбии - 158 тысяч человек из них 74 тысяч призывников • сухопутные войска – 136 тысяч чел. • ВВС – 15 тысяч чел. • ВМФ – 7 тысяч чел. • Национальная полиция – 104 тысяч чел.	Леворадикальная герилья • <i>Революционные вооруженные силы Колумбии</i> – 17 тысяч чел. • <i>Армия национального освобождения</i> – 3,5 тысяч чел.
	Ультраправые вооруженные формирования • <i>Силы самообороны Колумбии</i> – 8 тысяч чел.
	Организованная вооруженная преступность (наркокартели) – нет точных данных

Составлено по: Military Balance 2001-2002, Oxford University Press, 2002. 318 p. [23]

Совокупность ответных военных и политических мер колумбийского правительства начали готовиться со времен президентской администрации А. Пастраны (1998-2002 гг.). Несмотря на провал мирных переговоров с ФАРК, а также использование повстанцами демилитаризованной зоны для перегруппировки и концентрации своих сил, данному правительству удалось заручиться поддержкой США в соответствии с планом «Колумбия»

(1999-2006 гг.) [30]. В 2001 г. был принят закон о национальной безопасности, по замыслу президента, предоставлявший дополнительные полномочия для борьбы с повстанцами, однако спустя год он был отменен Конституционным судом Колумбии [17]. Тем не менее колумбийская армия в рамках плана «Колумбия» активизировала оперативную деятельность против леворадикальной герильи.

Своего пика вооруженное противоборство достигло в первой декаде XXI в. По данным военных аналитиков, конфликт затрагивал не только непосредственно вооруженное противоборство между армией и повстанцами, но и информационно-пропагандистское и социально-экономическое измерения [16].

Главным нововведением администрации А. Урибе (2002-2010 гг.) была попытка объединить усилия различных ведомств и государственного аппарата для борьбы с конкретным противником в виде ФАРК (а также выработку конкретных показателей для оценки этой борьбы [15]) и использование противоречий между парамилитарес и герильей, для выполнения «грязной» работы, которую не могли по юридическим или этическим причинам выполнять национальные вооруженные силы. С формальной точки зрения предложения А. Урибе охватывали широкий спектр проблем. Так, в доктрине демократической безопасности, разработанной А. Урибе, перечисляются следующие угрозы: терроризм, торговля наркотиками, незаконный оборот оружия, похищения, вымогательство и убийства⁴ и выделяются пять основных задач (укрепление государственного контроля над территорией, защита населения, ликвидация незаконной торговли наркотиками, поддержание сдерживающего потенциала, эффективность, прозрачность и подотчетность силовых структур)⁵. Однако, в ходе исполнения плана военной кампании «Патриотас» было проведено 10 операций, семь из которых были направлены против леворадикальной герильи [24; 26]. Прежде всего правительственные силы охотились за лидерами партизан. Уничтожение посевов коки в подконтрольных герилье муниципалитетах должно было подорвать финансовые возможности ФАРК, а активная информационно-пропагандистская кампания в поддерж-

⁴ Política de Defensa y Seguridad Democrática. 2003. Available at: <https://www.oas.org/csh/spanish/documentos/colombia.pdf> (accessed 16.12.2025).

⁵ Там же.

ку проводимой политики и конфронтация правительства с правозащитными организациями должны были подорвать поддержку повстанцев среди населения [30]. Колумбийские специалисты говорят об интернационализации конфликта, когда для усиления позиций правительственных сил активно привлекалась североамериканская военная и финансовая помощь [3]. De jure все действия А. Урибе соответствовали заявленным задачам по борьбе с угрозами, но de facto были направлены на ослабление ФАРК и конвертацию военных побед в политический рейтинг президента и правящей партии.

За время двух президентских сроков А. Урибе правительственными силам удалось переломить ситуацию в свою пользу. Так, после успешных операций по ликвидации командного состава ФАРК, восстановлению присутствия правительственных сил на территории многих муниципалитетов численность ФАРК сократилась до 11 000 бойцов, в то время как Вооруженные силы Колумбии продолжали получать разведанные, новейшее вооружение и технику североамериканского производства, совершенствовать взаимодействие между разными видами войск. В 2008 г. умер бессменный лидер ФАРК Мануэль Маруланда, а также были ликвидированы ключевые руководители организации. По мнению Х.М. Сантоса (бывшего министром обороны при администрации А. Урибе) это было крупнейшим стратегическим успехом за время борьбы с ФАРК. Так, в 2009 г. новое руководство герильи в виду провалов и подрыва военной и экономической составляющих деятельности организации объявило об эвакуации партизан в труднодоступные районы Колумбии⁶.

Для закрепления военного успеха и обеспечения сильной переговорной позиции новая администрация Х.М. Сантоса (2010-2018 гг.) инициировала крупнейшую военную реформу под названием «доктрина Дамаск». Были реорганизованы органы управления Главного командования, в задачи которого входила разработка нового комплекса общевоинских уставов, руководств и учебных пособий. Для реализации реформы были созданы комитеты, Вооруженные силы полностью переориентировались для противодействия асимметричной войне.

⁶ FARC lanzan Plan «Renacer» y buscan oxígeno político // Reuters, 2009. URL: <https://www.reuters.com/article/world/us/exclusiva-farc-lanzan-plan-renacer-y-buscan-oxigeno-politico-idUSSIE51G11Q/> (accessed 16.12.2025).

Таблица 2. Структура военной реформы «Доктрина Дамаск»

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ	ТИПОЛОГИЯ УСТАВОВ	ТИПЫ ВОЙСКОВЫХ РУКОВОДСТВ И ИХ ИЕРАРХИЯ
Теоретическая	Общевойсковой устав	Основополагающие руководства ВС
Тактическая	Уставы видов войск	Основные справочные руководства ВС
Техническая	Наставление для международного взаимодействия	Полевые руководства ВС
О процедурах и процессах	Наставление для межвидового взаимодействия	Технические руководства ВС
Термины и символы		

Составлено по: Rojas, P. J. Doctrina Damasco: eje articulador de la segunda gran reforma del Ejército Nacional de Colombia // Rev. Cient. Gen. José María Córdova, №15, Vol. 19, 2017. pp. 95-119. [31]

Второй президентский срок Х.М. Сантоса проходил под лозунгом «Все за новую страну» (Todos por un nuevo país), связанным со стремлением установить мир в Колумбии, достигнув договоренностей с руководством ФАРК. В 2016 г. было подписано итоговое соглашение, однако возникли трудности с его принятием. Так, граждане на всенародном референдуме высказались против текста договора, и Х.М. Сантосу пришлось вносить коррективы в согласованный документ для обеспечения его поддержки Конгрессом. Стратегические документы во многом характеризовали отход Х.М. Сантоса от позиции «ястреба», характерной для сторонников правого политического спектра колумбийских элит. При этом сохранялся баланс между попыткой устранить социально-экономические причины конфликта и параллельным процессом по укреплению силовых структур, в частности, их готовности продолжать операции по противоборству с вооруженными формированиями и наркомафией.

В 2018 г. на президентских выборах победил представитель крайне правых И. Дуке (2018-2022 гг.). Срок его полномочий совпал с тенденцией на снижение интенсивности конфликта в результате демобилизации основ-

ного контингента ФАРК, дробления вооруженной организованной преступности и диссидентских организаций леворадикальной герильи на более мелкие группировки. В то же время измененный подход президента к конфликту не предложил новых решений и задач для национальной безопасности и Вооруженных сил. Главные тезисы всех документов планирования его администрации были направлены на разработку альтернативного законодательства, внесившего изменения в договор 2016 г., при этом не указывались какие-либо конкретные действия для реализации этой политики. Кроме того, И. Дуке вынужден был скорее реагировать на возникающие кризисы, например, на пандемию COVID в 2020 г. и на социальные протесты в 2021 г., чем реализовывать намеченные цели.

Новый президент Колумбии Г. Петро (2022 – 2026 гг.) предложил в первую очередь обеспечить социально-экономическое развитие территорий, контролируемых полностью или частично наркомафией и повстанческими группировками, пытаясь устранить причины, способствовавшие возникновению конфликта. Для этого ему необходимо было заключить соглашения о прекращении огня и наладить процесс диалога с полевыми командирами. По мнению Петро, Вооруженные силы и полиция нуждались в реформировании с точки зрения концептуальных установок и моральных ориентиров. Параллельно его администрация предлагала четче разграничить функции силовых ведомств и улучшить управление имеющимися ресурсами. Окно возможностей для реализации задуманных планов благодаря низкой интенсивности конфликта, закончилось в 2024 г., когда стало очевидно, что интересы и цели правительства расходятся с позициями основных субъектов конфликта. Несмотря на то, что Г. Петро – первый президент, принадлежащий к левой части политического спектра, а в молодости он сам был участником леворадикальной городской герильи, ему не удалось реализовать на практике провозглашенную политику всеобъемлющего мира из-за позиции субъектов конфликта и отсутствия парламентского большинства. В итоге связи с ростом насилия в Колумбии в 2025 г. снова было введено чрезвычайное положение.

Таким образом, несмотря на различную стратегию и тактику, заключение мирных соглашений в 2016 г. и масштабную военную реформу, ни одному из правительств Колумбии не удалось установить полный контроль

над сферой безопасности. Кроме того, усилия разных правительств концентрируются на различных аспектах конфликта, что говорит о некой эволюции вооруженного противоборства.

Действия администрации А. Урибе укладывались в парадигму противоборства с герильей и иными вооруженными группировками методами противопартизанской войны. Этому способствовали относительно благоприятные внутренние и внешние условия, однако по мере истощения сил леворадикальных повстанцев, оказалась неэффективной и политика «жесткой руки».

Пришедший ему на смену Х.М. Сантос наряду с масштабной реформой колумбийских Вооруженных сил, включавшей приведение действий национальной армии и полиции в соответствие с нормами международного гуманитарного права, начал уделять больше внимания политической составляющей конфликта с учетом требований партизан и жертв конфликта, что в итоге привело к заключению мирных соглашений в 2016 г. Его преемник И. Дуке был ставленником «ястребов» и торпедировал реализацию достигнутых договоренностей на практике. На Г. Петро, представляющего левый политический спектр, возлагались надежды на улучшение социальной ситуации, которое способствовало бы устранению первопричин внутреннего вооруженного конфликта, поскольку анонсированная программа «всеобъемлющего мира» предполагала проведение масштабных реформ и начало переговорного процесса с большинством вооруженных субъектов. Тем не менее, президенту не удалось достичь с ними консенсуса и преодолеть инерцию бюрократического аппарата и сопротивление политических оппонентов в парламенте.

Список источников и литературы

Источники:

1. FARC lanzan Plan «Renacer» y buscan oxígeno político // Reuters, 2009. URL: <https://www.reuters.com/article/world/us/exclusiva-farc-lanzan-plan-renacer-y-buscan-oxigeno-poltico-idUSSIE51G1IQ/> (accessed 16.12.2025).
2. Política de Defensa y Seguridad Democrática. 2003. Available at: <https://www.oas.org/csh/spanish/documentos/colombia.pdf> (accessed 16.12.2025).

Литература:

1. Гевара Э. Партизанская война. М., 1961. 136 с.
2. Докучаева О.Н., Ивановский З.В. Колумбия: мирный процесс и перспективы урегулирования вооруженного конфликта // Латинская Америка. 2013. №4. С. 63-71.
3. Ивановский З.В. Борьба с терроризмом: точка зрения колумбийского правительства // Латинская Америка. 2010. №11. С. 89-95.
4. Его же. Колумбия: государство и гражданское общество: Опыт экономических реформ в условиях нестабильности. М.: ИЛА РАН, 1997. – 293 с.
5. История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века. М.: Наука, 2022. 740 с.
6. Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. М.: ИЛА РАН, 2022. 586 с.
7. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН, 2017. 452 с.
8. Революционная Колумбия: История партизанского движения М.: Гилея (Час Ч). 2003. 223 с.
9. Селезнев А.А. Колумбия: леворадикальная вооруженная оппозиция как субъект внутрисоциального конфликта: диссертация кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2006. 180 с.
10. Его же. Политический проект колумбийской герильи // Латинская Америка. 2003. № 5. С. 94-98.
11. Хейфец В.Л. Маоистское течение в колумбийском партизанском движении // Латиноамериканский исторический альманах. 2018. № 19. С. 207-230.
12. Его же. Наследники «Виоленсии»: эволюция FARC в 1990-е гг. // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 21. С. 274–287.
13. Чумакова М.Л. Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира. - М.: ИЛА РАН, 2002. 288 с.
14. Ее же. Кризис общественной безопасности // Ибероамерика. 2013. № 1. С. 5 -34.
15. Bonett Locarno M.J. «Seguridad Integral» // Estudios en Seguridad y Defensa, № 1, Vol. 2, 2006 pp. 32–38.
16. Clavijo Ardil, A. Análisis sobre la situación de la seguridad nacional (1962-2012). Revista Científica General José María Córdova, № 10, Vol. 10, 2012. pp.143–161.
17. Criado M., Montana J. La ley colombiana de seguridad y defensa nacional: constitucionalidad y significación dentro del «Plan Colombia» // Jueces para la

- Democracia, № 42. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/174875.pdf> (Дата обращения 10.01.2026)
18. *Ferreira C.* Las FARC: Repliegue o retirada? // Ensayos sobre Defensa y Seguridad, № 2, 2005. pp 7-37
 19. Grupos multicrimen: entre la violencia y la paz total. Dirección para la Construcción de la Memoria Histórica del CNMH. 2025. Available at: <https://centrodememoriahistorica.gov.co/grupos-multicrimen-entre-la-violencia-y-la-paz-total-estructuras-armadas-y-organizadas-de-alto-impacto/> (accessed 14.01.2026)
 20. *Herrera J.* Hacia la construcción de una política nacional de seguridad y defensa// Ensayos sobre Defensa y Seguridad, №1, 2004. p. 31-57
 21. *Marks T.* FARC, 1982–2002: criminal foundation for insurgent defeat// Small Wars & Insurgencies, № 28, Vol. 3, 2017. pp. 488-523, DOI: 10.1080/09592318.2017.1307612
 22. *Martin C.* Transitando hacia una nueva mutación del conflicto interno colombiano // Ensayos sobre Defensa y Seguridad, № 5, 2008-2009. p. 123-141
 23. *Military Balance 2001-2002*, Oxford University Press, 2002. 318 p.
 24. *Montero-Moncada, L. A.* (Ed.). Lealtad, valor y sacrificio: un camino a la victoria. Sello Editorial ESDEG. 2022. pp. 237
 25. *Navarro-Jiménez, L. F., González-Parra, J. L., Ospina-Gutiérrez, L. M., & Salamanca-Rodríguez, Édgar A.* (Trads.). 70 años del Comando General de las Fuerzas Militares. Sello Editorial ESDEG. 2022. 170 p.
 26. *Operaciones Militares de Colombia: Un camino histórico en la modernización de las Fuerzas Militares y su doctrina.* Sello Editorial ESDEG. 2016. 101 p.
 27. *Oropeza Y.* La guerra actual de las FARC: ¿Derrota, victoria o camaleonismo? // Ensayos sobre Defensa y Seguridad, №1, 2004. pp. 9-31
 28. *Ospina C., Marks T.* Colombia: Changing strategy amidst the struggle // Small Wars & Insurgencies, № 25, Vol. 2, 2014. pp. 354-371, DOI: 10.1080/09592318.2014.903641
 29. *Parapolitica. La ruta de la expansión paramilitar y los acuerdos políticos.* Ed. Romero M. – Corporación Nuevo Arco Iris, 2007, 472 p.
 30. *Robert W. Jones Jr.* Plan Colombia and Plan Patriota: The Evolution of Colombia's National Strategy // Veritas, Volume 2, Issue 4, 2006
 31. *Rojas P. J.* Doctrina Damasco: eje articulador de la segunda gran reforma del Ejército Nacional de Colombia // Rev. Cient. Gen. José María Córdova, №15, Vol. 19, 2017. pp. 95-119.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Галенко Валерий Игоревич** – студент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).
- Галимов Никита Альбертович** – магистрант Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).
- Деев Дмитрий Александрович** – студент Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва).
- Зеленков Дмитрий Александрович** – младший научный сотрудник научно-просветительского отдела Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Москва).
- Инюшев Константин Сергеевич** – лаборант Южного научного центра РАН, студент Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
- Карпов Александр Владимирович** – студент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).
- Крисанов Матвей Николаевич** – студент Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва).
- Крухмаль Артем Игоревич** – научный сотрудник отдела археологии (Тульская археологическая экспедиция) Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (г. Тула).
- Лельевр Марк Константинович** – учащийся ГБОУ «Школа №1517» (г. Москва).
- Литвин Вероника Владимировна** – студентка 1-го курса Института истории и социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск).
- Новиков Михаил Павлович** – магистрант исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (г. Ярославль).
- Пашукова Елизавета Алексеевна** – заведующая рекламно-информационным отделом Муниципального бюджетного учреждения культуры «Краеведческий музей города Великие Луки» (г. Великие Луки).
- Политов Виталий Викторович** – преподаватель ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», кандидат исторических наук (г. Москва)

Семченков Лев Александрович – младший научный сотрудник выставочного отдела Музейно-выставочного комплекса им. М.Т. Калашникова (г. Ижевск).

Симанов Егор Сергеевич – научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки Российской академии наук (г. Москва).

Солдаткин Егор Андреевич – учащийся Школы Центра педагогического мастерства (г. Москва).

Тепин Дмитрий Николаевич – студент Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

Тихомиров Александр Александрович – магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва).

Федотов Рашид Ризванович – студент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Харина Виктория Михайловна – лектор-экскурсовод отдела «Музей боевой славы» Кировского областного краеведческого музея им. П. В. Алабина (г. Киров).

Ширко Дмитрий Геннадьевич – магистрант Института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

ООО «Издательский дом «Граница»
123022 Москва, улица 1905 года, 7, с. 1
Тел.: 8(495) 137-99-90, 971-00-75
www.granicagroup.ru

Подписано в печать 27.02.2026
Формат 70x100/16. Печать офсетная. Печ. л. 15
Бумага мелованная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1750